

Фото Виктора Корнюшина

Сергий Радонежский — это имя стало для России символом национального возрождения. Его житие — пример духовного подвига. Следующий номер журнала расскажет о славном сыне нашего Отечества.

Индекс: 73325
Цена по подписке — 2 руб.
В розницу — договорная.

РОДИНА

4—1992

ISSN 0235—7089

Фото Ашота Арутюнова

ЖИВЫ БУДЕМ — НЕ УМРЕМ!

Фотография Виктора Грицюка

ЖИВЫ БУДЕМ — НЕ УМРЕМ!

Фотографии Владимира Филонова

агентство DIVO специально для «Родины»

РОДИНА РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Выходит с января 1989 г.

Издательство
«Русская книга»

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В эти трудные для прессы времена Верховный Совет Российской Федерации поддержал многие издания, в том числе и наш журнал, выделив существенную дотацию. Благодаря своевременной помощи, номер «Родины» по-прежнему обходится Вам всего лишь в два рубля, между тем его себестоимость в шесть раз выше и составляет почти 13 рублей. Но хватит ли выделенных средств, чтобы доставить Вам журнал в течение года по старой цене? В условиях, когда стоимость бумаги, типографских услуг и всего прочего продолжает расти, на этот вопрос ответить трудно. Вот почему считаем своим долгом предупредить Вас, дорогие подписчики, что в случае ухудшения финансовой ситуации мы вынуждены будем попросить Вас сделать доплату — о чем сообщим дополнительно.

Редколлегия

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕВ АННИНСКИЙ

КТО МЫ ТАКИЕ?

АНЕКДОТ:

— ***Что такое литовец?***
— **Национальность.**
— ***А еврей?***
— **Клеймо.**
— ***А русский?***
— **Судьба.**

У Шукшина в романе о Разине — воевода Семен Львов, попытавшийся запереть разинцев в дельте Волги и не выпустить в море, узнает, что те, быстро и хитро разделившись, все-таки просочились, выскочили к нему в тыл: в момент доклада об этом воевода мгновенно теряет интерес к делу и падает духом.

Рассуждение Шукшина в связи с этим когда-то потрясло меня: вот русские люди! Как легко, как быстро взлетают и воодушевляются! Как скоро гаснут...

Вообще-то логичнее было ждать от Шукшина другого: хоть в контексте социальных идей, почерпнутых им из традиций советского эпизма, хоть в контексте увлекавшей его национальной идеи, логично было ждать противопоставления Разина Львову как настоящего русского народного героя — эксплуататору и вырожденцу. Но увидеть русское *в обоих* — это было (для 1972 года) в высшей степени необычно.

Теперь, перечитывая Шукшина, я вижу в его рассуждении следы привычного разлома: *«так резко различаются* русские люди: там, где Разин легко и быстро нашелся и воодушевился, там Львов так же скоро уронил интерес к делу»; «им овладела досада»; ему тяжко было «снова собираться с мыслью и духом». Но, при всем различии, тот и другой — *русские люди,* и Шукшин подмечает здесь важнейшую национальную черту, глубинную русскую драму.

Легко загораемся. И быстро гаснем. В непредсказуемой, головоломной, «незаконной» ситуации — азартные игроки. При угрозе проигрыша — мгновенные неудачники. Готовы на все плюнуть и начать все снова: на новом месте, в другой раз.

Поразительная уверенность, что *места хватит* и что *других разов* будет навалом.

Поразительный переход из уверенности в уныние и из уныния опять в уверенность.

Поразительная неустойчивость и непредсказуемость: непредсказуемость для самих себя.

Вы скажете: а легендарная русская стойкость? А смертное стояние на Шипке? А русская готовность часами и сутками сидеть в окопе, выжидая выгодного момента для атаки, месяцами и годами жить в землянке, трудясь для победы? Широкий смысл этого национального качества общепризнан, но вот свидетельство конкретное, профессиональное: маршал Рокоссовский, родом поляк, отмечал способность русского солдата ждать — по контрасту с жолнежем польским, который в атаке отважен, да вот ждать не умеет: пан или пропал, и немедленно! Русский воюет привычно — на измор, на износ. Его главная, фундаментальная черта в войне — стойкость. Выстоять! Как в Бородинской битве, Толстым описанной. Как в 1941-м: стоять насмерть! Эту черту в ту пору патриотически отмечал даже такой антисталинист, как Солженицын. Мы, воюя, прежде всего *Стоим,* и уж потом — пятимся, и уж потом — размахиваемся и «врезаем». И это воинское «стояние» — сродни, конечно, легендарному, двужильному, невменяемому русскому терпению.

Как же связать ртутную шукшинскую подвижность русской души — с этой бездвижностью стояния-сидения?

А вот так напрямую и связать. Связка на разрыве. Скобы на трещине. Желание взять в обруч, положить плаху, закрепить намертво, решить на вечные времена — от того же инстинктивного, звериного чувства нестабильности, неустойчивости, непредсказуемости. Чудовищный перевес импровизации над методичностью в основе характера (талант сильней ума), и чудовищные же усилия подавить этот безудерж — незыблемым, чугунным бездвижьем: укротить шатость крепостью (община сильней индивида).

Ощущение такое: не за что зацепиться, не на что опереться в «чистом поле». Тогда вбиваем кол и намертво держимся. Кто отойдет — предатель.

Сравнить с Европой. Самые «нерусские» в ней народы: англичане, французы, датчане, итальянцы. Там живущие, где морем, либо горами, либо реками — ограничено пространство. И в этом пространстве: на острове, полуострове — отстаивалось отграниченное однородное существование. Чем ближе к «серединке» (немцы к «середине» Европы), или к «проходному двору» (испанцы, хоть и «на краю», но — как «труба», по которой хлестали в Европу сарацины), или к «натуре» (норвежцы, у которых государственность была «чужая», шведская, а «своя» — лишь природа),— тем ближе характеры этих народов к русским, в которых играет именно «природа», «натура», и у которых земля — «проходной двор», которым смирять игрище стихий и воль приходится именно железной, давящей всякую волю «системой».

У русских никогда не было ни твердого места, ни древнего корня. На евразийской равнине с ветром гуляли ватаги, дружины и орды из края в край, вернее, без конца и края; кто откуда пришел, кто куда ушел,— иной раз просто некому было выяснять: все смешалось. Шли с юго-запада славяне, шли от «финских хладных скал» — варяги, шли из азиатских степей — татары, и смешивалось все, смешивалось: кудри черные и кудри белые (получались русые), носы горбатые и носы приплюснутые (получалось что-то среднее, «картошкой»), глаза карие, глаза синие, а уж про души и говорить нечего: полная «всеотзывчивость».

Те, что здесь смешались, назвались — русскими.

И страна назвалась — Россией.

Что их свело вместе, что эту страну — скрепило?

Нужда свела вместе: вечная опасность удара сзади, сбоку, изнутри; вечный страх нашествия, междоусобия, непредсказуемого срыва.

Беда страну скрепила: бесконечные кровавые счеты между «своими», вечные оглядки на «чужих», непрерывное участие «чужих» в разборках между «своими», постоянное смешение своего и чужого.

Вопль о границах, о межах — в безграничном просвисте сквозящих «проходных дворов», зияющих дыр, незатыкаемых промежутков. Морок маргинальности: ползла империя «пятном на скатерти», растекаясь и впитываясь, пока на гигантском пространстве не сравнялось бессилие Центра идти дальше с бессилием окружающих народов идти на Центр. Тут стали

Фото Владимира Филонова

чертить на песке границы, вбивать колышки, колы, колья, тянуть проволоку: сделалась Империя.

Национальная? Русская?

Никак нет.

Я же сказал: русских не было — были славяне, финны, татары, немцы, литовцы, кавказцы. Русские — это те, что здесь смешались, те, что здесь остались, те, что на это согласились: *назвали* себя русскими.

Империя не была национальной. Ни по замыслу, ни по исполнению. По замыслу: не «русская» — «Московская», потом «Российская», мировой город, третий Рим — перехватчик кафолической, вселенской, всемирной идеи. По исполнению: из Центра — циркулярно — импульсы во все стороны: до Балтики и Крыма, до Варшавы и Аляски: присоединять и удерживать; но и на Центр же накатывались — циркульно — со всех сторон... зачем? Грабить? Грабить, конечно... когда усидеть не надеялись. А надеялись бы усидеть — так и сели бы! И все эти рейды: от польского похода бунташных времен до набега всякого очередного «Гирея» — были попытками вовсе не уничтожить Москву, а — «стать Москвой». Как Аларих когда-то, наместник Иллирии «из рода Балтов»,— вовсе не уничтожить хотел Рим, а — овладеть им.

Так что надо бы нам переступить вполне понятную встречную враждебность к Тохтамышу, из-за которого сгорели наши бесценные древние летописи, и против всех Лжедмитриев, из-за которых чуть не пропала наша бесценная новоиспеченная династия, и понять: то была неотвратимая, геополитическая тяга народов осуществить центрирование жизни, общий порядок, ибо иначе — все истекало кровью. Удалось бы это татарам — и продолжили бы они наши летописи своими. Удалось бы полякам — сидели бы Ягеллоны на троне Романовых, славянской-то крови в Ягеллонах было не меньше. Ну, сложилась бы империя «Русско-Литовская». Либо «Московско-Казанская». И жили бы люди. Воевали-то — считанные годы, а «хорошовались», обнимались-целовались при встречах, торговали и женились, смешивались и пребывали — века.

Так что не знаю, кто от кого отделялся и отделывался бы сегодня: Ландсбергис от нас или мы от Ландсбергиса, и кто бы в Казани отделял в водке «спирт от воды»... то есть пытался бы этнически разделить начисто татар и русских, когда у тех и у других в основе — чуть не половина общей половецкой крови.

Да и вообще кровь тут не причем. «Еврей — это тот, кто называет себя евреем». Русский — тот, кто считает себя русским. Американец — тот ... и т. д.

Если уж с евреями, помешанными на идее материнской крови, это так (с папашиной-то стороны мог оказаться кто угодно), то русским и, полтысячелетия спустя, американцам сам бог велел не в составе крови искать национальную идентификацию, а в ощущении общей судьбы.

Такая судьба. Счастливая? Несчастная?

Не знаю. Я фаталист. Мне осточертел эпитет «многострадальная» при всяком упоминании о России. Строго говоря, немногострадальных народов нет. Ни в природе, ни в истории. Жизнь вообще есть страдание, которому единственный противовес — понимание смысла страдания.

Но революция — «ужас», не так ли, господа?

Но и то, в результате и против чего произошла революция,— тоже ужас, не так ли, товарищи?

Какой смысл — в смене ужаса ужасом, какой смысл в революции?

Никакого. Тут не смысл — тут неизбежность. А смысл только тот, чтобы в условиях неизбежности революции сохранять человеческие ценности.

Конечно, с нашей теперешней точки зрения, ценности искажались. Но с тогдашней, с *их* точки зрения, с точки зрения наших отцов и дедов,— искажены были ценности в «эксплуата-

торском обществе», так что революция *возвращала* смысл человеческому существованию. Где гарантии, что спустя еще два-три поколения маятник не пойдет снова в ТУ сторону, и революция не будет еще раз «перечитана»? Для этого нужно только одно: чтобы в сытом и благополучном обществе «угнетенные» оказались в исчезающем меньшинстве (а мы сейчас изо всех сил хотим выкарабкаться в такое сытое общество) и чтобы солидарность с сирыми и убогими стала в обществе хорошим тоном. А если эта сирофилия и убогомания накладываются на очередной пик нестабильности истеблишмента,— тогда вы получаете в сытой и благополучной Франции 1968 года взрыв левацких настроений, любовь к Троцкому и сожжение университета. Но и без срыва — может тлеть и накапливаться. Как в сегодняшней сытой и благополучной Америке, где интеллигенция... ну, это *МЫ* ее так по-русски называем, а там — интеллектуалы, «яйцеголовые», «писи», сиречь Р—С, politically correct — политически скоординированные инакомыслящие,— они, думаете, на чьей стороне? Государства? Нет, на чьей угодно, только не государства. На стороне Саддама Хусейна, на стороне гомосексов и спидоносцев, на стороне любой секты против любой ортодоксии, на стороне любого бунта против «их говенного благосостояния».

Так что это в крови, в генах. У всех, не только у нас.

Стало быть, революция была неизбежна?

Была неизбежна.

Кто ее совершил? Никто. «Сама совершилась».

Задним числом вмыслили в демиурги — Ленина. Но он революцию не сделал — он ее оседлал, он оказался на гребне, на острие. Ненадолго оказался, непрочно оседлал, едва держался, а потом и не удержался. Только и успел, напоровшись на самоочевидное безумие коммунистической доктрины, от доктрины отказаться, ибо действовала она — только в военном варианте, только для войны годился коммунизм, а как только пахло миром,— с ним нечего было делать. Так нэп и стал сигналом отказа, больше Ленин ничего не успел, разве что перед смертью крик отчаяния издал (в последних «страничках», «записках»), разве что в преемниках своих смутно опознал уголовников, да ничего изменить не мог. И выходит, все наследие его практически было — «мгновенное»: как *взять* власть (когда брошенная валяется) и как *удержать* ее (когда и другие бросаются поднять). Но как *жить* — он не только не успел почувствовать, но вряд ли и мог бы, потому что обламывалась тогда жизнь России в какую-то неведомую бездну.

Через бездну перебирались сомнамбулически, на стимуляторах, под наркозом, в страшнейшем самогипнозе; имя этому самому гипнозу — коммунистическая мечта. Иначе не перейти было бездну двух мировых войн и лагерной (военно-лагерной) «передышки» между ними. Иначе не сдюжить было этого ужаса самозаковывания в металл, в цепи: в броню индустриализации, в кандалы коллективизации. Иначе не выдержать было сгона мужиков с земли, не прокормить гигантские армии: военную, трудовую, не оправдать повальную военизацию народа. На этой-то военизации мы теперь и надорвались, вколотив живую силу народа в броню, в шестьдесят тысяч танков. На это и напоролись, выучив военному искусству миллионы людей, прогнав через армейский всевобуч все мужское население державы, так что теперь любая ватага боевиков, под любым флагом собравшаяся, захватившая любой арсенал, любой «ствол» взявшая в руки: от автомата Калашникова до ракеты земля-земля, — знает, как с этими железками обращаться и умеет вести боевые действия на уровне солдатской профессиональности,— таким образом, любая гражданская «склока» грозит стать *гражданской войной*.

Фатум: готовился народ к тотальной отечественной брани, к защите от внешнего супостата, а ударился — о свою же агрессивность; пошла взрывная сила внутрь, рвет народ изнутри, кромсает отечество на части.

Доведись какому-нибудь лидеру, из нынешних, пусть безвестному, оседлать ситуацию и проскочить сквозь абсурд подступающего междоусобия к мало-мальской «тишине» народного успокоения, к какому-нибудь сносному «рынку», то есть к сытому прилавку, к относительной стабильности, к мирному стойлу,— и спасенные от самих себя люди задним числом в боги произведут такого деятеля, осанну вострубят ему, в новый мавзолей положат... Так где-то пролегает же в хитросплетениях нашего жизненного лабиринта та дорожка, которая, как *потом* станет ясно, «была спасительной», то есть «вела к цели». Но разгадка-то не в дорожке, разгадка в почве, по которой она бежит, в наклоне, по которому течет народ, а может, в том, что накопившаяся новая агрессивность не вся еще вышла. Выйдет — успокоимся. Разгадка, одним словом,— в общей геополитической ситуации.

Так что если бы на «единственно правильном пути» в 1917 году оказался не Ленин, а кто-нибудь другой, то делал бы тот другой приблизительно то же самое... ну, с *другими* расстрельными списками, с *другим* порядком экзекуций и экспроприаций, разверсток и налогов. Кстати, «продразверстка» — словцо не большевистское, а — Временного правительства.

Так что на вопрос: что сталось бы с Россией, если бы не Ленин, ответ уже дан историей: без Ленина сталось то, что явился Сталин и другие ленинские ученики. И сделали они именно то, что обещали. А обещали они именно то, чего хотел, о чем смутно мечтал народ, именно то, что он лелеял в подсознании под наркозом «коммунизма». И достигнуто было:

— равенство всех: круговая порука стабильности — «как всем, так и мне»;

— гарантия от голодной смерти: круговая порука ради физического выживания;

— работа без стресса, без перенапряга, с раскладыванием всей тяжести — на «мир»: круговая порука безответственности.

Конечно, равенство — в нищете. Конечно, гарантия лагерной пайки — издевательство над здравым смыслом. Конечно, стресс все равно настигал: штурмовщина, авралы, выворачивание труда в подвиг. Но все-таки: если вывороты за 70 советских лет тяготели к годам войн, то годов таких, на круг, было не так уж много. А норма меж этими пиками (провалами) все-таки за эти 70 лет устоялась; все-таки шесть советских поколений в этой юдоли, как-никак, выросли. И не говорите, что были сплошь несчастны: нет, и счастливы! Осуществили действительное равенство, и даже не только на солдатском, но и на каком-то минимально цивильном уровне: огромная часть населения, худо-бедно, избавилась наконец от деревенских вил, и хоть в бараке, хоть в общаге, хоть в вонючем от большой химии поселке — но зацепилась-таки за вожделенную городскую жизнь. И действительно получила гарантированную «пайку», возможность работать «от сих до сих», пусть кое-как, ничего не имея, но и ни за что не отвечая, кантуясь в куче, наваливаясь на любое дело «всем миром» и любое дело охалтуривая, но — избавилась же от необходимости пахать, «упираясь рогами», вставать в четыре часа утра к «частной корове» и трястись день и ночь над «личным наделом», поливая оный потом. Вместо этого — в огромной массе — встали «к машине» от гудка до гудка, а еще лучше — сели вчерашние пахари к письменным столам, прибились к каким-никаким бумагам (читайте Шукшина).

Бумаги, кстати,— далеко не только «бюрократия». Это и «стихи». Гигантское производство текстов, под которые изводятся леса и над которыми веет призрак творчества, отвлечение от жуткой реальности, еще один род самогипноза. Как

Фото Николая Титова

предрекал Маяковский: и будет много стихов и песен. Осуществилось. Много.

И еще кстати. В пику нынешнему магазинному запустению — есть два «уголка», где торговля бьет ключем: книжные развалы и цветочные лотки. Ничего нет — есть только цветы и книги. О, мой духовный народ, мой невменяемый, мой мечтающий, мой воздушный...

Нет, никто не обманул нас: ни Ленин, ни Сталин, ни Троцкий. Мы получили (то есть построили) именно тот «развитой социализм», за который клали свои (и чужие) головы большевики. Конечно, нужно вычесть отсюда «процесс строительства» (20-е, 30-е годы) — грязь котлованов, надрыв фундаментов; нужно вычесть войну и восстановление (40-е, 50-е) — на деле-то все это был единый комплекс мировой войны: война горячая, война «холодная», наше медленное и неуверенное оттаивание при Хрущеве... Но когда оттаяли и «отлаялись», когда при Брежневе, в условиях с трудом удержанного глобального паритета, начали отъедаться и погуливать, и впервые отошел «социализм» от войны (впрочем, тут же в Афганистан и влез — в крови это у него), но все-таки, в «чистом»-то виде наш строй только тут и выявился наконец как *образ жизни*, а не только как тип воинства,— и тогда реализовался тот самый реальный социализм, о необходимости которого говорили большевики и в фундамент которого полетело столько голов.

Голов ли полетело слишком много, цена ли оказалась чрезмерна, но недолго длилось торжество воцарившегося строя. По всем смутно улавливаемым геополитическим закономерностям (а смутные они — потому что природные, статистические, вероятностные, и потому же при реализации неотвратимы, хотя и непредсказуемы в конкретных формах, как непредсказуемы все нюансы погоды, а приход зимы в целом неотвратим), по этому ощущению неотвратимости хода вещей чувствовалось, что должен этот праздник исчерпаться, эта гульба — кончиться. Вот она и кончилась. Во-первых, дно природное показалось: нефть из-под себя выкачали, проели, пропили, землю в свалку превратили, хозяйство запустили, охалтурили. Во-вторых, внутри душ людских «природное» взорвалось: по национальным швам стало рваться народное тело — по тем швам, которые единственно и оказались упрятаны от всеобщего блуда и унификации. Этническое оставалось «сбоку припека» — сохранялось как «форма», как нечто музейное... оно и рвануло теперь.

Да еще и удивительно: как *надолго* хватило и этой огромной земли, прадедами завоеванной, собранной, и этого огромного народа, сбитого воедино из двунадесяти языков...

Ну вот, кончилось.

Или — продолжается в других «формах»?

Так я спрашиваю: что же, семьдесят советских лет — «ошибочная» страница в истории России и окружающих народов?

Что же, характер советского человека, воспитанного за семьдесят лет коммунистической власти,— это *другой* характер, чем характер русского человека, выработанный за полтысячелетия его «имперской» истории и за тысячелетие истории «номинальной» (то есть когда он уже знал свое имя)?

Что же, «вырвать страницу», вышибить из памяти, вытравить из души?

Нет. История Советской власти не «оплошность», не «тупик», не зигзаг и не безумие, это — с точки зрения глобальной российской истории — этап ее жизни. Страшный этап. Но — ее. Да и были ли в ее истории этапы идиллические?

И характер советского человека, отпечатанный на матрице русского человека,— вариация все того же: это человек, кладущий себя в фундамент «общего дела» — «империи» — кафолической идеи — христианской державы — мирового комбратства — всемирного лагеря...

Конечно, и отличия существенны.

Так, простите, и «советский человек» за семьдесят лет тоже достаточно менялся. И тут пять-шесть вариаций как минимум. Решительный «братишка» 1918 года, и его коррелят — чахоточный комиссар в «пыльном шлеме» — совсем не то, что железный солдат сталинской когорты, или чем опьяненный «реформатор» оттепельных лет, или чем хитрый, византийски двоемысленный партократ «застоя», тайно терпящий, выкармливающий, согревающий на груди диссиденцию, или чем еще более хитрый перестройщик, готовый отказаться и от «социалистического выбора», и от «партии», то есть от «имени», только чтобы сохранить... что?... что-то общее... пространство... неизвестно что... общую судьбу... а как ее понимать, бог знает... впрочем, бога нет... впрочем, теперь, кажется, есть... так авось бог и не выдаст и т. д.

А русский человек досоветской истории — это же тоже целая шеренга исторически *разных* типов... у которых пробивается нечто общее. Что связывает:

— суховатого, четкого, докторального питерца, ведущего деятеля двух «европейских» веков русской истории,

— терпеливого, двужильного, незаметно трусящего на своей низкорослой выносливой лошадке московита из эпохи первых Романовых,

— изворотливого, вечно готового к смуте и измене, безжалостного и жалостливого одновременно, широкого, оборотистого и упрямого «жителя» в пестрых «великокняжеских» владениях,— когда мучительно стягивалась пестрота в смуте, вынашивалось неясное, но фатально неизбежное единство?

За пределами «единства» — что-то «другое». Другие люди, другая история. Славяне, угры, тюрки... Русские — это то, что начинается — с единства.

Где устояться центру — вопрос исторического случая, жребия. Был центр и в Питере, и в Москве. Мог быть — в Киеве. Мог в Варшаве, в Вильне, в Сарае.

Но в любом случае это был бы один из центров *мирового притяжения.*

Он и устоялся — в точке Москвы.

Характер «московита» — «россиянина» — «совка»: самоотверженность, доходящая до юродства: презрение к материальному и пошлому, доходящее до фанатизма и аскезы; витание в облаках, доходящее до полной невменяемости, до веры в Опоньское царство «за ближайшим углом», в «коммунизм при нынешнем поколении». И — дикая компенсация витанияшатания-разброда: стальное подавление всего, что «шатается и отпадает».

Скрепы характера: обруч, ошейник, всеобщая круговая порука, партия без оппозиций, подавление дикого страха распада и анархии — без железной скрепы целого не удержать. И от соблазна не удержаться.

Ну, вытравим мы имена революции из синодика российской истории, ну, скинем памятники, оскверним могилы, унизим отцов и дедов — чего добьемся сами-то мы — плоть от плоти и кость от кости отцов и дедов, из того же теста, и мировая задача, на которой они надорвались,— на наших же детей ляжет!

Разве что отказаться от задачи.

Изменить судьбу...

Но судьба — это Книга, из нее нельзя вырвать ни страницы без риска превратить книгу в хлам. Это не «грифельная доска», на которой стирают прежнюю запись, чтобы сделать новую; не «фильм», где кадр «очищает место» кадру. Увы, наш всегдашний соблазн — расчистить, очистить... Стереть из памяти все отчее, забыть, сокрушить. «До основанья, а затем...» Все — на пустом месте, на «свалке отходов», на младенческом ощущении, что ничего тут до нас не было, и мы — первые, мы — первопроходцы.

Синдром «пустой земли», морок грозящего исчезновения.

Иногда кажется, что самый воздух наш, сырой и пронизывающий, тому способствует, что сама земля наша, волглая, хлябкая, ничего долго не выносит. В сухих каменистых краях кладут каменную стену — и стоит века; высекают на камне слово — скрижаль для вечности. А у нас деревянненькое все: ветшает, гниет, мокнет, источается, шатается, валится. Камень — и тот рассыпается в нашем климате. Ничего «вечного», все надо бесконечным тяжким трудом подновлять, подпирать, тянуть из хляби, из дебри, из болота. И вечно все — «с нуля». И концов никогда не сыщешь.

Поневоле в этом непрерывном распаде, в этой неудержимой переменчивости, в этой призрачной ненадежности всего — климата, почвы, стен, границ, душ — встает вопрос: полноте, да есть ли вообще в русской истории, в русской жизни — доминанта?

Не «константа», нет; «констант» полно; «константы» — наш пунктик: свирепое укрощение текущего распада, все эти наши «незыблемые принципы», «твердые решения», «вечные ценности» и «неукоснительные правила», вбивание каркаса в рыхлость — от Домостроя до крепостного права, и от Кодекса, вставленного в золоченую рамку, до видения поэта: «даже стулья плетеные держатся здесь на болтах и на гайках». Константа — попытка заклясть хаос. Доминанта — реальный стержень (сдержень) процесса, грозящего обернуться хаосом.

Доминанта русского характера — способность сопрягать далекое, соединять несходящееся, выносить невыносимое, удовлетворяться беспросветным.

«Любить черненькое».

Доминанта — единство пестрого, разного, непредсказуемого.

Рушится на глазах доминанта. Дробится все, распадается, разлетается. Национальные швы, по которым рвануло империю,— только начало. Рвутся прочь друг от друга и сами русские. «Отделяется» Чита от Тамбова и Воронеж от Магадана. Уездная суверенизация.

Да и как соберешь всех русских в национально однородную массу, если из Средней Азии, из Западной Украины, из Закавказья и из Прибалтики несут русские, теперь уже и в генах,— разные типы мироориентации? Как все это притрется в единой русской общности? Подравняется? Вряд ли. Сохранится как пестрота? Скорее всего. Но тогда: пойдет ли на пользу целому, обогатит ли, сообщит ли целому внутреннюю живительную «разность потенциалов»? А может, наоборот, составится в механический конгломерат, ждущий толчка, сигнала к распаду?

Можно утешиться тем, что это дробление, разлетание — глобальный процесс. Никто никого «не хочет видеть»: ирландцы англичан, фламандцы — валлонов, баски — испанцев, сикхи и тамилы — прочих индусов, хорваты — сербов, курды — иракцев, и даже в славной Америке негры — белых. Каким-то фундаментальным образом это дробление, эта миниатюризация обществ, лилипутизация этносов, все это «распыление энергии» связано с общим поворотом технологии в постиндустриальном человечестве от гигантизма к быстрой локальной подвижной динамике. От классовых армий — к «личности работника». Техника XIX—XX веков предполагала: «наваливаться массой», техника XXI века потребует: приблизить конкретного человека к предмету труда. «Персонализировать» контакт. Приблизить крестьянина к борозде. И не с комбайном, который не влезает в широкоэкранное кино, а с миниатюрным трактором и набором подвесок.

Но я не о технике. Я — о «душе». Что с душой, что с культурой будет — при том, какой дикий характер принимает у нас «дробление»? Чем заполнится вакуум на месте исчезнувшей «доминанты», на месте распавшейся «империи»?

Можно еще и тем утешиться, что это в истории — процесс не однонаправленный, а скорее пульсирующий, маятниковый. Чередуются великие переселения народов и великие сидения. Эпохи интеграций и дифференциаций. Интеграция в каких-то формах и сейчас идет: в тенденциях «объединенной Европы», Латино-Американского Союза государств, африканских межнациональных движений, Лиги арабских государств, ну и прежде всего, конечно,— в реальности Соединенных Штатов Америки, где осуществлено то самое интернациональное, интегральное общество, которое нам снилось и грезилось. Будет «нечто общее» и на нашем Евразийском пространстве. Только, скорее всего, это будем уже не мы.

То есть, натурально, люди на этом «пространстве» станут жить и дальше, и в общем физически это, бог даст, будут наши прямые потомки. Но — наследники ли? Или они вырвут наши страницы из «книги истории», подобно тому, как мы рвем страницы, написанные отцами и дедами, а деды, сказать правду, и со своими пращурами не стеснялись?

Жить наши правнуки будут, наверное, получше нас. Ибо «распад империи» не конец жизни. Кончился Рим — осталась Италия. Нет Византии — есть Турция, «вспрыгнувшая в последний вагон поезда западной цивилизации». Умерла Британская Империя — воскресла старая добрая Англия. Не состоялся «тысячелетний Рейх» — состоялась нынешняя Германия, которой мы завидуем. В мире полно бывших империй, полно народов, утративших имперский статус, переставших претендовать на мировую роль. Что же, они захирели? Исчезли с карты мировой культуры? Нет, играют свою роль, в том числе и роль мировых законодателей культуры. Но не роль мировых жандармов.

Что-то будет и на месте Российской империи, изжившей стадию Советского Союза. Готовы ли мы к новой судьбе? К утрате мировой роли — готовы? Чем заполним зияние?

Чем судьба велит, тем и заполним. Собиралась русская культура — усилиями «половины человечества». Сроду не было у нас суперменов, и культа сильной личности — не было. Держались «богатыри» — тягой земли. Побеждал — «слабый», «греховный», «смиренный». Тем побеждал, что спешил ему на помощь — другой «слабый», «греховный» и «смиренный». И враг становился братом. Это была необъяснимая, иррациональная, мистическая основа русской культуры — соединение тех, кто хотел и готов был здесь соединиться, смешаться, слиться, преодолев не только вражду, но даже и особость. Тысячу лет мучительно собиралась культура. И выросла — до мировой, всечеловеческой значимости в два «петербургские» века. Все шли к нам, все хотели быть русскими, и никто не спрашивал, какой национальности был Карл Брюлло (Карл Павлович Брюллов) или Огюст Монферран (Август Августович), какой крови Пушкин или Гоголь, Багратион или Барклай, Брюс или Боур, как не спрашивали в свой час Растрелли или Барму, Максима Грека или Грека же Феофана. Но и то учтем, что это стремление «всех — сюда» потому и осуществилось, что мощнейший творческий потенциал реализовывался — *здесь*, что и в живущем здесь народе действовал магнетический заряд. Иначе говоря, все хотели быть русскими, потому что и люди, живущие здесь, в высшей степени *были* русскими (хотя черт знает из каких племен сошлись здесь при пращурах).

Теперь — бегут отсюда. И те, что «здесь»,— не хотят быть русскими. Любым путем — «свалить отсюда». А если остаться — так смоленскими, сибирскими, вологодскими, питерскими, ростовскими. Бунт против Центра!

Но и опять: не одни мы в таком состоянии. И про тех же немцев одна регенсбургская умница говорила мне: что вы жалуетесь, мы тоже сроду не подозревали, что мы — Германия, а были: Тюрингия, Саксония, Бавария, Пфальц, Вестфалия, Померания... это Бисмарк придумал, что мы Германия!

...Так, может, и мы теперь такие же? Не монолит всероссийский, а — сеть «земель», «городов»? И отсюда, от «земель», «городов» пойдет возрождаться русская культура? И тогда снова разбегающиеся от нас — повернут к нам?

Не знаю... Чтобы так повернулось все, нужно, чтобы от *земли* пошло возрождение. Как заметил Альфред Вебер, реализуется гений в городе, но рождается-то — в деревне. Но как родиться гению, когда деревня русская вырождается, когда земля брошена, когда бабы остервенели от мужской работы и ответственности, а мужики... а мужики, как заметила Татьяна Толстая, с тракторов пьяные попадали давно? Откуда придет новый Ломоносов, из каких Холмогор, когда там свалка? Куда придет, в какую Академию, когда и тут — свалка? Не свалка отходов, так свалка ходоков, просителей «у окошечка», требователей на митинге, «покупателей» у пустого прилавка. Нет работы, нет работников. На огромной богатейшей земле огромный талантливый народ деморализован и помрачен в разуме.

Где-то за мертвой точкой чудится поворот к лучшему. Хоть лучик просвета нужен, малейшее улучшение в результате усилий. И тогда — как Разин у Шукшина — мгновенно воодушевится русский человек, и в меняющейся непредсказуемой ситуации почувствует себя — на своем месте, и взлетит легким духом из тяжкой беспросветности. Много ли ему надо? Хоть тень надежды.

Но что-то свинцовое в людях не дает поднять головы. Это просто в воздухе — тяжесть сшибающихся зарядов. Сшибаются люди, никто никому не уступает дороги, никто никого «в упор не видит». Не в толпе даже, а вот на пустой площади — будут идти двое — сшибутся.

Что, в самом деле не видят? Или все-таки видят? Оба варианта реальны.

Да, действительно *не видят.* Потому что глядят не перед собой, а по сторонам, где что неожиданно дадут и откуда неожиданно сшибут. Все фланги открыты у нашего человека, только головой и вертит. Как заметил Ключевский: русский человек не предусмотрителен, но — осмотрителен; предусмотреть он ничего не может, но глядит в оба, и именно — по сторонам.

Хорошо, те, что друг друга «в упор не видят», прут друг сквозь друга, потому что не видят. Но и те, что видят, все равно же «прут». Ибо в крови у нас — ощущение пустого места перед тобой и вокруг. Как завязывалось государство на пустой, ненаселенной земле, в чистом поле, в густом лесу, так и отложилось на тысячу лет в генах: пусто вокруг! Как от веку не видели перед собой *другую личность*, так и теперь не видим. И от безличия этого в безликую же рвемся толпу.

Кто же мы такие?

По языку — славяне.

По внешности — скорее уж «финны», «угорцы», «чухна» белоглазая.

По государственному устройству — орда, татары.

Что же в нас русского?

Сказано же: судьба.

Войков Петр Лазаревич. Убит в Польше монархистом 7.VI.27 г. (Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1929, с. 293.)
Убит в Варшаве русским белогвардейцем. (Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 3, с. 618.)
Убит белогвардейцем. (Большой энциклопедический словарь. М., 1991, с. 237.)

МСТИТЕЛЬ

(УБИЙСТВО ВОЙКОВА: ВЗГЛЯД С ДРУГОЙ СТОРОНЫ)

История XIX и XX веков переполнена террористическими актами. Сотни людей стали знаменитыми только потому, что замышляли и осуществили политическое убийство. Вера Засулич и Софья Перовская, Иван Каляев и Борис Савинков, Рамон Меркадер и Ли Харви Освальд — целая «галерея героев». Терроризм пустил глубокие корни в нашем общественном сознании: ведь не «презренные отбросы общества» в подавляющем большинстве случаев становились в ряды «бомбистов», а лучшие люди страны. И в этом еще одна наша трагедия...

Мы долго будем усваивать бесспорную истину: нет террористов «хороших» и «плохих». Какие бы причины ни побудили ту или иную личность пойти на убийство — высокая идея или низменная корысть, — оправдания такого рода действиям нет. Но понять этих людей можно и должно.

Перед вами — история террориста Бориса Коверды. Этот 19-летний юноша (родился в Виленском уезде 21 августа 1907 года) убил в 1927 году в Варшаве советского дипломата Войкова. Дело это до сих пор отмечено множеством загадочных обстоятельств. Документы суда и следствия, выдержки из которых мы публикуем, решительно противоречат общепринятой версии о «белогвардейском заговоре».

Многое в этой истории очень созвучно нашему времени. Отчаявшийся, обозленный человек в расколотой стране, принимающий на веру газетные известия и окончательно сбитый ими с толку. «Сдвиг по фазе на почве политики» — явление, чрезвычайно характерное для общественной психологии XX века...

Фото Виктора Грицюка

Из обвинительного акта:

7-го июня 1927 года, в 9 час. утра, посланник СССР Петр Войков, в сопровождении сотрудника посольства Юрия Григоровича, прибыл на главный вокзал для встречи возвращавшегося из Лондона через Берлин полномочного представителя правительства СССР в Лондоне Аркадия Розенгольца. Встретившись с Розенгольцем, посланник Войков отправился с ним пить кофе в железнодорожный буфет, а затем оба вышли на перрон к скорому поезду, отходящему из Варшавы в 9 час. 55 мин.; этим поездом Розенгольц должен был выехать в Москву. В тот момент, когда посланник Войков с Розенгольцем находился около спального вагона этого поезда, раздался револьверный выстрел, направленный в посланника Войкова. Стрелял неизвестный мужчина. Войков отскочил, бросился бежать; нападающий стрелял ему вслед, в ответ на что Войков вынул из кармана револьвер, обернулся и несколько раз выстрелил в нападавшего, затем стал падать и упал на руки подбежавшего полицейского околоточного Ясинского. Нападавший, увидев приближавшуюся полицию, по требованию которой он поднял руки вверх и бросил револьвер на землю, отдался добровольно в руки полиции, заявляя, что он — Борис Коверда и что стрелял, желая убить Войкова в качестве посланника СССР, дабы отомстить за Россию, за миллионы людей. Посланник Войков, по оказании ему первой медицинской помощи на вокзале, был перевезен в госпиталь Младенца Иисуса, где в 10 час. 40 мин. того же дня скончался.

Стрелявший в посланника Войкова оказался Борис Коверда, 19 лет, ученик гимназии Русского Общества в Вильне, который, будучи допрошен в качестве обвиняемого, признал себя виновным в предумышленном убийстве посланника Войкова и заявил, что, будучи противником существующего в России политического и социального строя и стремясь к выезду в Россию, дабы там принять активное участие в борьбе против этого строя, он прибыл в Варшаву с целью получения разрешения представительства СССР на бесплатный въезд в Россию, а когда ему было в этом отказано, решил убить посланника Войкова как представителя власти СССР. Коверда при этом сказал, что с посланником Войковым он никогда не разговаривал, никаких претензий к нему не имел, ни к какой политической организации не принадлежал и свой поступок совершил самостоятельно, без чьего-либо уговора или соучастия.

Прокурор Свентковский:

Данные обвинительного заключения о намерении Коверды поехать для активной борьбы в Россию совершенно соответствуют действительности. Варшавское полпредство отказало Коверде в визе в Россию, и это решило судьбу Войкова. В Варшаву Коверда приехал из Вильны, где постоянно жил в последние годы. Между днем его приезда и днем убийства Войкова прошло около двух недель. Все это время Коверда прожил, в качестве углового жильца, у бедной торговки-еврейки и питался одной водой и «баранками». Большевики недоумевали, каким образом Коверда узнал о том, что Войков будет на вокзале, но недоумение это разъясняется очень просто: в варшавских газетах Коверда прочел о предполагавшемся отъезде Войкова в Москву и в течение нескольких дней ходил подстерегать его к московскому поезду. Когда Войков приехал к этому поезду для встречи с Розенгольцем, его настигла рука Коверды.(...)

Свидетель полицейский Альфред Новаковский:

В связи с совершением покушения на посланника Войкова я произвел обыск в квартире Бориса Коверды в Вильне. Обыск не дал никаких результатов. В политическом отношении Борис Коверда пользовался хорошей репутацией, ни к какой политической организации не принадлежал. Обыск был произведен для установления, не принадлежит ли Коверда к монархической организации. Коверда ни в каких отношениях с местными политическими деятелями не состоял и ни к какой организации не принадлежал. Русская колония в Вильне немногочисленна, монархистов среди нее около 100 человек. О связи Коверды с монархической организацией не было никаких данных. В квартире Коверды в Вильне мы нашли квитанцию в получении казной Великого Князя Николая Николаевича пожертвованного им одного доллара.

Обвиняемый Борис Коверда:

Я хочу объяснить, каким образом я дошел до покушения на большевистского посла Войкова. Через год после большевистского переворота наша семья возвращалась в Вильну, и по дороге я везде видел большевистские бесчинства. По дороге в Польшу я много слышал о че-ка. Я был мал тогда, но я помнил, что был в жизни какой-то порядок, а затем наступил хаос. Может быть, со временем я бы все это забыл, но в Вильне я в течение двух лет был экспедитором в белорусских большевиствующих газетах. Я увидел, что эта работа ведется на червонцы, выкованные из церковных ценностей. Я начал читать о советской революции, начал читать газеты, в том числе и советские, прочел книгу Краснова, которая произвела на меня большое впечатление. Я читал статьи Арцыбашева, польские книги и понял, кто виноват в том, что положение России дошло до того, что люди стали людоедами. Еще в прошлом году я хотел ехать для борьбы с большевиками в Россию. Я говорил об этом моим друзьям. Не знаю, почему они умолчали об этом здесь перед судом. Но пришло время материальной нужды, и мне не удалось осуществить мой замысел. Но когда мое материальное положение укрепилось, я опять начал мечтать о борьбе и решил поехать в Россию легально. Я собрал немного денег и приехал в Варшаву, а когда мне было в этом отказано, я решил убить Войкова, представителя международной банды большевиков. Мне жаль, что я причинил столько неприятностей моей второй родине — Польше. Вот в газетах пишут, что я монархист. Я не монархист, а демократ. Мне все равно: пусть в России будет монархия или республика, лишь бы не было там той банды негодяев, от которой погибло столько русского народа.

Свидетель Анна Коверда:

Борис родился в окрестностях Вильны. Мы жили в России до 1920 года. Я вернулась в Польшу с детьми, муж должен был остаться в России. Мы вернулись в Польшу легально. К возвращению склонило нас то, что я тут родилась и жила. Мой муж — народный учитель в Бельском уезде. В последнее время у меня была работа, и я зарабатывала. Перед этим я была безработной, и тогда меня и дочерей содержал сын. Дочери мои не зарабатывают. Муж иногда присылал деньги, главным образом, однако, нас содержал Борис.

Борис много читал. По взглядам он был демократ. Большевикам не симпатизировал. То, что он видел в Самаре, не могло создать в нем благоприятного для большевиков настроения. Когда мы жили в Зубчаниновском поселке, Самарской губернии, у Бориса было много неприятностей, его преследовали, называли «буржуйским» ребенком, уничтожили школу, в которой он учился, и церковь. Раз при нем был разговор о том, что приехал священник, что большевики заперли его в хлеву и издевались над ним, и это произвело на Бориса большое впечатление. (...)

Сын моей сестры был убит большевиками. Борис часто об этом говорил с моей сестрой. Он был свидетелем разгула Чрезвычайки, слез моей сестры, которую он любил, так как она была его крестной матерью. Когда Борис был еще 6—7-летним мальчиком, я иногда ему читала историю России, я тогда была учительницей, а он учился в школе. На него особенно сильное впечатление произвела история Сусанина. Он сказал мне: «Мама, я хочу быть Сусаниным». Дома мы говорили по-русски, мы считаем себя русскими по культуре. Белоруссию я Россией не считаю. Борис в Самаре был свидетелем того, как расстреливали на льду нашего знакомого о. Лебедева. (...)

Свидетель Софрон Коверда:

В последний раз я виделся с сыном на празднике Рождества Христова. Мы тогда вместе проводили праздники. С тех пор я с ним не виделся. Я жил отдельно, так как тяжелые условия вынуждали меня жить отдельно.(...)

Я сын крестьянина, родился в Бельско-Подляшском уезде. Я польский гражданин, как уроженец Бельского уезда,— и на основании списков населения получил паспорт. В начале войны я был чиновником Крестьянского Банка, в Вильне. В 1914 г. я поступил охотником в армию. Меня признали негодным, потому что я плохо слышу правым ухом, но я, видя, что простой народ идет на войну, сам подал заявление, что здоров и прошу о зачислении меня в армию. В окрестностях Сморгони я был очень тяжело ранен. В течение 4 месяцев я лечился в Москве, и как раз в этот момент произошел большевистский переворот. В Вильне еще до войны я принадлежал к партии социалистов-революционеров и принимал участие в нелегальной работе. Я был убежден в том, что царская власть угнетает крестьян, и, как крестьянин, стремился к улучшению крестьянской доли. Когда произошел переворот, я принимал участие в уличных боях против большевиков. Большевики, однако, после переворота мобилизовали меня и назначили комендантом этапного пункта. Потом зачислили меня в армию. С этим я не мог примириться и в 1921 году бежал тайно из России, перешел границу под Несвижем, семья моя тогда была в Польше. Границу я перешел в качестве офицера красной армии. Мою семью я застал в нужде. В 1922 г. я начал издавать в Варшаве газету «Крестьянская Русь». Это был орган организации Савинкова, демократического направления. Я издавал эту газету, пока у меня были деньги. Я — белорус, моя жена тоже. Дома мы говорим по-белорусски, по-русски и по-польски, над нами смеются, что мы так различно говорим. При Керенском в 1917 году я боролся против большевиков и говорил об этом с Борисом. (...)

Свидетель Бронислав Друцкой-Подберезский:

Я сотрудник еженедельника «Белорусское Слово» и знаю Бориса Коверду с апреля 1925 года как человека трудолюбивого, интеллигентного, нервного и честолюбивого. С первого дня знакомства я считал Коверду решительным противником большевистского строя. Коверда обратился ко мне с просьбой о получении через депутата Тарашкевича визы на выезд в Чехию или Россию. Я обратился к депутату Тарашкевичу, но последний отказал, говоря, что ничего не может сделать для получения визы в Прагу, так как чешское правительство не дает новых стипендий, а визы в Россию устраивать не может, ибо на это не распространяются его связи. Это было в прошлом году, скорее в 1926, чем в 1925. Я до сих пор работаю в редакции «Белорусского Слова». Мы время от времени получаем русские советские и эмигрантские газеты. Получаем «Руль» и время от времени какие-то парижские газеты. Сотрудники редакции могли пользоваться этими газетами в редакции. Подсудимый Коверда имел доступ к этим газетам: он был корректором и администратором, а в последнее время делал выдержки из иностранных газет и переводил их на белорусский язык. Основной заработок Коверды составлял 150 злотых в месяц. Не получив визы, Коверда жалел об этом. Он несколько раз говорил, что не может выйти из трудного материального положения и не может продолжать образование. (...)

Из речей защиты

Мариан Недзельский:

(...) Большие исторические события возникают только на основе великих и глубоких причин. И если коснуться анализа этих причин, нужно сказать прямо, что основаны они на неустранимой коллизии между всемирной современной христианской культурой и попыткой большевиков вернуть человечество на путь варварства. Вот почему бременем великой исторической ответственности следует отягчить не личность Бориса Коверды, а весь тот строй, на совести которого уже столько катастроф и совесть которого еще запятнается не одной катастрофой до тех пор, пока не наступит победа справедливости и правды.

Павел Андреев:

Родина не состоит из одной территории и населения. Родина является комплексом традиций, верований, стремлений, святынь, духовных ценностей и исторической общности, основанной на человеческом материале и на земле, им заселенной. Родина — это история, в которой развивается нация. А разве СССР может создать нацию, может создать народ? Нет. И не во имя различно понимаемого блага Родины боролся Борис Коверда, а против злейших врагов своей бедной Родины выступил этот бедный одинокий мальчик.(...)

А кого убил Коверда? Войкова ли, посланника при Речи Посполитой Польской, или Войкова, члена Коминтерна? А ведь таким двуликим Янусом был убитый Войков. Мы находим ответ в словах Коверды: «Я убил Войкова не как посланника и не за его действия в качестве посланника в Польше — я убил его, как члена Коминтерна и за Россию». Именно за все то, что Войков и его товарищи по Коминтерну сделали с Россией, убил его Борис Коверда. При чем же тут убийство официального лица по поводу или во время исполнения им его служебных обязанностей?

Мечислав Эттингер:

Можно ли отвергать, что Ковердой руководило чувство, нераздельно владевшее его мыслями и душой в тот момент, когда он решил убить Войкова и привел свое решение в исполнение. Переводя же этот неопровержимый факт (...) на юридический язык, мне надлежит право констатировать, что Коверда задумал и вы-

полнил свое преступление «под влиянием сильного душевного волнения», говоря словами кодекса. Нет законодательства, которое бы не приказывало принимать во внимание этого состояния души виновника преступления. Суд должен считаться с силой человеческого чувства. Если бы Коверда не был предан чрезвычайному суду, ему угрожало бы наказание, высшая степень которого едва доходит до самой низкой степени наказания за обыкновенное убийство.

Франциск Пасхальский:

Я не хочу говорить о русской действительности, но должен зато подчеркнуть переживания, родившие выстрел, от которого на Главном вокзале пал его превосходительство господин посланник Войков. Мне кажется, что даже те, кто истолковал эволюционный манифест Маркса и Энгельса, широко введя в свою доктрину укрепление диктатуры пролетариата при помощи террора, не имеют права удивляться, более того, должны были бы понять психологию мальчика, который поверил в диктатуру русского народа так, как они — в диктатуру пролетариата. Во имя этой диктатуры, соединенной в его представлении с церковными песнопениями и звоном московских колоколов, он применил тот же метод, что и они.(...)

Коверда приехал в Варшаву, и тут в его руки попала книга, удивительная книга, так неслыханно близкая полякам, несмотря на все различия в истории Польши и России. Во время процесса спрашивали, были ли у Коверды сообщники. Г. прокурор снял с защиты обязанность доказывать, что этих сообщников не было. Я боюсь, однако, что сообщников надо искать далеко, в могилах, рассеянных по безграничным русским просторам, в реках, розовеющих от крови, среди тех, кто погиб от голода, от тифа, от пролетарской диктатуры, среди всех тех, кто перечислен в этой именно книге Арцыбашева. Я убежден, что если бы этот великий русский писатель, имя которого как молния прошло по Европе, был жив, ребенок Коверда не был бы на скамье подсудимых один. Арцыбашев бы этого не позволил. Ибо, если необходимо было последнее напряжение воли, если необходима была книга, замыкающая цикл размышлений Коверды, то этой книгой сделалась несомненно книга Арцыбашева, так напоминающая «Книги Изгнания» Мицкевича. В этой книге Арцыбашев обращается к швейцарским судьям по поводу дела Конради со словами: «Помните, что вас окружают миллионы теней, тысячи убитых мужчин, насилуемых перед смертью женщин, детей и старцев, как бы распятых на кресте. Все они напрасно молили небо о возмездии, но никто до сих пор не ответил на эту мольбу». Из этого настроения, столь близко напоминающего фрагменты из импровизации Мицкевича, родилась идея, которая во имя народа топчет нравственность.

«Тот, кто поднял меч, пусть гибнет от меча». «Вы,— восклицает Арцыбашев, — избрали террор средством тирании. Ваш террор — преступление. Террор, направленный против вас,— справедливое возмездие». И в конце концов он приходит к той, как будто простой истине, которая сопутствовала всем усилиям польского оружия: «Родина не дается даром». «Мы и только мы имеем право решать судьбу нашей родины». Наконец, в той же книге нашел Коверда также и разрешение вопроса о нарушении нейтралитета страны, в которой русский эмигрант совершает убийство: «Нельзя считаться с ним, так как следует кричать на весь мир, что мы не партии, а граждане Европы».

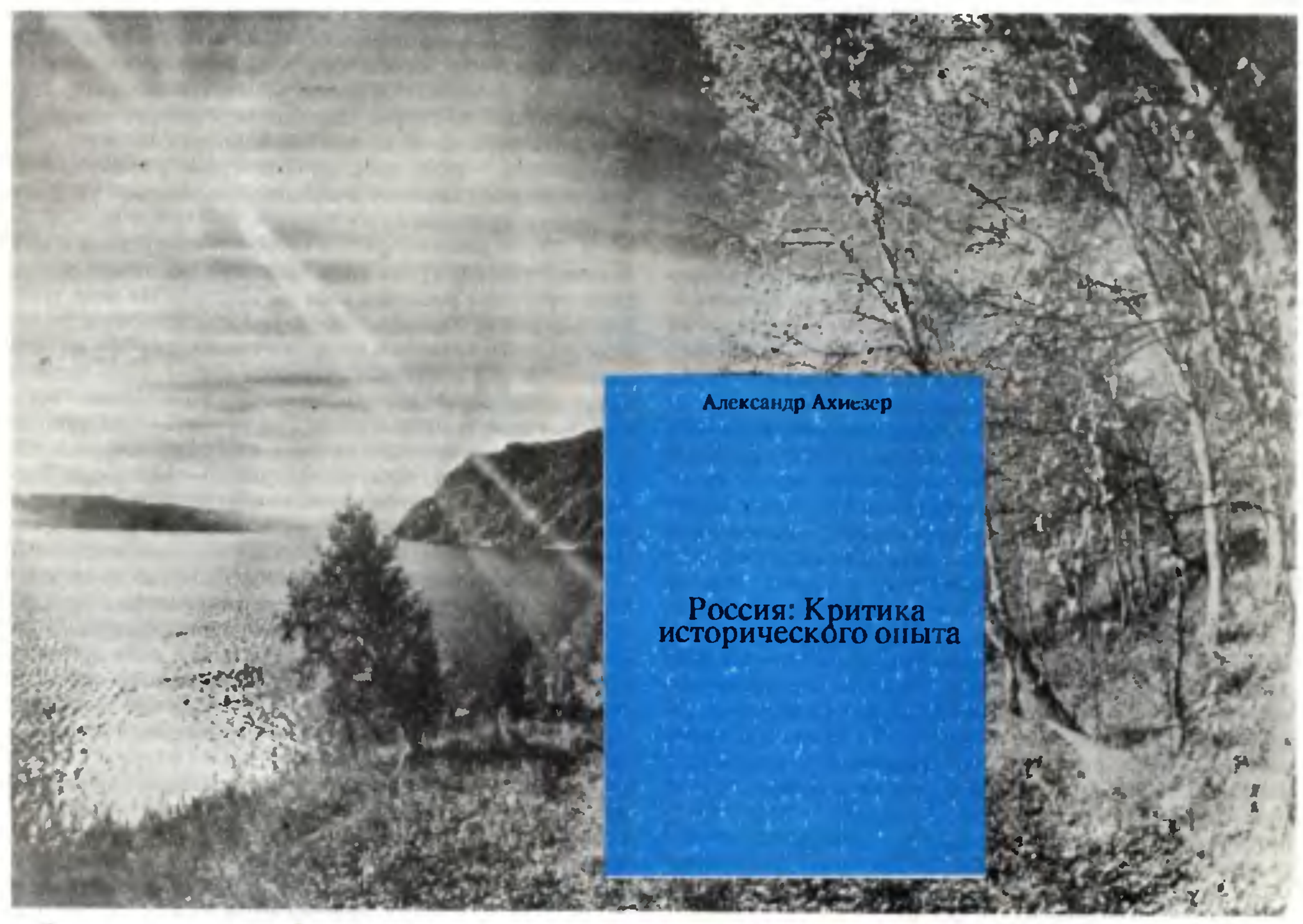
Простите, господа судьи, что я позволил себе эти несколько пространные цитаты, но цитаты эти — вся защита Коверды. В них кристаллизировалась идеология борющейся эмиграции, идеология тем более красноречивая для души юного мальчика, что тот, кто ее создавал, по примеру польских поэтов, черпал ее из глубины своего чувства и своей безграничной тоски по России. Недаром в книге Арцыбашева Ковердой подчеркнуты многие его мысли. Другие мысли Коверда сопроводил своими детскими примечаниями. Книга эта является сообщником преступления.

Решение суда:
16 июня 1927 года
От имени Речи Посполитой Польской
«Единогласно постановил:

Жителя города Вильны, Бориса Коверду, 19 лет, сына Софрона и Анны, приговорить к лишению прав на основании ст. 25, 28, 30, 34 и 35 Уг. Код., к бессрочным каторжным работам и возмещению судебных издержек. Обратиться через г. министра юстиции к г. Президенту Речи Посполитой с ходатайством о замене Коверде бессрочных каторжных работ теми же работами на пятнадцатилетний срок».

ПРОКЛЯТЬЕ РАСКОЛА

С автором книги «Россия: критика исторического опыта» Александром Ахиезером беседует писатель Юрий Айхенвальд.

Труд А. С. Ахиезера не хочется называть просто «книгой». Не только потому, что это не одна книга, а целый трехтомник. Автор — экономист, историк и социолог — в течение двух десятилетий работал над концептуальным, системным обобщением российской истории и создал первое за несколько десятилетий историософское исследование. «Несущие конструкции» его сложных социально-философских построений в значительной мере новы для нашей исторической науки. Новы и неожиданны. Терминологическое своеобразие этого монументального труда потребовало даже особого (третьего) тома, содержащего «Социокультурный словарь». Этот том написан и составлен так, что интересен и сам по себе, независимо от предыдущих томов, которые он дополняет.

В силу неординарности взгляда на историю России труд А. С. Ахиезера, изданный в 1991 году Философским обществом СССР, несомненно, вызовет жаркие споры. Я предлагаю читателям запись своей беседы с А. С. Ахиезером о некоторых основных положениях его работы в их связи с современностью.

Ю. А. Русский исторический опыт удивителен по своему многообразию и трагической противоречивости. И тем не менее рефлексия до сих пор была не в чести у наших историков. Популярен был «научно-патриотический» подход, который, разумеется, открыто себя так не называл. В результате мы имеем апологию русского исторического опыта, но **критика** русского исторического опыта появиться никак не могла. Под «критикой» я понимаю рефлексию, размышление. Разумеется, сюда входит и оценка, то есть некий результат сопоставления по-разному развивающихся обществ.

Например, традиционное общество по такому параметру, как самовоспроизводство, отстает от современного либерального общества: модернизация охватывает весь мир, традиционалистские общественные структуры теряют способность воспроизводить себя, в процессе их модернизации возникают промежуточные общества. Исторически уникальным вариантом промежуточного общества является Россия. Тяготея к либеральному нравственному идеалу цивилизованного общества, она от традиционного общества во многом уже ушла, а к обществу либеральному, модернизированному еще

только приближается. Темпы движения России к цивилизованному либеральному обществу замедляет РАСКОЛ, который вы рассматриваете как существеннейшую в русской истории социально-философскую категорию. Именно «категорию», потому что, имея исторические корни, русский раскол оторвался от этих корней и стал труднообъяснимым сущностным явлением российской жизни. Речь идет не только о расколе как религиозном движении, но и о раскольном антагонизме между «образованным слоем» горожан и деревенской общиной с ее уравнительной психологией; между «начальством» и «народом», всегда противопоставлявшим себя начальству; между неспособными к соглашениям партийными группами. Русские расколы идут в разных направлениях, кроша общество на противоборствующие локальные группы.

Все это приводит к тому, что перемены и в обществе, и в мире личности происходят в России чаще всего как победы и поражения, а не как результаты эволюционного развития. Вместо переходов мы имеем перевороты, резкие переоценки с минуса на плюс и обратно,— «инверсии», как вы это называете. Срединность же («медиация»), которая господствует в странах, где раскол преодолен, оказывается у нас бессильной перед инверсионной переоценкой ценностей.

Практика раскола, то есть потенциального междоусобия, порождает инверсионную логику, логику прорывов и патетических жестов (даже когда речь идет о таких прозаических вещах, как рынок), для которой спокойное рассуждение, вообще рефлексия, противопоказаны: всегда нужно выбирать одно из двух. Эта непримиримая двоичность — свойство архаического сознания, порождающего столь же архаические представления о мире. Сознанию человека общины, идентифицирующего себя со всеми остальными, присуще «манихейское» деление всего и вся на «доброе», «наше» и «злое», «чужое», зато несвойственны рефлексия и медиация, без которых современные либеральные общества не могли бы существовать. Разве не являются апологией междоусобия, раскола, строки знаменитой песни Окуджавы:

...Какое б новое сраженье
Ни покачнуло шар земной,
Я все равно паду на той,
На той единственной, гражданской,
И комиссары в пыльных шлемах
Склонятся молча надо мной...

Романтизация междоусобия не поддается разумному объяснению; между тем многих, как и меня, глубоко трогали эти строки. Для сознания россиян, даже и принадлежащих к образованному слою, междоусобие и раскол слишком часто имели почти магическую притягательную силу. И вот о реформаторе Петре I, разорившем страну поборами, начавшем, в сущности, необъявленную войну против большинства населения, говорят как о великом государе. Точно так же романтизировали советские писатели сталинскую войну с деревней. Русский патриотизм именно в силу вечного раскола российской жизни постоянно оказывался чреват гражданской войной.

Но не кажется ли вам, что на наших глазах это положение меняется?

После того, как «тотем», земной бог Сталин, был низвергнут в конце пятидесятых, нового «тотема» не возникло; в образованном слое, вместо прежнего самоотождествления личности с коллективом и вождем, стал все больше развиваться индивидуализм в формах своего рода прагматического оппортунизма: дома человек мог самым резким образом осуждать Ленина и большевиков, на партийных собраниях голосовать за предложенные «сверху» резолюции, а «медиатором» между этими крайностями высказываний и поведения было убеждение, что от реальности никуда не уйти и теперь надо улучшать существующее положение там, где это возможно. Люди именно этого склада оказались во главе перестройки. И вот мы видим, что ликвидация КПСС, развенчание Ленина, распад Союза ССР прошли без волнении и протестов со стороны абсолютного большинства. Так что процитированные выше строки Окуджавы, думается, все-таки вчерашний день российского сознания. Разумеется, некие элементы инверсии есть и сейчас, но это скорее опасные пережитки, чем роковые опасности для будущего, и ваш труд по этим двум параметрам — роли раскола и инверсии в истории России — скорее освещает вчерашнее положение дел, чем трудности грядущего.

А. А. Да, можно говорить о глубоких изменениях в массовом сознании. И все-таки инверсия как главный элемент принятия решений себя не изжила. На всех уровнях мы видим одно и то же: в каждом принятом значимом решении заложена мина, заставляющая тех же, кто принимал это решение, изменять его. Трудно назвать какое-либо серьезное решение государственных органов, которое сразу же после его принятия не было бы отчасти дезавуировано, отчасти изменено либо на том же уровне власти, либо на следующем. Мы видим хаотические попытки повернуть принятое решение в противоположную сторону, и это производит впечатление бесконечного процесса. Возникает то, что я называю «хромающими решениями». Наше общество не доросло до принятия продуманных, последовательных, широкомасштабных решений. Сейчас мы просто напуганы нашей предшествующей историей и ведем себя осторожно, чтобы защититься от последствий наших собственных инверсий, наших собственных решений последних семидесяти лет. Раскол просто принимает скрытые формы, и они очень опасны.

Ю. А. Но где вы видите в «хромающих решениях» инверсионность? «Инверсионность» — это метания из крайности в крайность. А «хромающие решения» могут возникать как результат чрезвычайной — может быть, и чрезмерной — осторожности. И при чем тут раскол?

А. А. В расколотом обществе одно из проявлений раскола состоит в том, что никакое решение по значимому вопросу не может стать общепринятым, невозможен консенсус, демократическое согласие, при котором в плане личном могут быть и несогласные, но они все же идут на компромисс, более или менее устраивающий всех. Для расколотого общества такой общей меры найти невозможно. Даже люди, только что принявшие решение, тут же начинают в нем сомневаться, потому что раскол проходит глубокими трещинами по внутреннему миру каждого человека. Начинают действовать факторы, которые при принятии решения игнорировались.

Ю. А. То есть двойственность, тайная оппозиционность, которую я расценивал как присутствие в человеке разумной срединности, медиации, на самом деле может оказаться внутренней психологической расколотостью, порождающей «хромающие», непоследовательные решения? Стало быть, «оппортунист-прагматик» по прежней своей социально-психологической органике не может и в изменившихся условиях стать решительным и последовательным реформатором?

А. А. Повторяю: самая неуверенность, лежащая в основе «хромающих решений»,— результат раскола в умах и душах тех, кто эти решения выносит. Общество же не оспаривает этих «хромающих решений» потому, что само неспособно принимать решения единые и значимые.

Ю. А. Но с решением о переходе к рыночной экономике сейчас уже все согласны...

А. А. Советская экономика — это псевдоэкономика по существу своему: огромное, автаркическое, самодостаточное хозяйство, в котором не было рынка и торговли, а шло распределение. Главный рычаг этого хозяйства — дефицит. Вся система хозяйственных отношений основывалась на том, что деньги второстепенны, а основное — владение дефицитом: стеклом, трубами, иконами, пропиской и так далее. Наше общество — сложнейшая система связей по обмену этих дефицитов. Прежде абсолютным держателем дефицита было государство, оно заботилось о потребителе, обеспечивая одним пайкй, другим — пáйки. Теперь хозяином дефицита становится предприниматель. А ему нужна прибыль. Что проще: повысить цену на дефицит или увеличивать количество и повышать качество дефицитного продукта? Проще повысить цену. И вот бывшие государственные служащие, ныне самостоятельные предприниматели, повышают цены на свой дефицит. А товаров в продаже от этого не прибавляется. Это псевдорынок — рынок монополистов, рынок для богатых. Вот тут-то и возможен социальный взрыв, когда инверсия сметет все, чего достиг сегодня русский либерализм. Вообще рынок не везде приводит к изобилию. Рынок — необходимое, но не достаточное условие изобилия.

Ю. А. Во всех цивилизованных обществах государство определенным образом влияло на рыночные отношения. Я думаю, что и прежде, и теперь главным врагом либеральных реформ в России была некомпетентность властей. Она, а не раскол и склонность к инверсии, определяла «хромающие решения». Например, для российских властей во все времена была характерна неспособность учитывать социальный эффект от экономических решений. Вот и сейчас: заставь дурака рынку молиться — он Русь расшибет! Но ведь с помощью представительных органов можно скорректировать эту социальную близорукость исполнительной власти.

А. А. Но почему и сейчас общество выдвигает на руководящие посты некомпетентных лиц — вот вопрос! В России всегда были умные, просвещенные люди. Но к власти они, как правило, не приходили. Борис Ельцин, может быть, благороднейший человек, он во время неудавшегося путча вел себя очень достойно. Но вот он говорит: «Я подам в отставку, если наш план экономических реформ не удастся». То есть: «Если у меня ничего не выйдет, то я вас всех брошу, уйду с капитанского мостика, раз тонущего корабля спасти не могу».

Разве это постановка вопроса для серьезного руководителя? Он должен иметь запасной план. И он, и его «команда». Нет, наша система просто не терпит компетентных лиц. Царь Соломон — примем его за эталон мудрости — либо сошел бы с ума, либо отказался бы здесь от руководства, пока его не свергли. Здесь не мудрец нужен, а ловкий человек, который умел бы не выполнять собственных решений. Специфика большевизма в том, что он умел принимать эти «хромающие решения», а интеллигенты, противостоявшие большевизму, были на это неспособны: они были последовательны, и в этом была их утопичность. А раскол, который проник до глубин, который вдоль и поперек крошит общество, требует не последовательности, а способности менять собственные решения. Поэтому большевизм, который сам является психологическим следствием многовекового раскола, исторически уникален. Он впервые в истории создал организационную и идеологическую основу «хромающих решений». Однако этот порядок относительно быстро (за 70 лет) себя исчерпал.

Ю. А. Не кажется ли вам, что раскол, о котором вы говорите, был все-таки в значительной мере следствием давления властей, умевших организовать достаточно прочные формы самоугнетения народа? Это самоугнетение народа, его самонасилие было, конечно, связано с общинной уравнительной психологией и обожествлением правителей. Но какими были сами эти правители во все времена? Они соединяли в своих руках законодательную, исполнительную и судебную власть, они могли быть злыми или добрыми, но все циклы развития России протекали в рамках единоличного, более или менее деспотического правления, старавшегося не поступаться своей безопасностью. Поэтому ни один из либеральных циклов не был доведен до конца: власть пресекала их. В результате сперва кончился крахом монархический цикл русской деспотии, сейчас кончился цикл коммунистического тоталитаризма. Неужели этот исторический опыт пройдет впустую?

А. А. В оценке роли высшей власти я расхожусь и с вами, и с большинством историков. Эта деспотическая власть в действительности оказывалась бессильной реализовать свою волю. В русских государях и генсеках мне видятся фигуры трагические. Кого ни возьми — налицо крушение идеалов у этих людей. Александр I был либерал, но он не нашел никого, кто смог бы поддержать его идеи. Дело не в Сперанском или «молодых друзьях» царя. Не было другой, более широкой социальной опоры. Николай I говорил, что не он, а столоначальники управляют Россией, и после поражения в Крымской войне этот государь, видимо, покончил с собой. Александр II был убит в момент попытки либерализации страны. Ленин кончил жизнь фактически в заключении; на смену ему шло поколение людей, готовых управлять всегда только самыми крайними средствами. А Горбачев — разве не трагическая личность?

Когда мы смотрим на русскую историю, то мы видим много крови, много насилий со стороны власти. Это порождает иллюзию ее могущества. Да, налицо могущество власти в насилиях и разрушениях. Но причина этих насилий — бессилие высшей власти осуществить какие-то конструктивные решения, сдвинуть страну к каким-то существенным изменениям, значительно снизить уровень дезорганизации общества. Мы считаем, что Петр I пытался вырвать эту страну из отсталости, и в какой-то степени так оно и было. И его зверства были вызваны отчаянием, что ему это не удается. Сталин пытался идти путем индустриализации — пусть то была псевдоиндустриализация. И Сталин тоже показал свое полное бессилие. Он оставил не ту страну, которую хотел оставить, а общество саморассыпающееся, которое само себя постоянно разрушало.

То, что русское государство всегда было слабо в плане позитивных мер, не есть случайность. Это отражение глубочайшего консерватизма общества — его большинства, его «критической массы». Слабость власти отражала расколотость общества. Властители понимали необходимость реформ,— но они видели, что реформы неожиданно приводят к совершенно деструктивным

процессам. Проведение реформы 1861 года подорвало основы государственной власти: помещик перестал отвечать за налоги, перестал быть одновременно государственным чиновником. Власть вдохновлялась отчасти идеей славянофилов, что у свободного крестьянина все пойдет прекрасно. А в результате реформы крестьянин стал все больше замыкаться в своей общине. Государственные нужды — налоги — его ничуть не занимали, власть оставалась чуждой. При этом крестьяне не выдвигали никакой государственной альтернативы, никакой политической программы крестьянское движение не имело. Крестьянский мир просто замыкался в себе. Возникал локализм, разрушительный для общества. Существенно, что крестьяне продавали больше, чем покупали: деньги были нужны прежде всего для того, чтобы платить ненавистные подати, а жить крестьяне старались натуральным хозяйством. Правительство оказалось перед перспективой полного разрушения общественной и государственной жизни — эта проблема, к сожалению, историками до сих пор игнорируется.

Освобождения крестьян не получилось: они находились в крепостной зависимости не только от помещиков, но и от общины, избавляться от которой вовсе не хотели. Община начала бурно возрождаться в конце прошлого века. Это привело к поражению столыпинской реформы. Постоянная борьба крестьян за уравнительность сбрасывала одну фракцию активного, богатеющего крестьянства за другой. В результате крестьяне оказались беззащитными перед перспективами коллективизации. Они загнали в ловушку самих себя, а Сталин воспользовался этой ситуацией и создал колхозную систему, опираясь на уравнительные настроения самого крестьянства.

Ю. А. Но сейчас в деревне никто уже не мечтает вернуться к натуральному хозяйству. Более того: деревня тянется к городской цивилизации. Меняется само деревенское жилище. Россия становится городской страной, деревень в старинном смысле остается все меньше. В этих условиях психология уравнительности постепенно исчезает, возникают и крепнут индивидуалистические тенденции в крестьянстве. У сегодняшних деревенских жителей другие потребности, чем во времена Столыпина.

А. А. Но остался такой социально значимый фактор, как лютая зависть соседа. Во времена Столыпина для охраны тех, кто хотел выделиться, при переделе земли приходилось посылать войска. Думаете, сейчас будут милицию посылать?

Ю. А. Милицию скорее бы посылать против местных аграрных начальников, которые всеми силами мешают реформе на селе...

А. А. Начальство начальством, но есть такое понятие, как историческая инерция. Новая модель сельского хозяйства должна «соблазнить» некую «критическую массу» людей. Беда наших реформаторов в том, что они не учитывают колоссальной инерционности исторического опыта России. Россия развивалась как антирыночная страна, во всяком случае страна очень ограниченных рыночных отношений. Стремление потреблять здесь всегда опережало потребность в совершенствовании труда. Последние семьдесят лет производство у нас расширяли по государственным планам, из-под палки. Думая о будущем, этого нельзя упускать из виду.

Ю. А. Я думаю, что очень важную роль должен сыграть у нас либеральный нравственный идеал европейцев — а Россия все-таки европейская страна,— который немыслим без этики христианства.

А. А. Этика протестантизма действительно помогает развитию экономики и рынку, но этика православия к рынку индифферентна, а то и враждебна. Еще Бердяев писал, что славянофилы напрасно отождествляли христианское сознание с сознанием русской общины. Христианизация страны — это было бы прекрасно. Но крупные социальные проблемы в России решались независимо от церкви. Катастрофа, происшедшая с церковью при большевиках,— доказательство ее малого влияния на массы. Я три года жил в деревне, в Тульской области. Там было много разрушенных церквей. Меня всегда интересовало: кто разрушал, как разрушали. Я видел какое-то глубочайшее равнодушие людей к этим церквам. Преобладало утилитарное отношение к ним: можно ли устроить склад, мастерскую. Все превратилось в развалины не в момент каких-то экстремистских действий, а в ходе повседневной хозяйственной деятельности местных колхозов, без всякого злого умысла. Потрясающее равнодушие!

Ю. А. Это не свойство народа, это результат селекции путем террора, результат непроходящего подсознательного страха. Не кажется ли вам, что с нашими прогнозами, прогнозами людей пенсионного или предпенсионного возраста, произошел парадокс: мы всегда и с полным на то основанием — особенно после оккупации Чехословакии — пророчили худшее; и прогнозы как будто сбывались. Но никто не ожидал того, что произошло после прихода Горбачева к власти — думаю, что не был здесь исключением и сам Горбачев. Это значит, что в обществе были силы, могущества которых мы не учли. Как нередко бывает с осторожными людьми, отчетливо видящими опасность, мы ее, эту опасность, преувеличивали. Не стала ли эта боязнь будущего дурной привычкой нашего поколения?

А. А. Люди боятся своего недавнего прошлого — это хорошо, но этого мало. Наряду с расколом и инверсией определенный опыт медиации накапливался, конечно, в нашем обществе. Этот опыт вырабатывался в русской культуре — и возникали в области литературы, например, потрясающие явления. Однако накопление позитивного опыта, если оно концентрируется лишь в некоторых ограниченных анклавах, социальных группах, может повлечь катастрофические последствия. Пример тому — усиление борьбы за уравнительность, начавшейся в деревне еще в 900-е годы. Вынужденные сдвиги в образе жизни и ухудшение экономической ситуации вызывают у людей дискомфортное состояние, и это обостряет положение в обществе. Нельзя доводить людей до крайности. Иначе инверсионный взрыв сметет все — и нас, и наши книги. Опять останется ничто — или почти ничто, с которого мы в пятидесятые годы и начали. Наши прогнозы не могут не учитывать периодически вспыхивающие массовые стремления все перечеркнуть и все начать сначала.

Ю. А. И все-таки, даже если это случится, мы должны оставить материал — новые тексты, которые потом помогут кому-нибудь в поисках и размышлениях.

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ.

Выход в свет труда А. Ахиезера — слишком нерядовое событие в нашей научной и культурной жизни, чтобы разговор о нем можно было счесть исчерпанным: масштаб заявленных автором проблем и оригинальность подхода к ним требуют всестороннего обсуждения. Редакция рассчитывает, что в скором времени такое обсуждение состоится на наших страницах с участием историков, философов, социологов, психологов и специалистов других отраслей гуманитарного знания.

ФЕЛИКС МЕДВЕДЕВ

Пришел бы Микоян к Белому дому?

Впервые это имя я запомнил с нашумевшей публикации в 1962 году пронзительной повести-мемуара Эрнеста Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». В послесловии, подписанном Серго Микояном, подробно рассказывалось, как он вместе с отцом, Анастасом Ивановичем, побывал на Кубе в гостях у великого американского писателя. Как завидовал я тогда неуемной завистью начинающего журналиста своему коллеге, побывавшему у кумира моего поколения. Как казалось тогда все неосуществимо далеким и фантастическим: молодая Куба, легендарный Хемингуэй, Серго Микоян, сын Самого Микояна.

Мы познакомились, точно помню, 11 ноября 1982 года на очередных бдениях Клуба библиофилов Москвы, которым я в то время верховодил. За несколько дней до этого дня всемирно известный колумбийский писатель Габриэль Гарсия Маркес получил Нобелевскую премию, и я мгновенно организовал вечер в честь лауреата. Народу пришло много. По тем временам книжно-литературные вечера были отдушиной: на них выговаривались, мечтали, вспоминали. Позвал на ту встречу я доктора исторических наук главного редактора журнала «Латинская Америка» Серго Анастасовича Микояна, потому что он слыл знатоком латиноамериканской темы. К тому же, он встречался с Маркесом. Его рассказ об этом придал вечеру торжественно-весомое звучание. Вечер получился на славу, и я напомнил о нем Серго, когда спустя несколько лет мы оказались

вместе в самолете Москва — Вашингтон. То была для меня удивительная поездка — за границу попал я впервые.

В обстановке длительного путешествия я увидел того же Серго, хорошего человека, доброго малого. Он не кичился своими обширными американскими знакомствами, а их у него было предостаточно (чего стоила дружба с семьей Рокфеллеров), он был знающим гидом, настоящим другом и мог выручить в трудную минуту.

Времена круто менялись. Перестройка набирала высоту. Очень часто мы оказывались с С. Микояном на сцене, на публицистических вечерах, встречах с читателями. В Москве, в Киеве, в Таллинне, в маленьких городах России. Интерес к сыну Микояна был огромным. Десятки, может быть, сотни вопросов. Острых, жгучих, злых, ироничных. Слушатели ждали прямых конкретных ответов. И, как мне кажется, Серго Анастасович не юлил, не кривил душой, не прятался за спину ни отца, ни своих знаменитых родственников: дяди, братьев, племянников. Во время этих встреч и родилась идея интервью — откровенного разговора.

Сегодня я предлагаю читателям отрывок из него. Полностью интервью будет опубликовано в книге «Во имя сына и отца...».

— Был ли отец героем, кумиром твоей жизни?

— Кумиром? Нет. И все же героем, наверное, был. Но не в том смысле, что я хотел быть похожим на него. Конечно, семья и школа воспитывали нас, детей Микояна: Степу, Володю, Алешу, Ваню, меня — в духе безграничной и безоглядной, фактически фанатичной веры во все, что преподносилось пропагандой (признаться, я был самым наивным, доверчивым, то есть глупым). А, следовательно, поскольку отец был где-то в верхней части пирамиды всей системы власти, то под этим углом зрения он был героем. Но отнюдь не для подражания, нет. Об этом мы даже не думали, тем более что нам внушалось: мы всего лишь его дети и не имеем ни малейшего права на внимание и особое отношение, которые на наших глазах ему оказывались. Мама наша могла нам уделять гораздо больше внимания и времени, она была ближе, теплее, мягче. Она была очень порядочной и исключительно скромной.

Еще в чем он был героем, так это в отношении к работе. Вечно с бумагами — за завтраком, в машине по дороге на службу, по выходным дням на лодке посреди реки. Восхищало сочетание необычайной работоспособности с фанатичной посвященностью работе. А его феноменальная память удивляла всех, кто с ним соприкасался.

Отец вовсе не стремился подавлять сыновей, как и тех, с кем работал. Наоборот, прививая самостоятельность мышления, он воспитал на свою голову из детей и внуков ярых спорщиков. Он никогда не обрывал, только требовал, чтобы в споре с ним и друг с другом сыновья и внуки не повышали голоса, чтобы спорили аргументами, а не громкостью голоса или резкими выражениями. «Не ори»,— говорил он в таких случаях. Правда, сам он с нами и с сотрудниками по работе бывал резок, если слышал общие рассуждения вместо четких формулировок, «гадание» вместо достоверной информации. Однако все его коллеги и подчиненные, за редкими исключениями, любили и уважали его. На резкость порой обижались, но прощали. Да и он искупал вину вниманием и тем, что никого не давал в обиду.

Все мы не оставляли его в покое нашими критическими замечаниями в адрес того, что происходило вокруг. И он был терпелив, опять же в отличие от Хрущева, например. Много разговаривал по-хорошему, уважая его самостоятельность и бесстрашие, со старшим внуком Владимиром (сыном моего старшего брата Степана), которого КГБ зачислило в диссиденты.

Отец не очень хорошо разбирался в людях. Я имею в виду человеческие, а не деловые качества. Верил чекистам из охраны, а кое-кто из них любил нас подставить. Правда, с большинством мы дружили. Верил некоторым помощникам в Совмине, даже когда они клеветали на нас. «Они не имеют права врать»,— говорил он. А уж последним аргументом было, что им «незачем врать». Просто не понимал, что злые, корыстные люди врут либо из только им ведомой корысти, либо из удовольствия сделать кому-то гадость. Эта его вера чиновникам в большей мере, чем членам семьи, нас обижала. Даже маму он однажды обидел в подобном же случае. Потом, правда, извинился.

Эпизод этот заслуживает рассказа. В конце 40-х годов Берия доложил Сталину, что жены членов Политбюро бесплатно пользуются швейным ателье Управления охраны МГБ. Отец пришел домой возмущенный. Мама говорит: «Я знаю, что другие не платят. Но я всегда платила. Ни одной вещи тебе, себе или детям не сшила бесплатно». «Врешь! Берия сказал, чтоему доложили: все вы не платили! Они не могут не знать». Трудно описать, как мама обиделась. Она была чрезвычайно аккуратным человеком, хранила всякого рода квитанции и документы десятилетиями. Вот она и принесла ему молча картонную коробку с квитанциями. И недели две говорила с ним односложными ответами, типа «да», «нет». Он понял свою вину. Позже рассказывал, как с торжеством выставил коробку на стол Сталина, сказав: «Не знаю насчет других жен, но моя жена за все платила. Не понимаю, почему Берия не знал об этих документах. Что ж за служба у него, если не могла обнаружить копии этих квитанций?»

Как видите, характер у него был не сахар.

Однако мы не могли не восхищаться его бескорыстием, абсолютным равнодушием к тому, что называют материальными ценностями. Конечно, мы не обладали этими качествами, во всяком случае — в той степени, что он. Хотя стяжательство брежневской эпохи нам претило. Мы, братья, бескорыстно помогали друзьям, знакомым и малознакомым. Но не очень понимали, когда подарки, поступавшие от зарубежных лидеров (о которых отец узнавал только после возвращения), тут же раздавались куда угодно, только не нам. Ну, то, что японские антикварные произведения искусства пошли в Музей восточных культур, это было нормально. Но, скажем, японский фотоаппарат шел Льву Шаумяну, кинокамера — помощнику отца Василию Смоляниченко, персидский ковер — жене Валерия Кузнецова, настольная лампа из слоновой кости от Джавахарлала Неру — жене авиаконструктора Артема Микояна. От Ричарда Никсона прибыл настольный прибор с авторучками. Отец стал думать — кому передарить. Тогда домработница Катя воскликнула: «Да что же это вы все раздаете? Что Вы за человек, Анастас Иванович? У вас же внуки и внучки — студенты. Им и отдайте, ну хотя бы Володе» (имелся в виду мой сын). А о том, что ему дарили автомашины, мы узнавали только когда они уже были куда-то отданы. Например, из ГДР прибывшая машина тут же передана была в молодежный клуб завода «Красный пролетарий», где отец более полувека был на партийном учете. Кстати, он никак не мог понять, как это Хрущев принял в подарок 7 или 8 автомашин и оставил их в семье.

Подарков от подчиненных, естественно, Микоян не брал никогда. Те, боясь впасть в немилость, о таком и не помышляли. Так что нравы Фурцевой, Громыко, не говоря уже о брежневских, в нашей семье казались просто дикими. Даже его суточные в загранкомандировках подлежали сдаче обратно. В США отец сказал мне: «Купи то, что просила мама, остальное сдай» (а ее просьбы относились к ее туалету: 2 галстука, шляпа, носки, перчатки). В Японии зав. иностранным отделом Верховного Совета Высотин хотел мне всучить деньги, положенные главе делегации. Я спросил, на что они предназначены. «Формально — на представительство, но можешь тратить, как хочешь»,— сказал он. «Не возьму»,— ответил я. Высотин был изумлен: «Но все берут и расходуют на себя! Спроси хотя бы отца». «Он меня выругает даже за сомнение по такому поводу».

Политика все чаще и чаще становилась предметом споров по мере нашего прозревания. Во внутренних вопросах отец часто пасовал. То есть начинал рассказывать о старых временах, когда условия в стране были примитивны или уступали нынешним временам. Аргументы о 1913 годе не убеждали. Зато он был далек от сусловской линии в идеологии, тщетно убеждал Хрущева, что книга Дудинцева «Не хлебом единым» хороша, а Брежнева — в том, что нельзя судить Даниэля и Синявского. Много он сделал для защиты Театра на Таганке и Юрия Петровича Любимова. Борис Можаев рассказывал мне, что Микояну удалось спасти некоторые спектакли. Так что мы, когда спорили с ним, спорили с единомышленником, а не с противником. И это было не после выхода отца на пенсию (легко умнеть «потом»!), а во время активной работы.

Когда мы с братьями вспоминаем эти споры, то приходим к выводу, что мы его во многом убеждали. Но он не мог сказать нам об этом прямо. Может быть, из-за злосчастной лояльности к партии. Особенно непримирим был Степан. Я нередко спускал на тормозах, когда видел, что он зажат в угол или, как в последние годы, что он переживает, ему тяжело думать, что многие иллюзии развеялись, как дым. Он как-то сказал Степану, устало, почти просительно: «Степа, не надо по вечерам со мной много спорить. Я потом заснуть не могу». Мне стало его тогда мучительно жалко, и, когда он ушел к себе, я резко сказал Степе, что надо же понять его физическое и моральное состояние, его бессилие исправить все то, что мы ему и его «системе» вменяем в вину.

— Я понял, что отец был твоим героем. Не поколебали ли события последних лет твоего отношения к нему? По-прежнему ли он остается для тебя героем?

— Когда отец умер, мне было 49 лет. Я способен быть гораздо более объективным, чем ты думаешь. Я стараюсь трезво оценивать его плюсы и минусы, он сам нас к тому приучил. Если я мало перечислил минусов, то это благодаря характеру вопроса. Могу добавить: он был слишком солдат партии. Стал им, когда партия в основном состояла из романтиков и идеалистов, при всем их фанатизме и неоправданном мессианстве. Но потом как бы не заметил или не решился осознать происходившей с партией трансформации. Или не дал ей должной оценки. Не хватило духу.

Даже после смерти Сталина он был небезупречен. Например, в начале 60-х, когда Устав КПСС пополнился статьей, фактически снимавшей возможность не избирать партийных бонз в партийные комитеты (количественный состав их более не лимитировался: всякий, кто получал 50 процентов плюс один голос, считался избранным), я выразил свое возмущение: «Ведь даже при Сталине этого не было, как же Хрущев не понимает, что это еще больше подрывает демократию в партии?» Отец, правда, сказал, что это делается по предложению Фрола Козлова, который убеждал, что нововведение не даст проваливать на выборах «нужных людей». И хотя Микоян активно не любил этого нечестного неосталиниста, я не услышал в его тоне резкого осуждения или протеста. И он не сказал, что возражал против предложения Козлова. Видно, тот заранее согласовал вопрос с Хрущевым, а отец вступал в спор с последним часто, но не всегда — тут сказывалась такая его черта, как лояльность, которая стала тоже недостатком.

Да, эта черта, по-моему, составляет еще один его минус: лояльность перешла в подчиненность лидеру. Я имею в виду прежде всего конец двадцатых годов, Сталина. Факт остается фактом: Микоян был среди тех, кто помог Сталину пробраться на вершину пирамиды. Конечно, он был тогда не таким влиятельным, как другие, кто на свою голову просмотрели опасность (Каменев, Зиновьев, Бухарин, Киров, Орджоникидзе и т. д.). И все же с него нельзя снять ответственность.

И еще: он, безусловно, уступал Хрущеву в способности стать тараном, опрокидывающим сталинщину. Правда, как он рассказывал, он убеждал Хрущева не откладывать разоблачение Сталина, особенно в отношении репрессий (важную роль в этом сыграли А. В. Снегов и О. Г. Шатуновская), и уж во всяком случае единственный в Политбюро поддержал эту акцию. На XX съезде он первым, еще до Хрущева, выступил с резкой критикой некоторых сторон сталинизма. Однако лояльность и партийная дисциплина заставили его все же оставить главный удар на долю Хрущева. Так они договорились. По-видимому, он считал, что не по его плечу задача, по партийным порядкам это должен был сделать Первый. Формально это правильно. Но почему бы ему в своей речи не обрушиться резче и сильнее? Конечно, не мог он предвосхищать доклад во всем. И все же ему не хватало личных качеств Хрущева — стать всесокрушающим тараном.

Еще один недостаток: налет технократизма. Тут был и плюс — профессионализм во всем, но минус гораздо более существенный — невнимание к вопросам экологии, доверие к узким специалистам, неспособным мыслить системно и невзирая на интересы своего ведомства объективно оценивать свои выкладки.

Например, в 40-х годах начали сооружение Севанского каскада в Армении. Авиаконструктор Артем Микоян, любимый его брат, с отчаянием в голосе говорил ему: «Анастас, нельзя губить Севан, это катастрофа!» «Ты не понимаешь, Ануш (так звали в семье Артема), Армении нужна электроэнергия, нужна вода для орошения. А Севан только немного уменьшится в размерах, не пропадет, специалисты ведь все рассчитали». Спор продолжался долгие годы, пока жизнь не подтвердила, что узким специалистам верить нельзя. Или Байкал. Тут я вел с ним нескончаемые споры, а он аргументировал необходимость постройки целлюлозного комбината тем, что Байкал — одно из немногих в мире озер, оптимальных для производства целлюлозы, а также тем, что специалисты заверяют в абсолютной эффективности очистных сооружений.

Микоян также не мог понять нашего семейного возмущения строительством Дворца съездов в Кремле, тут

он был вполне солидарен с Хрущевым. И когда я сетовал по поводу Зарядья, говоря, что там, вокруг церквей, можно создать прекрасный парк, привезти деревянные церкви с Севера, и место станет сказочным, он защищал хрущевско-посохинский замысел огромной гостиницы вблизи Кремля. Мне до сих пор больно, когда я вижу «Россию» и задавленные ею изумительные церквушки (надо сказать, что еще по сталинскому плану реконструкции Москвы там планировалось строительство гигантского «Дома тяжелой промышленности»).

Все это — максимально возможная для меня объективная оценка Микояна, и я не вижу оснований для ее пересмотра. Еще раз скажу: я не поддаюсь конформистскому духу и не меняю мнений в зависимости от конъюнктуры. Хватит, устал за годы моей тупой веры, когда конъюнктуру принимал за высокую целесообразность. Пусть даже теперь не «верхи», а «низы» меня пытаются вести. Не хочу быть ведомым никем.

— Во всем ли ты верил своему отцу: его воспоминаниям, рассказам, легендам, поступкам? Веришь ли ты всему этому сегодня?

— Убежден, что в его рассказах и воспоминаниях не было намеренной неправды. Он не переносил лжи в личной жизни, в быту, в рассказах. С политикой дело, конечно, обстоит не столь однозначно. Это вообще грязное занятие, компенсирует лишь то, что кто-то все равно должен ею заниматься. Уж лучше порядочные люди, чем непорядочные. А отец был порядочным человеком. Но нет политика, который был бы всегда прямым, во всем правдивым, открытым и честным. Это просто по определению невозможно. Есть «более» и «менее» прямые, есть просто политиканы-жулики, есть ничтожества, есть злодеи, есть выдающиеся политики, которым история должна быть благодарна. Но абсолютно честных и открытых среди них не было, нет и не будет.

После 1989 года очистительный процесс в нашей стране привел и к некоторым иллюзиям, заблуждениям на этот счет. Стало модно ругать Горбачева за гибкость, за компромиссы. Этим занимались даже те, кому именно его тактика давала возможность быть менее гибкими. Он принял этот «грех» за всех: но мало кто это понял и оценил. Однако я осмелюсь быть немодным: все те политики, которые его критиковали, хитрили по-своему, разрабатывали свою тактику. Да, да, и Ельцин тоже. Даже самый интеллигентный современный политик Собчак, который ближе всех к открытости, не бывает, как мне кажется, всегда откровенным. Да иначе было бы невозможно и глупо. Иное дело — Андрей Дмитриевич Сахаров: только он мог говорить все, что думал. Но он ведь не был политиком. Он был совестью нации, человеком типа Льва Толстого, Ганди — в общем из тех, которыми судьба одаривает народы раз в столетие, а то и реже. Да и не все народы.

Микоян искренне заблуждался, искренне старался неуемной работой на хозяйственном поприще (и с немалым успехом), особенно в пищевой промышленности и внешней торговле, забыться от грязных дел своей партии во главе со Сталиным, потом искренне старался искупить свою неискренность времен «ордена меченосцев». Бог ему судья. Но не тем, кто боится директора или начальника по работе — не такого рода людям судить моего отца! А они пытаются и проявляют большую прыть.

Ему, конечно, было стыдно за многие свои поступки. Это заметно было по тому, как он старался быть особенно внимательным к семьям репрессированных, к правам и достоинству наций нашей страны, особенно малых, но и больших тоже.

— Твое восприятие Сталина через отца, каким оно было? Каково оно сейчас?

— При жизни Сталина оно было официальным. Дело не только в том, что все прослушивалось. Мы же были дети, нас нельзя было посвящать ни во что. То немногое, что он говорил о Сталине, было только информацией. Позже я понял, что в ней иногда содержался подтекст.

5 марта 1953 года. Вселенская трагедия. Вот только я не вижу трагического выражения у отца. Наоборот, он энергичен, бодр, деловит. Контраст с последними двумя-тремя месяцами, когда он был строг, сосредоточен, хмур. Только чуть позже я узнаю, что то были месяцы, когда вождь ожидал от него самоубийства. Что еще может сделать тот, кого публично, на пленуме ЦК, сам Сталин обвиняет в пособничестве империализму? Кого не приглашают на совещания, кому не присылают информации, положенной члену Политбюро? Это вам не лай зайковской своры на пленуме МГК против Ельцина. Здесь ставка — это жизнь. А вернее, смерть. Мучительные пытки, позорная смерть. Это — лагерная пыль для всей семьи и десятков, если не сотен «микояновских» командных кадров в пищевой промышленности, торговле и т. д., а также сотен членов их семей и сотен уже их кадров и их семей. Цепочка, конца которой не узнает никто, пока щупальца Лубянки не получат «добро» на свою кровавую охоту.

Но приходит конец тирану. Для меня это все еще трагедия. Я спрашиваю отца: «Что же теперь будет?» «А что, собственно, должно или может быть?» «Война?» — изрекаю я глупость, которая тогда у многих была на устах. И слышу ответ, в котором критика Сталина уже выражена в словах, а не только в интонации: «Уж если при нем не случилось войны, то тем более не будет без него!» Я почти что оскорблен за Сталина. А ведь по его личному указанию я просидел 6 месяцев на четвертом ярусе Лубянки, когда мне едва исполнилось 14 лет. Да что я! Смерть Сталина — трагедия даже для моей жены Аллы, отец которой, мужественный лидер 900-дневной обороны блокированного Ленинграда, расстрелян три года назад, а мать находится в тюрьме. Ведь она уверена, что ее отца, которого она обожает и втайне еще ждет, и ее мать погубили только Берия и Маленков! Сталина всегда кто-то вводил в заблуждение.

Но вот мои дядья Гай Туманян и Артем Микоян начинают меня исподволь просвещать. Мне нужно несколько месяцев, чтоб глаза мои открылись.

— Считаешь ли ты, что все, чего ты добился в жизни,— благодаря отцу? Или, наоборот, будь у тебя, извини, другой отец, ты бы добился большего? Вмешивался ли он в твою карьеру?

— Отец никогда не помогал нам продвинуться или вообще добиться чего-либо. И все же фамилия работала сама по себе. Однако с разным знаком! Фамилия давала свои заметные плюсы в быту, в различных жизненных ситуациях. Но она же привела меня на Лубянку, как только я окончил 6-й класс школы. Это уже была привилегия — так рано оказаться там, где было столько достойных людей.

Но в 1947 году меня приняли в Институт международных отношений. С другой фамилией уже бы не приняли. Кстати, Сталин однажды спросил отца (в 1948 или 49-м году): «А где те твои два сына, которые были арестованы?» Он ответил, что один — слушатель академии им. Жуковского (это был Ваня), а другой — студент МГИМО. Последовал грозный, но абсолютно риторический вопрос: «А разве они заслужили право учиться в советских вузах?» Сталин умел одной фразой сказать очень многое. Микоян промолчал. (Большинство его коллег ответило бы: «Не заслужили, товарищ Сталин», в тайной надежде ограничить дело исключением из института.) Микоян несколько дней, потом неделъ, потом месяцев ждал повторного нашего ареста. Но, видно, великий вождь, за множеством дел подобного рода, забыл о двух юных врагах народа, пробравшихся в советские вузы (именно так выглядел эпизод, не точно передаваемый Роем Медведевым).

Фотографии из семейного архива

— Если бы отец дожил до перестройки, как бы он ее воспринял?

— Трудный вопрос. Начну с конца. 20 августа 1991 года, как и 19-го, я пришел к Белому дому на Краснопресненской набережной. В этот вечер я принял участие в сооружении баррикад и вообще хотел быть с теми, кто живым кольцом уже одним своим присутствием защищал не только этот дом, но дело демократии во всей стране. Я встретил там свою племянницу Ашхен Микоян, 43-летнюю преподавательницу МГУ, и ее сына Александра, московского студента. От них я узнал, что другие мои племянники, довольно известный исполнитель рок-музыки Алик Микоян и его брат генетик Володя, находятся в ополчении. После я узнал, что их отец и мой брат Степан, ныне зам. генерального конструктора, то есть представитель военно-промышленного комплекса, три вечера тоже бывал там. Еще позже мне рассказали, что видели, как мой племянник Стас Намин, еще более, чем Алик, известный человек в мире современной молодежной музыки, шел в тоннель на Смоленской площади к бронетранспортерам сразу же после трагедии в этом тоннеле, для того чтобы разъяснить солдатам, где их место.

Тот факт, что семь членов семьи Микояна, представляющие три поколения, пришли туда в критический для судеб страны момент и оказались именно по эту сторону баррикад, не является случайностью, а говорит о том, как мы были воспитаны. У отца был огромный потенциал здравого смысла. Поэтому, если бы он увидел, что страна зашла в тупик, он мог бы сделать тот же выбор, что и мы. По сути, он видел начало тупика, он глубоко переживал, что окружающая действительность вызывала много недоуменных вопросов. В нем был силен и потенциал демократизма. Вспомни, Хрущев почти высмеивает его за ужас при известии, что его попытки предотвратить кровопролитие в Будапеште в 1956 году пошли насмарку. Он был в отчаянии от спровоцированного Ф. Козловым решения Хрущева применить силу в Новочеркасске в 1962 году. Сам он сумел только отменить приказ Козлова о подготовке нескольких эшелонов для отправки арестованных в ГУЛАГ.

Все это так. Но, с другой стороны, Ленин, дело социализма для него были святыми понятиями. Признать дело его партии грандиозной исторической ошибкой было бы, наверное, мучительно трудно. И возможно ли вообще?

Так что я не спешил бы зачислить его в сторонники перестройки...

АЛЕКСАНДР ЧИЖЕВСКИЙ

ПСИХИЧЕСКИЕ «ЭПИДЕМИИ» И СОЛНЕЧНЫЕ «ВЗРЫВЫ»

Имя Александра Леонидовича Чижевского (1897—1964) стало входить в моду. Оно все чаще появляется на страницах газет и журналов, звучит по радио и телевидению. Его ставят рядом с именами Циолковского и Вернадского — основоположников современного космического естествознания.

А были времена, когда это имя произносилось то с опаской, то с крикливыми и хлесткими шельмующими эпитетами, потом — нарочито замалчивалось.

Теперь иное дело — столь иное, что подчас хочется воскликнуть: Боже, спаси нас от друзей! Теперь в публичных суесловиях звучат безудержно восторженные эпитеты, а в салонных беседах задают кокетливые вопросы: «Вы читали Чижевского?» И от некоторых из тех, что «образованность свою хочут показать», можно услышать, будто научные выводы Чижевского родственны религиозно-мистическим представлениям, или об апокрифических событиях, якобы имеющих отношение к его личной судьбе. «Когда Чижевский вернулся в Москву после своей гулаговской одиссеи, я встречался с ним,— рассказывал мне один кинорежиссер,— и он играл мне на своей любимой скрипке, на которой стоял знак Антонио Страдивари...» — «В самом деле? — искренне удивился я.— Что же он вам играл?..» — «Кажется, Штрауса... Или Шопена». Да, Чижевский играл на скрипке, но по возвращении из Караганды смычка в руки не брал. А «любимая скрипка», действительно выполненная знаменитым итальянским мастером, была продана еще в 1937 году, когда ученому не на что было купить куска хлеба.

Впрочем, «биографическая» мифология — это еще куда ни шло. Хуже, когда мифологизируется существо творческого наследия. Но чем судить понаслышке, не лучше ли познакомиться с первоисточником?

Публикуемая ниже статья была написана в 1927 году для «Русско-немецкого медицинского журнала», выходившего в Берлине под соредакцией, в частности, известного деятеля отечественного здравоохранения профессора Н. А. Семашко. В ту пору Чижевский состоял научным сотрудником лаборатории зоопсихологии Наркомпроса РСФСР. Когда его спрашивали: «Чем, собственно, вы занимаетесь?», он отвечал: «Электричеством жизни!» Такой ответ, казалось бы, ничего общего не имел со статьей о возникновении и распространении массовых психозов. Но это, конечно, не так. В «электричестве жизни» ученый искал интимный механизм физической связи человека с внеземными силами.

XX век — век торжества масс. Еще никогда народные массы не играли такой крупной роли в общественной жизни, как теперь. Аморфная в течение многих тысячелетий масса давала знать о себе лишь в трагические или великие минуты в жизни государства. Ныне эта масса стала приобретать как во времени, так и в пространстве устойчивые, прочные формы. Благодаря медленной, но непрерывной интеграции массы перешли из пассивного состояния в активное. Разрозненный коллектив стал индивидуализироваться и суммировать свои силы по одной или немногим общим линиям действия. (...)

Благодаря выступлению широких народных масс на арену общественной жизни, приобретает огромный интерес вопрос о том, какие законы управляют жизнью масс, их поведением. Это слово следует понимать в том строго научном смысле, какой ему придается современною объективною психофизиологией, начало которой

было положено И. М. Сеченовым и укреплено И. П. Павловым и его школой. Под поведением мы разумеем ответную реакцию организма на раздражения внешнего мира, возникающую чисто механическим, рефлекторным путем. (...)

Действия коллектива привлекли внимание не только социологов и психологов, но и психиатров и стали предметом обсуждения той области медицины, которая занимается изучением патологических уклонений в высшей нервной деятельности. В сфере изучения некоторых коллективных действий психиатрии предстояло решить немало вопросов. Особенно это касается природы так называемых «психических» и «психопатических» эпидемий, которыми богата коллективная жизнь всех народов. (...)

Можно утверждать, что человечество либо все в целом, либо отдельные его группировки, сообщества, всегда находятся во власти той или иной «психической эпидемии». В истории, охватывающей тысячелетия, мы не встретим ни одной эпохи, когда человеческие умы не были бы взволнованы той или иной идеей. Всегда отыщется соответствующая времени или эпохе идея, которая станет центром группировки человеческих масс. Как только это совершилось, мы будем иметь налицо массовое умственное явление, которое можно вполне основательно назвать психической эпидемией. Таким образом, жизнь сообществ протекает под знаком «психических эпидемий». Во всякий данный момент в целом ряде стран умы заняты или даже всецело заполнены какою-либо основной мыслью, характер которой стоит в зависимости от ряда социальных факторов. Эта основная идея, волнующая сообщество, может быть скрыта от наблюдателя, но она становится ясной всегда, коль скоро возникает массовое движение. (...)

Не все массовые умственные движения проходят бескровно, не вызывая больших осложнений. В большинстве случаев явления приобретают как раз обратный характер: большинство психических эпидемий очень быстро уклоняется в сторону патологии. Тогда мы видим стихийное проявление человеческого безумия, достигающее в своем неистовстве иногда самых головокружительных высот. Тогда мы имеем уже психопатические эпидемии.

Во все времена истории мы находим эпидемии повальных убийств на военной, политической или религиозной почвах. Я не говорю про убийства, совершаемые человеком во время битвы, когда злодеяние совершается во имя самозащиты или защиты страны от врага. Я имею в виду эпидемии убийств, совершаемых под разными предлогами во время политических или религиозных движений, убийств беззащитных и часто безвредных людей. Чтобы быть способным на такого рода убийства — в человеческой природе должны произойти некоторые изменения, должны обнажиться инстинкты в их первобытной зоологической форме.

Уже в Библии мы находим целый ряд описаний ужасных боен, например, избиение Мидианитов. Древняя история дает примеры массовых безумств, подобных уничтожению карфагенян. Кровавые гекатомбы практиковались в древности при различных празднествах, церемониалах и ритуалах. Мы видим мании жертвоприношений, достигшие неистовых размеров в мексиканском религиозном культе, эпидемии цирковых зрелищ в древнем Риме с травлею зверей и гладиаторскими боями, длившимися с 264 г. по Р. Хр. до времени Гонория. Картина неистовых и кровавых цирковых психозов развертывается в Византии в период средневековья. Фукидид в своей «Истории» дает блестящую схему гражданских войн, сопровождающихся братоубийством. Во все времена мы видим неистовые погромы евреев, причем способ массового убийства евреев сохранился до сих пор неприкосновенно, начиная с классической древности. Затем, мы знаем о массовых убийствах детей, практикующихся на Огненной земле и т. д. Этому «и т. д.» нет конца. (...)

Культ экстатического действа, проявляющийся в виде огромных психических эпидемий, известен во все времена и у всех народов. Его появление история относит к Фракии, где он получил оформление в виде оргий в честь Вакха, чаще именуемого Дионисом,— бога веселья, пьянства, самозабвения и сладострастия. В XIII в. до Р. Хр. культ Дионисия* из Фракии через Фессалию и Фокиду проник в Элладу, вызвав во всей Греции психическую эпидемию исступленного движения, повторяющуюся затем периодически то в одном, то в другом месте. В V веке культ перебросился в Италию, дав волну знаменитых Вакханалий, распространившихся на всю страну. (...)

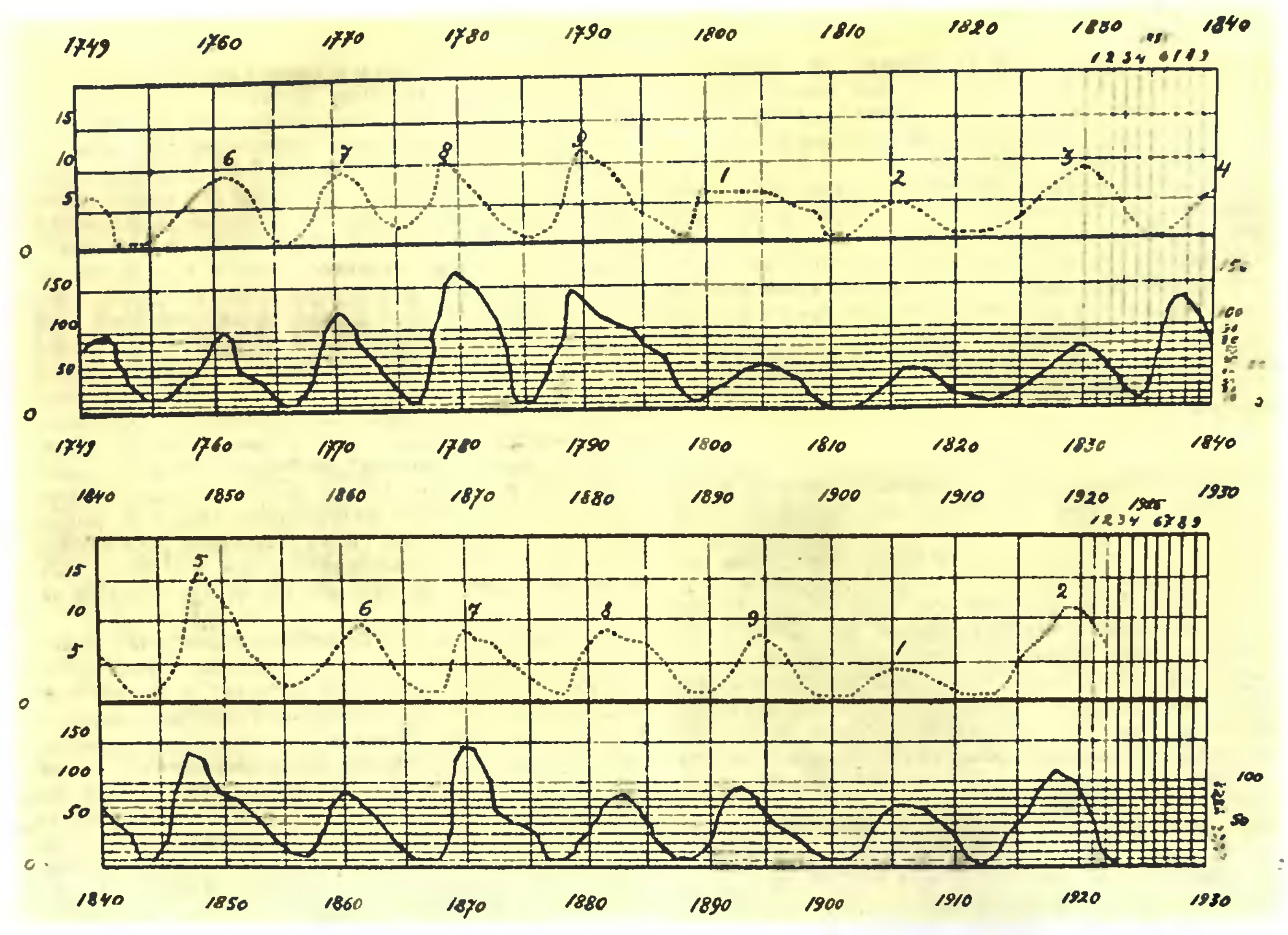
В XV столетии в Европе возникает повальная психическая болезнь, корни которой таятся в малокультурности человеческих масс того времени: в схоластико-аскетическом учении римско-католической церкви, в признании существования дьявола, в феодальном строе государства и в чрезвычайной монотонности жизни средневекового человека. Эта психическая болезнь заключалась в болезни вселения в человека дьявола, в одержимости злыми духами, в колдовстве. Повсюду, вопреки здравому рассудку, господствовало убеждение в том, что нечестивые люди, главным образом, старые женщины, обладают адскими силами совершать сверхъестественные дела, мучить и умерщвлять людей, питаться человеческим мясом и кровью, летать на пиры дьявола, превращаться в зверей и т. д. Психическая эпидемия бесоодержимости с ошеломляющей быстротою охватила массы народонаселения Европы, которая превратилась в убежище душевнобольных. Ни одна из стран Европы, кроме России, не избежала ее. Она омрачила сознание старых и молодых, ученых и невежд. Все те, которые были расположены к заболеванию нервно-психическими болезнями, отдали ей дань: истерики, галлюцинаты, люди с бредовыми идеями и с расшатанными нервами. (...)

Римско-католическая церковь в нескольких папских буллах подняла преследование несчастных больных; начались массовые уничтожения людей. По приблизительным подсчетам, около семи миллионов человек были сожжены на кострах. (...)

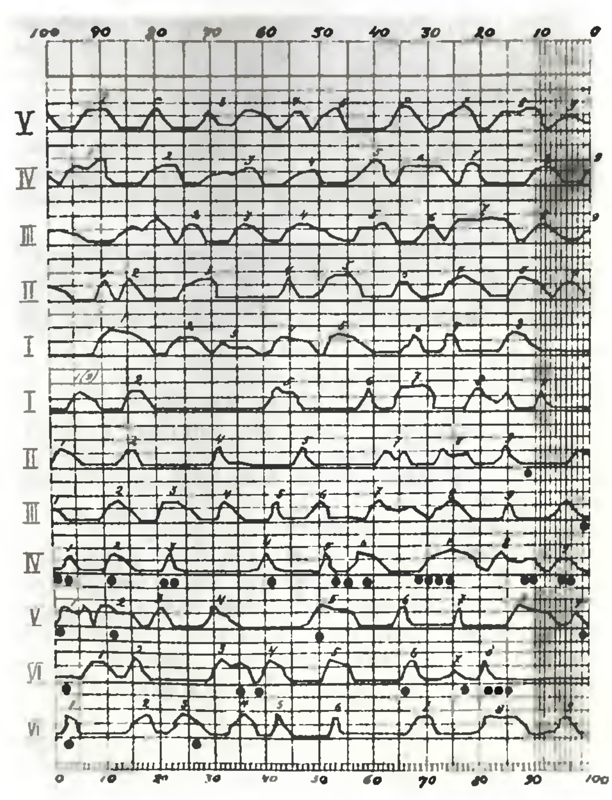
В славянских странах и в России никогда не было таких огромных эпидемий бесоодержимости, как в Зап. Европе. Отсутствие повальных демономанических психозов в России отчасти можно объяснить тем, что на церковном соборе 1551 года русское духовенство отклонило от себя преследование одержимых. Но единичные случаи бывали не редко, о чем свидетельствуют русские летописи. Из последних видно, что обвинения против колдунов и колдуний случались тогда, когда страну постигали какие-либо бедствия и нервная возбужденность населения повышалась.

Зато в период XVII в. становятся известными нервнопсихические эпидемии «кличанья» (от слова кличать —

* Так у автора.— *Ред.*

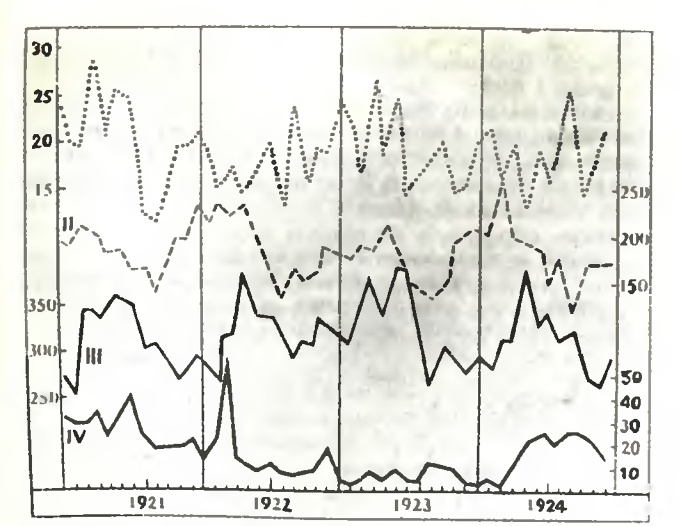

Параллелизм кривых: пятнообразовательной деятельности солнца (нижняя кривая) и всемирной военно-политической активности человечества (верхняя кривая) с 1749 г.

Средние кривые колебаний всемирно-исторического процесса за период времени с V века до Р.ХР. по XX век.
По оси вбсцисс (горизонтальная линия) отложены года, по оси ординат (вертикальная линия) — количество возникновений важнейших событий всеобщей истории человечества. Точками обозначены до-телескопические, а затем астрономические данные о напряжении деятельности солнца; тире — минимумы ее.

Смертность в Англии и периодическая деятельность Солнца по месячным данным: I — убийства, II — эпилепсия, III — самоубийства, IV — периодичность деятельности Солнца

Совпадения подъемов в пятнообразовании (нижняя кривая) и вспышек революционной деятельности народных масс России за период с 1 октября 1905 г. по 1 апреля 1906 г. (митинги и забастовки; бомбы и покушения; немедленные репрессии).

пророчествовать) или икоты. Начиная с первого известия о кликушах или икотницах 1606 года вплоть до революции 1917 года, этих эпидемий насчитывают несколько десятков. При условии пониженной сопротивляемости организма, икота обладает способностью эпидемического распространения.

К категории нервно-психических или психопатических массовых заболеваний принадлежат многочисленные, собственно — «религиозные эпидемии», возникающие на почве новых вероучений. Нет сомнения в том, что все религиозные системы распространялись эпидемически, создавая области массового религиозного помешательства. К сожалению, вопрос этот еще мало разработан. В специальных исследованиях мы встречаем лишь небольшое количество религиозных эпидемий, отнесенных к категории массовых психопатий. (...)

В литературе описаны массовые психозы и массовые психопатии, представляющие собою единичные по своему характеру и содержанию явления и локализованные на ограниченной территории и в ограниченном промежутке времени. Остановимся на кратком перечне некоторых из них.

Максй в своих мемуарах описывает знаменитую эпидемию, получившую название «тюльпаномании», охватившую голландцев в 40-х годах XVII века. Началась она с того, что все население — дворяне, горожане, фермеры, моряки, лакеи, трубочисты взялись за торговлю тюльпанами, которые, конечно, стали быстро повышаться в цене. Вскоре стоимость луковицы некоторых видов достигла нескольких тысяч флоринов. Богачи разорялись, бедняки делались богатыми. Но все безумно, слепо и упорно верили, что страсть к тюльпанам, охватившая не только Голландию, но и соседние страны, будет продолжаться без конца и что ценность объекта всеобщего безумного увлечения будет вечна и незыблема. Однако реакция не замедлила появиться, народное умопомешательство кончилось, и паника общего краха охватила всю страну. Подобного характера спекулятивные эпидемии не раз охватывали и другие страны. Замечательнейшими из них считаются американские финансовые эпидемии XIX в. и эпидемия 1717 г., разыгравшаяся во Франции.

В форме больших психических эпидемий распространялись и другие явления. Например, разбой и воровство со взломом распространились в Англии в 1692 г. со стихийной силой и скоростью эпидемии. Эпидемии грабежа во все времена сопровождают иные массовые движения. Эпидемия отравлений во Франции при дворе Людовика XIV охватила сотни людей. Во времена Людовика XIII мы видим эпидемическое распространение дуэлей (бреттерства).

Сексуальные эпидемии в некоторые эпохи получают широкое распространение. Из Библии всем известна история городов Содома и Гоморры. Массовые половые психопатии свирепствуют часто на Востоке; известна эпидемия противоестественного разврата в царствование Гелиогабала в Риме, а в новейшие времена — среди солдат в Н. Каледонии, в Бразилии и других местах. Та же эпидемия прокатилась по Франции в 1848 г. Безумные эпидемии разврата периодически имели место в средние века.

Укажем еще на ряд других эпидемий: например, под впечатлением одного случая водобоязни заболело lyssa-подобной эпидемией 99 человек, описана эпидемия потери голоса в одном женском учебном заведении, известен целый ряд эпидемий судорог на истерической почве, эпидемии исцеления от болезней, которые имели

место еще в храмах Сераписа и Асклепия в древности, а в новейшие времена в С.-Медаре (1727 г.), в Лурде (1858 г.), в Кноке (1879 г.), а равно и эпидемическое поклонение мощам. Описаны эпидемии эмиграции, массовые психозы после землетрясения и других стихийных катастроф, эпидемии наркомании и мн. другие массовые движения на психопатической почве.

Ни один мыслящий человек не в состоянии пройти мимо поразительного явления массовых психозов и психопатий, не уделив ему своего внимания. Чем обусловлены эти замечательные явления? Какие факторы способствуют их возникновению и развитию? Нельзя ли обнаружить какие-либо общие закономерности, свойственные всем массовым психическим явлениям, или же эти явления возникают и гаснут произвольно?

Исследователя, который глубоко вошел в изучение явлений этого рода, поражает удивительная способность человека вовлекаться в безумный вихрь психических или психопатических эпидемий. Еще вчера жестоко обличавший то или иное массовое движение, сегодня он становится сам его адептом, его жертвой. Психическая «инфекция» проявляет себя быстро и решительно, охватывая молниеносно огромные круги населения. (...)

Детально изучая историю психических и психопатических массовых движений, в связи с социальной историей соответствующих эпох, я должен был придти к заключению, что одних психических и социальных (политико-экономических) факторов недостаточно для объяснения сложного процесса явления. Далее я пришел к выводу, что в сложном комплексе факторов, обусловливающих массовые психозы, несомненно, имеют место еще некоторые другие факторы, ускользавшие до сего времени от исследователя. Основываясь на экспериментальных трудах по изучению влияния физико-химических агентов внешней среды на поведение животных, я в виде рабочей гипотезы сделал предположение, что как возникновению, так и развитию массовых психических явлений (конечно, при наличии прочих социальных факторов) способствуют факторы внешней природы, имеющие большие районы действия и определенную периодичность во времени.

Известно, что жизнь коллективов протекает далеко не равномерно, обнаруживая по временам резкие колебания. Иногда в течение многих лет ничто не нарушает мирного течения жизни, ее размеренного темпа. И вот этот темп меняется. Коллектив, который ранее подавал лишь слабые признаки жизни, вдруг оживает. Человеческие массы волнуются, шумят, проявляют себя в том или ином действии. Толпы народа, а не поступки индивидов, создают «общественную жизнь». Но проходит время, месяц, год или более, и общие волнения успокаиваются, и снова мирная жизнь вступает в свои права. (...)

Базируясь на том несомненном факте, что в деле возникновения так называемых «исторических событий» играют огромную роль психические и психопатические агенты, являющиеся в то же время основными причинами массовых психозов вообще, я предпринял статистический учет массовых народных движений: войн и революций, набегов и восстаний. К этому учету была привлечена история большинства народов с V века до н. э. и кончая началом текущего столетия. К этому огромному исследованию я был побужден в свое время еще и другими мотивами, вызванными одним непосредственным наблюдением. Источниками этой работы мне служили: сочинения по всеобщей истории, специальные исследования об отдельных исторических событиях и исторические памятники на новых и древних языках. (...)

Исходя из существа самого исследования, я счел необходимым главное внимание обратить на даты возникновения исторических событий, т. е. на даты первых подъемов человеческих масс, направленных к достижению тех или иных целей.

Таким образом, в настоящем исследовании меня совершенно не интересовало «содержание» массового движения, его идеологическая подкладка, история его возникновения, его социальное значение и т. д., и т. д. Все эти стороны обусловливаются социальными факторами, и вопрос этот уже достаточно хорошо разработан. Этим объясняется, почему я в одну и ту же категорию массовых движений вливаю движения, которые с точки зрения социального их значения могут быть диаметрально противоположны.

Ввиду того, что, согласно специальным исследованиям, началом достоверных исторических дат римской истории является 500 г. до н. э., эта дата и была принята мною за исходный пункт моих исследований. Таким образом, мое историко-статистическое исследование охватило период времени, начиная с 500 г. до н.э. и кончая серединою второго десятилетия текущего века, т. е. период в 2415 лет. (...)

Было произведено необходимое отсеивание материала. На поверхности критического сита остались все те события, которые имели, несомненно, как массовый, так и интенсивный характер. (...)

Без сомнения, подобного рода работа представлялась бы чрезвычайно затруднительной, если бы мы располагали полным знанием всякого рода массовых явлений в сообществах, будь то массовый бунт или массовая раскупка сенсационной книги и т. д. Эти явления различного по своему содержанию характера могли бы усложнить обнаружение простых эмпирических закономерностей, если таковые действительно существуют.

Мы знаем, что всякому массовому основному явлению сопутствует целая плеяда явлений второстепенного значения, учтение которых, да еще в единицах, равных с основными явлениями, может до неузнаваемости исказить количественное выражение того или иного явления. Прекрасным подтверждением подобного рода доводов служит известный пример из истории астрономии. Как известно, наблюдения Тихо де Браге за движением планет вокруг солнца далеко не отличались совершенной точностью, это были лишь приблизительные данные, полученные при помощи примитивных орудий наблюдения. Однако они были достаточны для того, чтобы Кеплер при их обработке ввел свои знаменитые эмпирические законы движений планет.

Но нет сомнения в том, что если бы Кеплер имел в своем распоряжении те точнейшие данные о движениях планет, которыми располагаем мы, его попытка нахождения простого эмпирического закона не увенчалась бы успехом из-за огромной сложности явления. Таким образом, и Ньютон не располагал бы тем необходимым материалом, на основе которого он построил теорию всемирного тяготения.

После того, как весь материал был строго проверен и проредактирован в методологическом и историческом отношении, можно было в виде чисел выразить количество массовых движений исторического значения во всех странах и у всех народов за каждый год указанного выше промежутка времени в 2415 лет. Тот же материал был выражен мною в виде кривых, которым я присвоил наименование «кривых всемирно-исторического процесса». По оси абсцисс было отложено время по годам и столетиям за весь указанный исторический период, по оси ординат откладывалось ежегодное число учтенных исторических событий всех стран и народов.

Количественный анализ кривых всемирно-исторического процесса позволил вывести следующие три основных положения:

— На различных материках земли, в различных государствах, у различных народов, независимо от того, существуют ли между ними какие-либо взаимодействия, общее количество массовых движений, имеющих историческое значение, то повсеместно и одновременно увеличивается, то повсеместно и одновременно уменьшается, образуя, таким образом, как бы всемирный цикл исторических событий — массовых психических явлений.

— В большинстве столетий этот всемирный цикл исторических явлений повторяется по 9 раз. Лишь в эпоху раннего средневековья наблюдается отсутствие от одного до трех таковых циклов в столетие. Это обстоятельство находит достаточно веское объяснение в отсутствии точного исторического материала за этот период, вследствие резкого упадка исторического значения в первые века нашей эры.

— На основании рассмотрения большинства столетий, необходимо признать, разделив 100 на 9, что каждый всемирно-исторический цикл равен, в среднем арифметическом, 11,1 года.

<u>Основные выводы из результатов количественного анализа кривых всемирно-исторического процесса</u>

Одновременность увеличений и уменьшений в числе массовых народных движений на всей поверхности земли показывает, что причина, вызывающая данную закономерность явления, оказывает свое воздействие на поведение масс различных народов в одно и то же абсолютное время, а следовательно, может лежать и вне социального фактора.

Периодичность числа массовых движений и периоды, равные во всех исторических эпохах, показывает, что причиной этой строгой периодичности является физический фактор, воздействующий более или менее равномерно на все, населяющее землю, человечество.

Ввиду того, что всемирно-исторические циклы, в среднем арифметическом, дают всегда одну и ту же величину, равную 11,1 года, имеются некоторые основания допустить, что физическим фактором, вызывающим данную периодичность, является периодическая пятнообразовательная деятельность солнца, один период каковой равен, в среднем арифметическом, 11,1 года.

Из (...) накопленного мною исторического материала следует сделать таковой основной вывод: в определенные эпохи, когда деятельность солнца значительно и резко повышается, мы констатируем одновременный подъем нервно-психической возбудимости больших человеческих масс, выражающийся в увеличении числа массовых движений, психических и психопатических эпидемий. (...)

В годы напряжения деятельности солнца количество излучаемой светилом в пространство энергии значительно увеличивается, о чем мы можем судить хотя бы по тепловому излучению солнца. Следовательно, и количество получаемой Землею энергии также увеличивается на определенную долю, которую можно вычислить. Пришедшая от солнца энергия, в виде электромагнитных или корпускуллярных радиаций, превращается в другие виды энергии, которую живые организмы могут непосредственно и невольно почерпать из окружающей их среды. Переизбыток энергии, полученный живыми организмами, вызывает усиленную жизнедеятельность организмов, ускоряя темп всех процессов, повышает нервную и психическую деятельность их. С точки зрения физики, увеличение массовых движений в годы повышенной деятельности солнца не вызывает никаких возражений. Несравненно труднее разрешение того же вопроса с точки зрения физиологии. (...)

В заключение я хочу отметить следующее:

Данные так называемой коллективной психологии показывают, что идеи в массах могут жить годами, нарыв может зреть долго, но прорывается он вдруг; также и массы вдруг смело и единодушно выходят на улицу с криком восстания. История учит, что все более или менее крупные массовые движения возникали сразу, охватывая в несколько дней огромные территории. Очевидно, что для того, чтобы положить начало массовому движению, чтобы народу выйти на улицу с требованиями, чтобы возникнуть большим толпам, необходим (помимо обязательного, конечно, наличия политико-экономического или другого социального раздражителя) общий и единовременный толчок, общее повышение рефлекторных процессов, когда малейшие раздражители вызывают сильные реакции. Такой именно единовременный толчок может происходить из известных изменений в физико-химическом состоянии окружающей среды в форме минимального повышения возбудимости всего нервно-психического аппарата в целом. При отсутствии объединяющего массы социального фактора эта повышенная возбудимость может вылиться в индивидуальные поступки. При наличии такого фактора указанные индивидуальные поступки создают в среднем единообразное поведение массы индивидов, тогда возникает коллектив, объединенный общими идеями и общим поведением. Следуя законам психической инфекции (или индукции), коллектив растет, постепенно охватывая огромные территории. И это происходит тем скорее, чем сильнее действует космический агент.

(...) Достаточно бросить беглый взгляд на историю психических эпидемий и на клинический материал о ее участниках, чтобы увидеть, что главным показателем ее являются — повышенная возбудимость периферической нервной системы и уменьшенная сопротивляемость головного мозга — ослабление его задерживающей, регуляторной деятельности, способствующих выдвижению на первый план инстинктивных актов. Действительно, чем характеризуются все массовые психозы или массовые психопатии? В них мы, прежде всего, находим изобилие двигательных актов в связи с явным обнаружением различных инстинктивных реакций, сводящихся к стихийному проявлению одного, наиболее обобщенного для всего животного мира, инстинкта самосохранения.

В самом деле, как только возникают преграды для удовлетворения биологических потребностей или происходит их ущемление, возникают массовые истерии, массовые психозы.

Став на эту точку зрения, мы можем приблизиться к разрешению задач, которые задает исследователю история и клиника всех массовых явлений, имеющих место в человеческих обществах.

Публикация и предисловие кандидата философских наук
ЛЕОНИДА ГОЛОВАНОВА

ПРЕДСТАВЛЯЕМ АЛЬМАНАХ «МУЛЕТА»

Литературу и искусство варит время. Культура, составляющими которой являются два предыдущих понятия, это бульон, на котором Артист готовит свой суп. Русский бульон не спутать с другими, даже если он время от времени попахивает разно-заграничными пряностями.

Когда в 1981 году я начал обдумывать издательство, названное впоследствии «ВИВРИЗМ» по имени основанного мной артистического движения, ставшего теперь интернациональным, два условия представлялись мне обязательными: безусловная, может быть, даже гипертрофированная принадлежность изданий эмигрантскому нашему времени и естественное последование русской культуре.

Сейчас я знаю, что и пять вышедших в Париже альманахов «Мулета», и 26 «Вечерних звонов»-приложений свидетельствуют о том, что оба эти условия соблюдены. 6-я «Мулета», печатавшаяся уже в Москве, по отзыву «Столицы», «в целом как-то положительнее, зато прибавилось патетики». Что же, я отвык на Западе спорить с пеной у рта, но привык к упорству и количеству работы, а потому опровергать мнения «Столицы» словами не буду. Замечу лишь, что те пять парижских выпусков, которые «отрицательнее» 6-го, являются, по мнению многих славистов и иных специалистов культуры, наиболее грамотными эмигрантскими изданиями. Забота о качестве текстов, о цельности издания как объекта для медитации и восхищения — ибо это главная, на мой взгляд, задача издателя при выпуске любой книги — всегда была для редакции важнейшей задачей. Тому, что из этого получилось, и авторы, и читатели обязаны, прежде всего, Людмиле Савельевой, моей жене, выполнявшей в единственном числе всю техническую работу от набора и корректуры до верстки и макетирования всех парижских изданий.

Пикадор Дудинский, мой московский друг и сподвижник, выступивший в 6-м выпуске «Мулеты» соредактором, отдал журналу не только 8 лет трудов, но и страсть души без кавычек. С переездом издания в Москву вес его усилий вырастает многожды.

Героическое время эмиграции остановилось. Культура возвращается домой и, несмотря на нестерпимые условия жизни в бывшей империи, как герои, так и прилитературная шпана посматривают на Восток. Возможно, отсюда замечательная патетика Шестой: тем, кто не уезжал, не удается удержать гордыни превосходства. Их тоже не осудишь: у каждого свой резон!

О смысле же и ценности внутреннего содержания материалов, опубликованных нами, судить читателям.

Уезжая в 1979 году из Москвы и думая, что навсегда, я и предположить не мог, что встречусь в будущем времени с покидаемыми друзьями и родственниками. Вместо «Я» следовало бы употребить «МЫ» — подобные ощущения испытаны многими моими товарищами, живущими теперь в зарубежье. Точно так же, отправляя 11 марта 1982 года Феликсу-Филиппу Ингольду, швейцарскому слависту, первый манифестирующий будущее издание текст, я не мог надеяться на сегодняшнее к «Мулете» внимание.

Теперь, представляя журнал читателям «Родины», я почти счастлив. Но буду счастлив вполне, когда пойму, что «Мулета» в результате этой публикации прочтена, осмыслена и поставлена в трепетный ряд радостей или разочарований. Только такой я и вижу компенсацию за нечеловеческие усилия, потребовавшиеся для реализации виврестической мечты освободить творчество и Творцов от назойливого вмешательства «авторитетов», расчислителей и оценщиков артистизма, от бесцеремонных приставаний воинствующей посредственности, вцепившейся в вожжи из идеологии ли или из подванивающей деньги, бюрократов при литературе и искусстве, от «телефонного права», господствующего в разборке левой и правой, ведов «про» и ведов «анти», ученых торговцев трупами и судьбами, самодовольных, удачливых, нагловатых.

Теперь «Мулета» ваша.

Париж, январь 1992.
ТОЛСТЫЙ,
матадор,
он же — Главный редактор.

Первый номер альманаха «Мулета» появился в Париже в 1983 году. До 1989 года выходил как ежегодник. Главный редактор — Толстый (Владимир Котляров). С 1991 года издается в Москве. Соредактором журнала является Игорь Дудинский.

Коррида благородной «МУЛЕТЫ»

Все помнят мизантропическое ворчание героя Достоевского в 1 части «Записок из подполья». Мизантропическое подполье, скептицизм, глубоко залегающий. Любая поза по адресу проклятых вопросов, кроме позы пророческой. Ранний Достоевский.

Не знаю, какое «подполье» даровало молодой «Мулете» трудную, очаровательную независимость от пророческого чина-сана. Вероятно, то обстоятельство, что долгое время в эмигрантских кругах с «Мулетой» не хотели считаться, привело к тому, что мулетчики выполняли санитарную функцию, утаскивая к себе в норки лакомые кусочки, нетронутые на роскошном идеологическом пиру русской публицистики.

Бедные, как церковные мышки, они здорово трепали нервы всей эмиграции, устраивая ей такие испытания, что не сравнить с сюрпризами гофмановского Дроссельмайера. Толстый мышиный король опускает руки — «эмиграция не может быть повенчана с Россией», как Мари и принц. И знаете, почему?— слишком близкие они родственники и чересчур сварливы, неуживчивы.

Толстый, мышиный король, разражается страшной бранью. Это уже все успели заметить, но смысл досады уловили не все.

...Оказавшись за границей с миссией хорошего сводничества, Толстый обнаружил вскоре, что сводить приходится два холодных камня сцилло-харибдовой породы, две неумолимо-холодные скалы. Толстый еле уберегся сам от их прихлопываний и со временем научился правильно взирать на коварство родственных граней. Расположившись в дальней акватории в рубрике «Искусство», он наблюдал, как причаливают наивные к той или иной авторитетной громаде. Думал поплескаться в заводи чистого искусства, а оказалось в театре военных действий. Для культурной жизни нет нейтральных вод, догадался Толстый и, под прикрытием ненормативной лексики, занял с товарищами небольшой островок. Здесь основывается агрессивная артистическая колония виврастов, как плацдарм для позиционной войны.

Анализировать тактику их действий не берутся те, кто за дымовой завесой мата не различают главного,— так, в пылу битвы не замечен бывает гений-покровитель.

Нецензурные выражения, столь затрудняющие многим чтение благородной «Мулеты», хорошо оттеняют вкрадчивое лицемерие, сильный привкус эмигрантских изданий. К проблеме благородства «Мулеты» мы еще вернемся, а пока будет замечено, что матом на Руси традиционно «ругаются» почему-то одни крестьяне да аристократия, быть может, сливки купечества, но никак не среднее сословие: обыватели и интеллигенция стесняются.

Что бы ни говорили злопыхатели, объективная ценность альманаха «Мулета» (всего — 6 номеров) и листка-газеты «Вечерний звон» (26 выпусков) весома: здесь впервые публиковались всегда парадоксальные, крысино-умные статьи Лимонова, там же тонкие, стильные опусы лукавого Анри Волохонского, на этих страницах уместнее чем где бы то ни было смотрелись тексты группы «Мухомор», когда А. Зиновьев обменялся поклонами с «Мулетой» — это дорогого стоило. О многом говорит и то, что постоянные авторы «Мулеты» — К. Кузминский, Юрий Мамлеев, Дуда. К номерам альманаха подверстывались концептуальные мини-книги легендарного Вагрича Бахчаняна, Алексея Хвостенко, рядом с которым так хорошо, так свежо смотрятся эссе о Б. Поплавском, К. Леонтьеве. Тут же Б. Гройс, Тупицин, исторические материалы о русском масонстве или — редчайшая интонация, взятая в еврейском вопросе. Милославский, Мнацаканова, Очеретянский, Воробьев. Издательство «Вивризм» выпускает также сборники стихов, лимитированные издания для библиофилов.

С точки зрения культурной политики, надо заметить, это все сочетается не механически — «Мулета» не альманах, кое-как «собирающий» авторов, но — площадка некоей позиции, полигон для определенного вкуса. «Мулета» носит подзаголовок: семейный альбом. В семейном альбоме не «публикуются», в нем оставляют автографы — и не всякие, но лишь привечаемые. А как родные, тут привечаются любые сколь угодно неизвестные авторы, однако условие — проходящие по высокому цензу *артистической свободы*. Иногда кажется, что Толстый коллекционирует «независимые мнения», поощряет раздор. «Мулета» — журнал вздорный, похоже, он культивирует бретерство. Это так естественно — независимые люди вечно лезут на рожон, они неисправимы. Но полемика в непериодическом журнале — уже иного

статуса занятие, нежели полемика в газетах, дрязгами живущих. Здесь она — избранный предмет искусства.

К «Мулете» заставляет прислушаться уже одно то, что в ней участвуют сверхпрофессионалы,— в том смысле, что ни Хвостенко, ни Волохонскому нет дела до журнализма и журналистских денег (к тому же «Мулета» их не платит), а главное — нет дела до общественного мнения. Как Лимонову. Здесь печатаются те, кто чувствует в себе силы демонстрировать независимость от эмигрантского истеблишмента. («Мулета» у него на очень плохом счету.)

Так вот независимость. Независимость и значит прямое благородство. Не соблюдение хорошего тона, не манеры, а именно, независимость. Трудное, иной пробы, малораспространенное благородство (не та ее порочная разновидность, в которой любительски упражнялась русская интеллигенция, и не собственно идея-фикс «шестидесятников»). Есть артистическое благородство, которому сочувствуют разве залетейские жильцы (мне все кажется, что этим книжкам «Мулеты» радуются, как дети, только в Элизиуме — тени некогда несносных поэтов), и совсем не сочувствуют «сильные мира сего, торговцы идеологиями, монстры власти над искусством»,— перечислил однажды своих врагов Толстый, «работающий робингудом эмиграции».

Трудно вообразить себе гармоническое сочетание разом нескольких литературных единоличников. Такие не любят объединяться. «Мулета» модернизировала старинный предрассудок, согласно которому литература — сугубо индивидуальное, частное, негрупповое и чуть рискованное занятие, за которое получать деньги — порочно. Мулетцы списываются, обмениваются письмами, шлют Толстому в Париж статьи. Когда набирается довольно интересного, выходит альманах. В результате нечаянно получается живое явление, действующее на тело культуры так, как если бы на это расчлененное, безуспешно сочленяемое мертвой водой тело вдруг брызнули воды живой.

«Мулете» не пристала обычная слава «журнала»... Ведь это немного аттракцион. Посмотрите на ее оформление — дух захватывает от типографского балагурья, с которым производят мулетцы разрушение нормативных гарнитур, отказываясь от усредненной издательской практики, так что становится ощутимо авторское присутствие в каждом номере. Чувство, что читаешь чужие партикулярные письма, впору озираться — не застанут ли с «поличным»...

Так было в прежнее время. Теперь «Мулета» не та,— хотя она до сих пор по инерции хочет брать «неподцензурностью», непотребной лексикой. Но что-то изменилось в самом времени. По нашим временам, неуместнее всего (а неуместнее всегда было под покровительством Толстого) уже не контр-идеологии, не разминание старческих солей советского чопорного языка. Теперь есть нужда покровительствовать, например, никому не нужной эзоповой речи, или тонкому ранимому письму, строго застрахованному от профанов-последователей, т.е. отборные тексты из тех, которые, с одной стороны, не хотят опубликовать литературные альманахи — чересчур учено, а с другой — отвергают и научные общества — чересчур литературно. Есть такие бесприютные тексты.

Совсем недавно вышел первый номер московской «Мулеты». Теперь Толстый — Дудинский и москвичам не дадут покоя. Кажется, не хотят дразнить. Но, похоже, скорее подвергалась большему испытанию сама «Мулета». Московский сборник постепенно встает в позу быка. Бык скачет на нас с серьезным намерением: с евразийским проектом обустройства России в одном глазу, с пророчествами — в другом. Гоп-гоп — прискакали. Поздний Достоевский.

Раньше «Мулета» сама специализировалась на дразнении подобных полемических быков, нередко колола их красивыми, легкими ударами. Так неужели за давностью взаимоотношений со скотиной у «Мулеты» самой отросли контр-рога и отточились теоретически. Так коррида или единоборство быков? Куда исчез с арены хладнокровный изящный матадор?

Полемическими стычками сейчас никого не удивишь — тут пускают в ход и почище зверей, вон слоны карфагенские узкими лбами сошлись. Их мировоззрения последовательны, амбиции принципиальны, им идут узкие практичные лбы, и отнюдь не нужны никакие терзания, никакие полярные мнения. Встал в позу этих животных — и прощай, артистический дух, прощай, святая обязанность художника сомневаться, противоречить себе, прощай, державная свобода.

Вместо того, чтобы натачивать себе рога, не стоило бы заняться «Мулете» второй немаловажной составляющей любой грамотной корриды, именно — сценической пантомимой бандерильеро и тореадоров? Иными словами, заняться жестикуляцией, которая пристала *человеку* на арене. Просто азарт пропадает, как глянешь. Быки скучны, уведите их на мясобойню.

Не журналы влияют на ход дел в этом мире. И вдвойне будет досадно, если в эту сторону начнет порываться «Мулета», хороший семейный альбом, пока все еще ничей не «орган», слава Богу.

ГЛЕБ СМИРНОВ-ГРЕЧ

ВЕСНА В ДАГЕСТАНЕ

Фотографии
Владимира Семина

МИХАИЛ КАРАТЕЕВ

МАГОМЕТ И ИСЛАМ

Сегодня, когда свобода вероисповедания от чистого декларирования переходит к своему практическому востребованию, мы все чаще задумываемся об исторических духовных корнях того или иного вероучения. Россия была и остается многоконфессиональной страной. В ней всегда уживались православные и католики, иудеи и лютеране, буддисты и мусульмане.
И надо особо подчеркнуть — уживались всегда мирно. Случаев вражды на религиозной основе летописи России не зафиксировали. Да и не могли зафиксировать. Даже особенное положение православия как государственной религии не предполагало унификацию до моноконфессиональности сложного религиозного спектра России. Православный крест и мусульманский полумесяц возносились над многими русскими городами. В основе отношений между народами ризных вероучений лежала терпимость. Чему и учит практически каждая религия мира. Время терпимости прервалось на семьдесят с лишним лет. И вот вновь восстанавливается. Трудно, очень трудно идет этот процесс. Слишком много порушено, уничтожено, загажено. Но истинный свет ВЕРЫ пробивает себе дорогу, и многое начинается с уважения к своим и чужим традициям.

...В этом номере мы предлагаем читателю познакомиться с истоками ислама. А в будущем — и с другими вероучениями народов России.

Фото Александра Тамбулидиса

Основоположник ислама Магомет (правильнее — Мухаммед) родился в городе Мекке, по не вполне достоверным данным, 20 апреля 571 года христианской эры и принадлежал к знатному, но захиревшему роду племени корейшитов, которое к этому времени начало заметно возвышаться над другими арабскими племенами. Лет за полтораста до рождения Магомета оно овладело Меккой и с тех пор прочно держало в своих руках бразды правления, руководство религиозной жизнью и всю крупную торговлю города, которая была весьма значительной, ибо Мекка лежала на перекрестке многих караванных путей (1).

Отец пророка Абдаллах был мелким купцом и умер за несколько месяцев до рождения сына. Когда Магомету было шесть лет, умерла и его мать Эмина. Сироту взял к себе его дед Абд ал-Мутталиб, но он тоже прожил недолго, и в конце концов мальчик попал на воспитание к своему дяде Абу-Талибу. Это был человек добрый, но очень бедный, и Магомет с юных лет вынужден был зарабатывать себе на пропитание. Вначале он был пастухом, потом начал наниматься в сопровождение караванов.

На 24-м году жизни ему удалось поступить караванowожатым к богатой и знатной вдове Хадидже, которая имела крупное торговое дело. Вскоре он сделался ее главным приказчиком, а полтора года спустя женился на ней. Едва ли его побудили на это какие-либо корыстные соображения, тем более что брак был предложен самой Хадиджей, несмотря на протесты ее родни. Хотя она была старше его на пятнадцать лет, он ее искренне любил и до самой ее смерти не брал других жен. В супружестве они были очень счастливы и имели несколько детей, но из них выжили только две дочери — прославившаяся своей красотой Рокая и болезненная Фатима, от которой пошло потомство Магомета (2).

Брак с Хадиджей не только создал Магомету известное положение в Мекке, но и определил в значительной степени его дальнейший жизненный путь. Она имела на мужа большое влияние и в начале его проповеднической деятельности оказала ему неоценимую помощь — как материальную, так и моральную,— став его первой последовательницей и укрепив его веру в свое призвание. Сам он называл ее своим ангелом-хранителем.

По характеру Магомет был замкнут, задумчив, склонен к уединению и, видимо, обладал болезненно обостренной нервной системой, что доводило его иногда до припадков и галлюцинаций. В обращении с людьми был мягок, обаятелен и великодушен. Смолоду любил беседовать на религиозные и философские темы, причем, по отзывам современников, был очень красноречив и владел исключительным даром убеждения. Еще в то время, когда он водил караваны, ему не раз приходилось встречаться и подолгу беседовать с проповедниками христианства и иудаизма, что окончательно сосредоточило его мысли на религиозных вопросах. Позже, избавившись от забот о хлебе насущном, он целиком отдался размышлениям на эти темы, часто уединяясь для этого в одной из пещер, близ Мекки.

После нескольких лет таких размышлений, однажды он услышал в этой пещере голос, который вначале испугал его и был им приписан злому духу. Но в последующие дни голос стал настойчиво повторяться, и, как гласит предание, Магомет в конце концов понял, что к нему обращается архангел Гавриил, призывая его выступить с проповедью истины среди людей. Однако он еще боялся поверить в это — ему казалось, что он сходит с ума или одержим злым духом. Он поделился своими сомнениями с Хадиджей, но она сразу уверовала в подлинность явления и убедила мужа в том, что он должен исполнить волю божественного вестника.

Аравия того времени не имела определенной религии, точнее — в этом отношении в ней царил полный хаос. Весьма расплывчатый культ древних арабских богов перемешался тут с остатками вавилонского язычества и с тотемизмом; наряду с этим, существовали поклонение луне и солнцу, культ предков и культ мертвых, вера во всевозможных духов и т. п. Кроме того, каждое племя имело своих племенных богов, создавало собственных идолов и выдумывало те или иные предметы поклонения. Очень распространено было камнепоклонничество, некоторые камни, так называемые бейтэли, считались жилищами или вместилищами богов. Особо чтимой святыней был Эсвад — большой черный камень-метеорит, вделанный в стену Каабы, языческого храма города Мекки.

Храм этот, созданный с определенным коммерческим расчетом,— для привлечения возможно большего числа паломников,— был подлинным пантеоном богов и мог удовлетворить всем запросам: в нем было сосредоточено 360 идолов и изображений обожествляемых персонажей, среди которых находились древнеарабские Илат, Узза, Хубал, Вад и другие, ассиро-вавилонские Ассур, Син, Самас, Мардук и Астарта, а также еврейский патриарх Авраам и дева Мария с младенцем-Христом на руках. Это показывает, что влияние иудаизма и христианства тоже было сильно в Аравии, хотя ни одна из этих религий не получила широкого распространения,— пожалуй, потому, что христианство, легче всего воспринимавшееся неимущими классами, для арабской бедноты было слишком догматично, а для торговой знати явно невыгодно; иудейство же чересчур тесно переплеталось с национальными и бытовыми традициями еврейского народа, которые арабам были совершенно чужды.

Однако именно под влиянием этих двух религий, в Аравии начал выкристаллизовываться принцип единобожия. Постепенно один бог,— которому еще дают разные имена,— начинает считаться главным, а все остальные его детьми. В историческом аспекте этому способствовала и всеобщая усталость от племенной вражды, породившая стремление к единовластию,— оба процесса развиваются параллельно. К моменту появления Магомета на исторической сцене, в городе Ясрибе (будущая Медина) уже вполне оформилось определенное религиозное течение, так называемый ханифизм, который можно считать преддверием ислама. Ханифы решительно выступали против идолопоклонства, утверждая, что существует только один Бог и никаких иных нет. Догматически это положение у них еще не было оформлено, и первоначально ханифы даже затруднялись присвоить этому богу — «рахману» какое-либо определенное имя. Чаще всего для его обозначения служило древнесемитское «Эль», что означает «единый бог». Аллахом его впервые назвал, по-видимому, Магомет, ибо так называлось главное племенное божество корейшитов. По позднейшему арабскому толкованию, слово это произошло от «ал-илах», что означает — достойный поклонения (3).

Учение ханифов перекинулось и в Мекку, но тут оно попало на неблагодарную почву, ибо в этом городе доминировали жрецы Каабы и богатые купцы, все жизненное благополучие которых покоилось именно на прежних религиозных устоях, тогда как население Ясриба, где зародился ханифизм, было по преимуществу земледельческим, и многобожие ему явно вредило, стимулируя племенную рознь и вражду.

В первых своих проповедях, с которыми Магомет выступил в 610 году, он показывает себя чистейшим ханифом, хотя, по сравнению со своими ясрибскими единомышленниками, гораздо заметнее склоняется в сторону христианства и иудаизма, что ясно видно из первых по времени сур (т. е. глав) Корана.

Тут следует заметить, что Коран,— история и разбор которого требуют отдельного очерка *,— написан не самим Магометом. Это сборник его проповедей и поучений, которые частично записывались, а частично запоминались его первыми последователями и были собраны воедино лишь при следующих халифах — преемниках Пророка, которые, как полагают, и от себя внесли кое-какие добавления. Основная часть этой работы была поручена Зейду — приемному сыну Магомета, который весь собранный им материал разбил на 114 сур (4), написанных рифмованной прозой.

В первых, мекканских сурах Магомет решительно высказывается против многобожия и призывает к вере в единого Бога — Аллаха; говорит о бессмертии души и воскресении мертвых, о Страшном Суде и загробном возмездии, о необходимости установить справедливость в отношениях между людьми, о милосердии и смирении, о патриархальности и очищении нравов, т. е. фактически повторяет основные положения Ветхого Завета, а отчасти и Евангелия, но все это изложено в его сурах более аллегорично, хаотично и по-восточному витиевато.

Эти первые проповеди Магомета успеха не имели: его учение богатым мекканцам было явно невыгодно, так как многобожие и Кааба служили основою их благосостояния, привлекая широкие круги паломников и способствуя процветанию их торговли. Бедных оно тоже не увлекло, ибо обещало им возмездие только в загробной жизни, а в земной требовало лишь смирения и терпения, угрожая в противном случае муками ада, которые, кстати сказать, были Магометом описаны гораздо более подробно и красочно, чем райское блаженство.

Таким образом, первый период проповеднической деятельности Магомета собрал ему очень мало последователей. Первыми из них, после Хадиджы, были его двоюродный брат (а позже и зять) Али — сын Абу-Талиба, его приемный сын Зейд и, что особенно важно, богатый и очень влиятельный в Мекке купец Абу-Бекр, к которому вскоре примкнул и другой купец — Осман, в будущем зять Магомета, очевидно, уже тогда имевший намерение жениться на его дочери, красавице Рокае. Кроме них и нескольких родичей Хадиджы, среди обращенных насчитывалось десятка три-четыре людей совершенно незначительных, а остальное население Мекки отнеслось к поучениям Магомета с явным неодобрением. Многие его называли сумасшедшим, но пока не преследовали и первое время ограничивались только насмешками.

Однако четыре года спустя (начало так называемого второго мекканского периода) проповеди Магомета принимают несколько иной характер и вызывают со стороны мекканской знати более острую реакцию. Теперь уже он говорит о себе как о посланнике Божием и угрожает противникам загробными муками. Тут уже налицо переход от ханифизма к новому учению — исламу (5), зарождение которого, следовательно, нужно отнести к 614 году.

Одновременно Пророк решительно выступает против ростовщичества, нечестных приемов торговли и алчности купцов и богачей, призывая их к отказу от стяжательства и к пожертвованиям в пользу бедных, во

(1) Примечания см. на последних страницах очерка.

* Что мы и предполагаем сделать в ближайшем номере «Родины». — *Ред.*

искупление предосудительных способов наживы.

После таких выступлений мекканские верхи ополчились против Магомета уже всерьез и от насмешек перешли к гонениям. Самого Пророка боялись трогать, опасаясь кровной мести его многочисленной родни и приверженцев (7), но мелких его сторонников начали подвергать преследованиям и избиениям, что вынудило Магомета в 615 году отправить их в Абиссинию, где негус — христианин согласился дать им временное прибежище. Более влиятельные мусульмане, сам Магомет и его родичи остались в Мекке, но их продолжали всячески травить и подвергли полному бойкоту — было запрещено с ними родниться и вступать в какие-либо торговые сделки или сношения.

Чрезвычайно тяжелое положение Магомета в 619 году осложнилось еще двумя большими несчастьями: умерли его жена Хадиджа и дядя Абу-Талиб — глава рода, который, хотя и не был последователем Магомета, все же ему покровительствовал. Родоначальником после него стал, по старшинству, другой дядя, Абу-Лехеб, относившийся к Пророку явно враждебно и примкнувший к его гонителям. Но незадолго до этого случилось и весьма благоприятное для Магомета событие, сыгравшее крупную роль и во всей последующей истории ислама: в число его приверженцев перешел некий Омар Ибн-Хаттаб — мусульманский «Савл», бывший прежде самым ярым противником и хулителем Пророка. Это был человек не знатный, но чрезвычайно энергичный, решительный и умный, обладавший к тому же огромной физической силой, что, в связи с добротой и благородством характера, делало его очень популярным в народе (8). Одновременно с ним перешел в ислам дядя Магомета, Хамсе.

Только благодаря поддержке и покровительству Абу-Бекра, Хамсе и Омара, корейшитские старшины еще некоторое время терпели Магомета, и он оставался в Мекке. Но в 620 году положение обострилось настолько, что Пророк и его близкие вынуждены были покинуть родные места и отправиться в город Тайфу. Однако там их встретили градом камней.

Лишь заступничество Абу-Бекра, пользовавшегося среди корейшитов огромным влиянием, позволило Магомету возвратиться в Мекку, причем в виде уступки он вынужден был признать существование еще трех арабских богов как посредников между Аллахом и людьми. Впрочем, через несколько дней Магомет от этого публично отрекся, заявив, что, признавая этих ложных богов, поддался искушению дьявола.

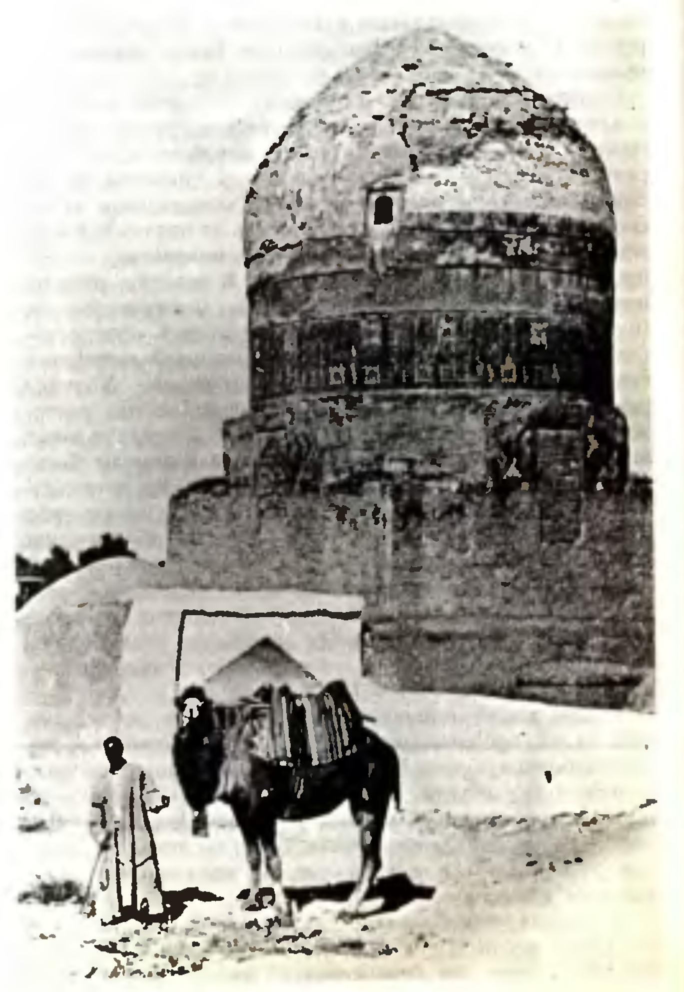
Обстановка в Мекке продолжала оставаться чрезвычайно напряженной, но немного времени спустя Магомет встретился тут с группой купцов из Ясриба, которые пришли на паломничество. В результате долгой беседы они,— уже подготовленные ханифизмом к восприятию ислама, а отчасти из давнишнего соперничества и вражды с мекканцами,— признали Пророка и обещали ему полную поддержку своих сограждан. Переговоры, в которых, по преданию, ведущую роль играл дядя Магомета Аббас (9), продолжались и закончились успешно. Было решено, что Магомет и все его последователи постепенно переселятся в Ясриб. В первую очередь выехали туда люди менее заметные, за ними последовали и остальные, но когда в городе оставались только Магомет, Абу-Бекр и Али, мекканцы всполошились и решили убить Пророка. Али спас ему жизнь и помог бежать. Это случилось 16 июля 622 года, и день этот становится началом мусульманской эры, так называемой хиджры (10).

В Ясрибе, который с этого дня получает название Медины (11), Магомета встретили торжественно, с большими почестями. Его провозгласили главою значительной арабской общины, примкнувшей к исламу и вскоре впитавшей в себя все население города, за исключением его иудейской части. С этого момента Магомет становится уже вождем не только религиозным, но и политическим, соединив духовную и светскую власть над своими последователями.

* * *

Этой властью Магомет умело воспользовался прежде всего для того, чтобы провести в Медине реформы, направленные к усилению мусульманской общины и к прекращению племенной розни. Легче всего это было сделать, противопоставив разъединяющему племенному началу — начало религиозное, неоспоримое и обязательное для всех.

Население Медины и ее округа состояло из нескольких арабских племен и нескольких еврейских; впрочем, так называть их можно только условно, ибо по крови и по языку это были те же арабы, под влиянием еврейских проповедников принявшие иудаизм еще задолго до рождения Магомета. Между всеми этими племенами шли нескончаемые распри и вражда. Теперь

к этому коренному населению прибавились еще мекканцы, пришедшие с Магометом и получившие здесь название мухаджиров, в отличие от местных арабских племен, примкнувших к исламу, которые стали называться ансарами.

Чтобы спаять все эти разрозненные элементы и превратить их в единый народ, способный вместе бороться за общее дело, Магомет вскоре после переселения в Медину объявил, что отныне все ее население, т. е. мухаджиры, ансары и иудеи, составляют единую мусульманскую общину, верховное руководство которой принадлежит только ему, как общепризнанному главе.

В первых своих мединских проповедях (зафиксированных в соответствующих сурах Корана) Магомет уделяет много внимания Ветхому Завету, принимая за истину почти все его основные положения, как, например, сотворение мира и первых людей, их грехопадение и его последствия, всемирный потоп, спасение «праведного» Лота, исход евреев из Египта и все чудеса Моисея, дарование ему Господних заповедей и многое другое. Моисея он называет великим пророком и посланником Аллаха, но особую честь воздает Аврааму: провозглашает его родоначальником арабов, основателем Каабы, первым ханифом и первым паломником в Мекку, т. е. основоположником хаджа (12). В шестнадцатой суре Корана о нем сказано: «Поистине Ибрахим был имамом, верным Аллаху ханифом и не был из числа многобожников». С уважением говорит он и о других еврейских патриархах и пророках — на страницах Корана многократно встречаются имена Адама, Ноя (Нух), Моисея (Муса), Аарона (Гарун), Иосифа (Юсуф), Иакова (Якуб), Исаака (Исхак), Илли (Илийас), Давида (Дауд), Соломона (Сулейман), Лота (Лут), Самуила (Самуд) и т. д. Кроме того, Магомет предписывает всем правоверным соблюдать еврейские посты, при молитве поворачиваться лицом в сторону Иерусалима и праздничным днем считать субботу.

Таким образом, мединским иудеям был построен солидный мост для перехода в ислам. Но они им не воспользовались, а, наоборот, принялись высмеивать Магомета за те ошибки, которые он допустил при толковании Ветхого Завета, всячески старались подорвать его авторитет и снова разжечь вражду между покорившимися ему арабскими племенами. В этом вопросе ими руководили не столько религиозные соображения, сколько чисто практические: в массе своей они принадлежали к зажиточным классам — в их руках находилась почти вся мединская торговля и лучшие земли в области,— иными словами, экономически они занимали господствующее положение и боялись потерять его, если укрепится власть Магомета, опирающаяся на арабов иных племен.

Убедившись в недоброжелательности иудеев, Магомет резко изменил свое отношение к ним и в следующих проповедях уже говорит о них как о своих врагах. В пятой суре Корана мы читаем:

«Прокляты те из сынов Израиля, которые не верили языкам Дауда и Исы, сына Марийам (т. е. Иисуса Христа, сына Марии.— *М. К.*). Они ослушались и были преступны. Они не удержались от того, что совершили. Скверно то, что они сделали,— разгневался на них Аллах, и в наказании они пребывают вечно... И каждому видно, что сильнее всех ненавидят правоверных иудеи и многобожники и что ближе всех по любви к правоверным те, которые говорят: «мы христиане». И это потому, что они не превозносятся».

Следует подчеркнуть, что о христианах Магомет почти всегда отзывается доброжелательно и с симпатией. Имя Иисуса на страницах Корана встречается десятки раз, пожалуй, чаще, чем какое-либо иное имя, конечно, за исключением Аллаха и, может быть, Моисея. Христа Магомет называет великим пророком и посланником Божиим, но не Сыном Его, и признание троичности Божества считает многобожием. Вот что говорит по этому поводу Коран:

«Мессия Иса, сын Марийам, только посланник Аллаха и слово Аллаха, которое Он бросил Марийам, и дух Его. Веруйте же в Аллаха и в его посланников, и не говорите, что Бога было три» (сура 4).

«Мессия, сын Марийам, только посланник Аллаха, а мать его праведница... Ложно веровали те, которые говорили: «ведь Аллах один из трех»,— тогда как нет никакого божества, кроме единого Бога» (сура 5).

«Господь наш,— да превознесено будет достоинство Его,— никогда не брал себе ни подруги, ни ребенка» (сура 72).

Перемену своего отношения к иудеям Магомет выразил в том, что уже на втором году хиджры повелел, молясь, оборачиваться лицом в сторону Мекки, а не Иерусалима, отменил соблюдение еврейских постов, введя вместо них мусульманский пост Рамазан, и праздничным днем объявил пятницу, а не субботу (13).

В это же время были установлены Магометом основные обряды и ритуал ислама, т. е. правила соблюдения поста, омовений, призыва к молитве в определенные часы и совершения самой молитвы, и пр. В первом же году хиджры в Медине была построена первая мечеть.

На Каабу, между прочим, Магомет не посягнул,— наоборот, объявил ее главной мусульманской святыней, и в этом, конечно, видно проявление большой политической мудрости: выступив против Каабы, он нажил бы в Аравии множество врагов и, что еще хуже, сплотил бы их вокруг мекканских корейшитов, которые, в глазах арабов, из личных врагов Магомета превратились бы в защитников общей святыни. Признав же эту святыню, он приобретал всеобщие симпатии и психологически подготовлял почву для овладения Меккой.

Впрочем, Магомет вел эту подготовку и более прямыми путями. Едва его авторитет, как вождя и посланника Аллаха, сделался в Медине непререкаемым, он — до сих пор только оборонявшийся от своих врагов — начинает готовить наступление. В своих проповедях он теперь говорит о необходимости священной войны против неверных, прежде всего имея в виду мекканцев, закрывающих правоверным доступ к Каабе и к исполнению хаджа.

Среди воинственных арабских племен такие проповеди имели гораздо больше успеха, чем призывы к смирению и милосердию. И не потребовалось много времени, чтобы обратить эти племена в фанатиков, по слову Пророка готовых идти против кого угодно, насаждая ислам силою оружия.

Но для овладения Меккой сил у Магомета было еще недостаточно, и он начал, выражаясь современным языком, с экономической ее блокады. Мекка была не только религиозным центром, но и крупнейшим торговым узлом Аравии,— нанося мелкие удары по ее караванным путям, можно было причинить ей значительный ущерб, захватывая в то же время богатую добычу. Мусульмане принялись грабить караваны противника и действовали в этом направлении столь успешно, что уже через полтора года торговля мекканцев, по их собственному признанию, сократилась вдвое.

В 624 году дело дошло и до настоящей битвы —

незначительной по масштабам, но весьма важной по своим политическим последствиям. Мединцы подготовили нападение на громадный караван, который лично вел из Сирии богатейший купец Абу-Суфьян, глава мекканских корейшитов. Но последний, узнав об этом, успел вызвать из Мекки вооруженный отряд численностью в шестьсот человек. Встреча произошла в долине Бедры, и хотя мусульман было вдвое меньше, победа осталась за ними. Практически она дала Магомету немного, так как, пока шла битва, караван успел спастись, но для торжества ислама ее значение было очень велико, ибо она воодушевила мусульман и всей Аравии показала, что они обратились в силу, с которой следует считаться.

Магомет, прежде проповедовавший кротость и умевший терпеливо сносить унижения, после этой победы тоже становится как бы другим человеком: в его распоряжениях и действиях появляются черты деспотизма, даже жестокости. Из числа захваченных в плен мекканцев он приказывает казнить всех, кто в прежние времена высмеивал и хулил его. В Медине такая же участь постигла нескольких иудеев, писавших против пророка памфлеты, а вскоре было изгнано оттуда целое иудейское племя бени-кейноке, имущество которого Магомет приказал поделить между мусульманами. В дальнейшем изгнанию подверглись и два других иудейских племени Медины — надир и курайза, причем расправа с последним носила особенно жестокий характер, ибо оно обещало свою помощь Мекке.

Мекканцы, между тем, готовились к реваншу. В следующем году Абу-Суфьян с трехтысячным войском, которое сопровождала толпа женщин, приблизился к Медине и стал лагерем возле горы Оход. Магомет лично вывел навстречу тысячу человек, которых успел собрать. Несмотря на неравенство сил, в первой фазе сражения мусульмане снова одержали победу и обратили противника в бегство. Но вместо того, чтобы преследовать и добить его, они, не слушая Магомета, бросились грабить лагерь мекканцев, что позволило тем оправиться и окружить их. Дело кончилось полным поражением мединцев — сам Магомет был тяжело ранен и едва спасся. Расправа победителей с захваченными в плен и с ранеными, оставшимися на поле битвы, отличалась невиданной свирепостью. Особенно неистовствовали мекканские женщины, которым подавала пример Хинда — жена Абу-Суфьяна. Увидев среди убитых тело Хамсе, дяди Магомета, она вырвала у него печень и в исступлении рвала ее зубами.

Штурмовать Медину мекканцы на этот раз не рискнули и отошли, не добив противника. Но поражение при Оходе сильно ослабило Магомета и вначале даже поколебало его авторитет среди правоверных арабов, но он вышел из положения, объяснив неудачу гневом Аллаха на колеблющихся и на лицемеров, которые приняли ислам только наружно, а в душе остались его врагами. Дисциплина в мусульманской общине восстановилась, но думать о прямых действиях против Мекки теперь не приходилось, и Магомет пока ограничился тем, что совершил в ближайшие месяцы несколько походов против окрестных бедуинских племен и привел их к повиновению.

Тем временем мекканцы, воодушевленные своей победой, собирались с силами, чтобы раз и навсегда покончить с очагом ислама. К ним присоединились все пострадавшие от Магомета иудейские и бедуинские племена, и в начале следующего года Абу-Суфьян во главе десятитысячного войска подступил к Медине. Она была плохо укреплена и не могла выдержать серьезного приступа. Чтобы выйти навстречу врагу и попытаться разбить его в поле, сил у Магомета тоже было недостаточно, а потому, по совету находившегося в его рядах перса Сулеймана ал-Фариси, он применил тут совершенно новую для арабов тактику: окружил город неглубокими рвами — окопами, в которых засели его лучники. Эти препятствия совершенно парализовали действия мекканской конницы, да и пешим, которых на выбор расстреливали из окопов, не давали приблизиться к городу.

Началась осада. Стояла зима, холодные ветры и затяжные дожди удручали осаждающих, вызывая в их лагере болезни и недовольство. Этим искусно воспользовался Магомет, который через подосланных людей сумел перессорить шейхов разноплеменного войска Абу-Суфьяна. Силы его быстро таяли, и вскоре ему пришлось снять осаду и отступить.

Таким образом, победа фактически осталась за Магометом, и это, с одной стороны, позволило ему снова перейти к решительным действиям, а с другой — отрезвляюще подействовало на мекканских корейшитов, которые поняли, что справиться с мусульманами вовсе не так легко и что лучше пойти на некоторые уступки и с ними поладить.

Это привело к тому, что в 628 году в долине Худейбии после долгих переговоров было заключено перемирие сроком на десять лет и составлен письменный договор, в силу которого мекканцы должны были на три дня в году открывать мусульманам свободный доступ в Мекку для совершения хаджа и не препятствовать никому переходить в ислам, а Магомет со своей стороны обязался свободно пропускать мекканские караваны.

Этот договор вызвал недовольство многих мусульман, а Омар даже в резкой форме упрекал Пророка, считая, что он проявил недопустимую уступчивость и не настоял на том, чтобы мекканцы официально признали его посланником Алаха. Однако, на деле, тут Магомет одержал крупнейшую дипломатическую победу, ибо Худейбийское соглашение — со стороны врагов ислама — по существу было полным его признанием как новой религии, которая имеет все права на существование, тогда как прежде мекканцы называли ислам нелепой ерестью, порожденной мозгом ненормального человека.

В следующем году две тысячи мусульман, во главе с Абу-Бекром, совершили паломничество в Мекку. К Каабе они проявили величайшее почтение и в точности исполнили все традиционные обряды поклонения этой общей святыне, что произвело благоприятное впечатление во всей Аравии, а в самой Мекке приобрело Пророку ряд влиятельных сторонников.

Вокруг Магомета частью добровольно, а частью как следствие постоянно предпринимаемых им мелких походов, начало объединяться все больше арабских племен, и вскоре сам главный противник Пророка — Абу-Суфьян понял, что лучше капитулировать с честью. При посредничестве дяди Магомета, Аббаса, он вступил с ним в тайные переговоры, и когда в 630 году десятитысячное войско мусульман подступило к Мекке, она сдалась почти без сопротивления. Магомет, со своей стороны, отнесся к побежденным милостиво. Из Каабы он приказал выкинуть всех идолов, но самый храм и черный камень Эсвад объявил величайшими святынями ислама; из числа жителей города, только четверо самых злостных хулителей Пророка были казнены, всем остальным была дарована пощада и неприкосновенность имущества, городским властям были сделаны богатые подарки. Абу-Суфьян торжественно принял ислам, его примеру последовало все население Мекки, и мир был скреплен женитьбой Магомета на дочери Абу-Суфьяна.

Вскоре мекканцы воочию убедились в том, что принятие ислама не принесло никакого материального ущерба ни им самим, ни Мекке, ибо она осталась первенствующим городом Аравии и единственным центром паломничества, так как все прочие языческие храмы и святыни были Магометом упразднены. И теперь мекканские корейшиты — бывшие враги пророка — сделались самыми деятельными его пособниками в распространении ислама.

Вскоре после Мекки покорился Магомету и второй по значению жизненный центр Аравии — город Тайфа, население которого тоже приняло ислам, а находившийся здесь храм языческой богини Латы был разрушен. Вслед за этим, действуя силою убеждения, а там, где это не помогало — силою оружия, Магомет обратил в ислам жителей городов Тебука, Айлы, Азруха, Джербы, Макны и иных, а также все кочевые бедуинские племена. В 631 году почти весь Аравийский полуостров был уже в его руках — за ничтожными исключениями, тут все признали его своим верховным вождем и посланником Аллаха. В конце того же года, собрав сорокатысячное войско, он двинулся на Сирию, но обстоятельства не благоприятствовали этому походу, и Магомет с полпути возвратился в Медину, отложив покорение Сирии до следующего года.

Однако осуществить это намерение ему уже не удалось: весною он заболел и почувствовал приближение смерти. В марте совершил торжественный хадж в Мекку и в произнесенной там проповеди объявил, что свою пророческую миссию считает полностью выполненной, а при возвращении в Медину раздал бедным значительную часть своего имущества. Болезнь его быстро развивалась (14), но от каких-либо лекарств он упорно отказывался.

Последние дни жизни он провел в полузабытьи и часто бредил, но 7 июня неожиданно пришел в себя и потребовал, чтобы ему принесли письменные принадлежности, ибо он желает написать нечто, что в будущем предохранит правоверных от каких-либо разногласий и заблуждений.

Некоторые из близких хотели исполнить его желание, но против этого решительно восстал Омар, заявивший, что Пророк просто бредит и что та проповедь истины, которую он оставит людям, ни в каких дополнениях не нуждается. Многие историки считают, что Омар действовал так из опасения, что Магомет назначит своим преемником Али. Так, вероятно, и было, но необходимо добавить, что Омаром в этом случае руководило отнюдь не честолюбие, а только политическая мудрость: считая Али лицом неподходящим для возглавления ислама, сам он, однако, не сделал ни малейшей попытки захватить верховную власть и именно по его настоянию она была вручена Абу-Бекру, что и спасло ислам.

Но в тот момент многие были не согласны с Омаром, и возле постели умирающего Пророка поднялся спор: дать ему письменные принадлежности или нет? Впрочем, Магомет, находившийся, очевидно, в полубессознательном состоянии, и сам на исполнении своей воли не настаивал. Он только пробормотал: «Уйдите все! Не подобает препираться в доме посланника Аллаха».

Утром 8 июня Магомет, к общему удивлению, встал с постели,— которую уже долгое время не покидал,—

и прошел в смежную с его домом мечеть. Тут он совершил последнюю молитву и трогательно простился с присутствовавшими, а несколько часов спустя тихо скончался, держа за руку свою любимую жену Аишу, дочь Абу-Бекра. Похоронили его там же, в Медине. Его мраморная гробница находится в мечети Эль-Гарам, которая позже была выстроена на месте дома Пророка и наравне с Каабой служит предметом поклонения паломников-мусульман.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Корейшитское наречие обратилось позже в литературный арабский язык, ибо на нем был написан Коран.
2. Мужем Фатимы был двоюродный брат Магомета Али, их потомки носят титул сейидов (точный перевод слова сейид — «начальник»).
3. В этом сочетании «ал» — частица речи в арабском языке, употребляемая (не всегда) перед именами существительными. Но автор считает возможным, что слово Аллах произошло от сочетания Эль-иллах, что в переводе означает «единый Бог, достойный поклонения».
4. Сура в переводе значит «откровение», Коран — «чтение».
5. Ислам (от корня «салама») означает «покорность Богу».
6. Приводя цитаты из Корана, автор тут дает не дословный, но вполне точный по смыслу и даже несколько концентрированный их перевод, ибо Коран, по-восточному витиеватый, не соблюдающий последовательности в изложении и местами аллегорический, сильно затруднил бы правильное понимание сказанного.
7. В Аравии строго соблюдался обычай кровной мести, позже значительно смягченный Магометом. За пролитую кровь родича обязан был мстить весь род,— независимо от своего собственного отношения к убитому.
8. Абу-Бекр, Омар, Осман и Али — ближайшие сподвижники Магомета, все с ним породнившиеся путем браков, после него последовательно были халифами, т. е. преемниками его духовной и светской власти.
9. От него идет царствовавшая позже династия халифов — Аббасидов.
10. В основу мусульманского календаря положен лунный месяц, таким образом мусульманское летосчисление за каждые тридцать три года на один год обгоняет наше.
11. Медина (по-арабски — «Мединат ал-Небийи») означает «город Пророка».
12. Хадж — паломничество в Мекку, которое обязан хотя бы раз в жизни совершить каждый мусульманин, иначе он не может рассчитывать на прощение грехов и доступ в рай.
13. Считать праздником не субботу, а пятницу, Магомет повелел еще до окончательного разрыва с иудеями.
14. Одни историки считают, что это была тропическая лихорадка, другие — что гнойный плеврит.

ПОД ПАРУСОМ «НАДЕЖДЫ»

Азовское, Черное, Мраморное, Эгейское, Ионическое, Адриатическое, Тирренское и Лигурийское — по этим морям пролег один из маршрутов миссии «Золотой век», созданной всего несколько лет назад на базе Петрозаводского клуба путешественников и исследователей «Полярный Одиссей».

Все началось с морских походов в Арктику. В 1989 году на построенном своими руками новоделе средневекового коча карельские энтузиасты смоделировали маршрут древних поморов, пройдя от Архангельска до Шпицбергена. Тогда же председатель клуба Виктор Дмитриев предложил «взять галс покруче» и сходить на юг, к земле обетованной...

За зиму на петрозаводской верфи были построены три древнерусские лодьи, которые с благословения Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II совершили переход от Онежского озера по рекам и каналам до Азовского моря и далее к берегам Израиля и Египта. А минувшим летом мореходы продолжили свое плавание по Средиземноморью и посетили католические храмы Европы, в первую очередь Италии. И вновь три деревянные лодьи с символичными именами «Вера», «Надежда», «Любовь» подняли паруса, выйдя из Мариуполя и благополучно завершив свой маршрут в Савоне.

В этом году путешественники из Карелии под флагами Творческой ассоциации международных программ и клуба «Полярный Одиссей» планируют первое кругосветное паломничество на лодьях «Вера», «Надежда», «Любовь», а также плавание из Европы в Америку вместе с многонациональной флотилией в честь 500-летия открытия Колумба Нового Света.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию отрывки из дневников корабельного священника последней экспедиции доцента С.Петербургской Духовной Академии ***архимандрита Августина.***

У СВЯТЫНЬ ИТАЛИИ

Почти целый месяц продолжалось паломническое путешествие древнерусских лодий «Вера», «Надежда», «Любовь» и яхты «Украина» вокруг берегов Турции и Греции. Наша парусная эскадра вышла из гавани г. Керкиры — столицы острова Корфу и начала огибать его с севера, чтобы выйти в Адриатическое море. Слева, на греческом берегу, вдоль золотистых пляжей громоздились многочисленные отели; к борту наших лодий подходили катера с туристами: они приветствовали нас. Справа виднелся мрачный и пустынный албанский берег, а посреди пролива стоял греческий крейсер, защищавший «западный образ жизни» от конвульсий режима, непредсказуемого в своих намерениях. Невидимая черта проходила вдоль пролива; ее не решались пересекать греческие яхты и боты.

Обогнув остров Корфу, паломники сразу же почувствовали, что беззащитные лодьи оказались действительно в открытом море. Адриатика всегда отличалась бурным характером; таким это море было и во времена апостола Павла, который следовал в Рим на корабле, вмещавшем «двести семьдесят шесть душ» (Деян. 27, 37). На наших лодьях было по 15—18 душ, и каждое из судов оказалось в трудном положении: «Скоро поднялся против него ветер бурный, называемый эвроклидон. Корабль схватило так, что он не мог противиться ветру, и мы носились, отдавшись волнам» (Деян. 27, 14-15).

Это был один из самых трудных морских переходов нашей парусной эскадры. Особенно тяжелое положение стало складываться к вечеру, поскольку ветер усилился. Так отдавались на волю стихии и наши предшественники, которые стремились посетить святые места, несмотря на подстерегавшие их опасности. «Ветер дул постоянно с севера, и мы совершенно потеряли из виду берега, — писал один из них, Н. С. Всеволожский, в 1836 году. — К вечеру погода разыгралась: корабль наш метало порывами, и килевая качка стала несносна. Всю эту ночь никто не спал на корабле, которым управлять было очень трудно. Спустили все паруса и всячески старались удержаться посреди не моря».

Наши капитаны потеряли всякие ориентиры, поскольку сильный ветер сносил лодьи с курса следования. Волны швыряли парусные скорлупки, но, как и в век апостольский, у нас появилась надежда на благополучный исход. Через двое суток, «как мы носимы были в Адриатическом море, около полуночи, корабельщики стали догадываться, что приближаются к какой-нибудь земле» (Деян. 27, 27).

На рассвете выяснилось, что действительно мы находимся недалеко от берега; дальнейшие действия нашего экипажа основывались на интуиции, которая издавна выручала моряков: «Когда настал день, земли не узнавали, а усмотрели только некоторый залив, имеющий отлогий берег, к которому и решились, если можно, пристать с кораблем. И, поднявши якори, пошли по морю и, развязавши рули и поднявши малый парус по ветру, держали к берегу» (Деян. 27, 39—40).

В отличие от древних корабельщиков, у нас на борту были морские лоции и, сориентировавшись по карте, капитаны лодий выяснили, что прямо по курсу находится полуостров Салентина — «каблук» итальянского «сапога».

Город Бари являлся одной из основных целей нашего паломничества. Ведь там находятся мощи святителя Николая — покровителя мореплавателей. Но морская стихия диктовала нам свои условия; небольшой парусной флотилии было бы трудно достичь гавани Бари, поскольку в это время года здесь дуют ветры с севера. Поэтому, обогнув полуостров Салентина, паломническая эскадра направилась к близлежащему городу Галлиполи, откуда можно было добраться до Бари по железной дороге. В гавань Галлиполи паломнические суда вошли в «уполовиненном» составе: неверная «Вера» в связке с самостийной «Украиной» пропали во время шторма. (Их следы впоследствии обнаружились в гавани города Таранто.) Портовые власти Галлиполи не на шутку встревожились, обнаружив в гавани парусные суда с паломническим табором. Здесь, как и на греческих островах, в те дни болезненным был «албанский вопрос», но, узнав, что городок Галлиполи удостоился визита российских пилигримов, чиновники заметно смягчились и не препятствовали нам сойти на берег. Достопримечательности Галлиполи все на виду: кафедральный собор, в котором можно послушать органную музыку, старинная крепость с устроенными внутри вернисажами, базарчики, где на лотках выставлены дары моря: креветки, осьминоги, множество разных рыб — «дивных и зело преудных».

Скоро мы были уже в поезде. За окном вагона мелькали деревушки, виноградники, сады, кошары для овец. На нашем пути встретился лишь один город —

Бриндизи — крупный морской порт с современными причалами для паромов, курсирующих по Адриатическому морю. Мало что изменилось в этих землях с XVIII века, когда здесь побывал киевский пешеходец: «Тамо градов знаменитих несть, токмо посредние, и тих мало, и не тако лепотни строением, якоже в Италии; един токмо град издалече видеком».

Наконец наша «железная колесница» закончила свой бег по чугунке и остановилась у перрона, где мы прочли надпись: «Бари». Так на исходе XX столетия русские паломники прибыли в Бар-град, куда устремлены сердца многих христиан. «Днесь город Барский радуется, и с ним вся вселенная ликовствует...» — вспомнились слова церковного песнопения, посвященного празднику перенесения мощей св.Николая в Бар-град в 1087 году.

Грек по национальности, живший в IV веке в пределах Ликии (на юге нынешней Турции), этот заступник прославлен не только в эллинском мире, но далеко за его пределами. Особенно почитаем св.Николай на Руси: ведь нет дома, где бы не висела икона св. Николая. Сколько храмов посвящено этому дивному угоднику Божьему! Сколько молитв возносилось, да и сейчас возносится к этому заступнику рода христианского, и сколько чудесной помощи, исцелений и исполнения молитвенных просьб являет он постоянно по всей земле!

Многими чудесами прославился великий угодник Божий; среди них — помощь, которую он оказывал «плавающим и путешествующим», за что его имя с благоговением поминается моряками. Однажды корабль, плывший из Египта в Ликию, был застигнут сильнейшей бурей. Сорвало на нем паруса, сломало мачты, волны готовы были поглотить корабль, обреченный на неминуемую гибель. Никакие силы человеческие не могли ее предотвратить. Одна надежда — просить помощи у святителя Николая, которого, правда, ни один из этих моряков никогда не видел, но все они знали о его чудесном заступничестве. Погибающие корабельщики стали горячо молиться — и вот святитель Николай появился на корме у руля, стал управлять кораблем и благополучно привел его в гавань.

До глубокой старости сподобил Господь дожить Своего великого угодника. Но наступило время его кончины; после непродолжительной болезни он мирно почил в 342 году и был погребен в соборной церкви города Миры (ныне — Демре, Турция). А в 1087 году святитель Николай явился во сне одному апулийскому священнику города Бари (в южной Италии) и повелел перенести его мощи в этот город.

Пресвитеры и знатные горожане снарядили для этой цели три корабля и под видом торговцев отправились в путь. Эта предосторожность была нужна для того, чтобы усыпить бдительность венецианцев, которые, проведав о приготовлениях жителей города Бари, имели намерение их опередить и привезти мощи святителя в свой город. Баряне кружным путем, через Египет и Палестину, заходя в порты и ведя торговлю как простые купцы, прибыли наконец в Ликийскую землю.

Чудесно сохранившаяся гробница белого мрамора была вскрыта. Она оказалась наполненной до краев благоуханным миром, в котором и были погружены мощи святителя. Не имея возможности взять большую и тяжелую гробницу, баряне переложили мощи в заготовленный ковчег и отправились в обратный путь. Путешествие длилось 20 дней, и 9 мая 1087 г. они прибыли в Бари. Великой святыне была устроена торжественная встреча при участии многочисленного духовенства и всего населения.

...Выйдя на привокзальную площадь, мы проследовали по одной из центральных улиц к Читта Веккия (Старому городу), где находится базилика св.Николая. Через полчаса паломники могли лицезреть старинные крепостные стены того самого Бар-града, в котором у мощей угодника Божия неоднократно бывали богомольцы из России.

В 1698 году у гробницы святителя Николая молились члены российского посольства во главе с Борисом Петровичем Шереметевым. «Сей град Бар стоит на самом берегу моря, невелик, только крепостью очень крепок, и состоит под владением гишпанского короля», — отметил в путевом дневнике один из членов посольства по прибытии в Бари.

Русские паломники посещали Бари не так часто, как Иерусалим и Афон, но поток богомольцев к мощам св.Николая никогда не иссякал. В те годы, когда над Россией ставился большевистский эксперимент и границы были закрыты на замок, в Бари по-прежнему притекали ручейки паломников из русского зарубежья. Вот что писала одна из православных паломниц, посетившая базилику св. Николая в начале 1970-х годов: «В Бари как-то чувствуется благодать особая от присутствия такого угодника и чудотворца. Там и народ приятней, любезней и более верующий, чем в других городах той же Италии».

Так было в начале семидесятых, но сегодня обстановка в Бари иная.

Сбившись в «каре», разве что не сцепившись руками, мы настороженно шагнули на узенькую улочку, ведущую к центру Старого города, и тут же были «взяты в работу». Около десятка рокеров, сидевших за рулем мотоциклов, как хищные рыбы начали кружить вокруг ощетинившейся стайки пилигримов. Перед нами словно ожили кинокадры картин итальянских неореалистов; там по сюжету неимущие безработные обычно вырывают сумки у зазевавшихся прохожих и быстро исчезают на своих мопедах. Но за десятилетия «рейтинг бедности» обеих сторон несколько вырос: рокеры гонялись за нами на японских «хондах» и «сузуки», а главным объектом их охоты была видеокамера «Сони», числящаяся на балансе Петрозаводского клуба «Полярный Одиссей».

Плотными рядами следовали мы под мотоциклетный треск, водители почти не скрывали своих намерений поживиться, как, впрочем, и их потенциальные жертвы — обороняться до конца. Выйдя наконец к соборной площади, мы почувствовали, как сразу воцарилась тишина, как будто невидимая сила оградила паломников. С благоговением вошли мы под древние своды собора св.Николая. Кто-то играл на органе. Откуда-то сверху доносилась музыка; казалось, органист, играя, вкладывает свою молитву в эти звуки.

Затем мы прошли к решетке, отгораживающей престол,— там находятся мощи святителя Николая. Все сознавали, все чувствовали, что это были особые минуты. Здесь молились сотни, тысячи паломников, притекавших из России. С самого начала, как только это стало возможным, они, по дороге к святым местам в Палестину, часто заезжали не только на Афонскую гору, но и в Бари, чтобы поклониться мощам столь чтимого Николая Угодника.

Выйдя из базилики на площадь, мы направились к небольшому церковному магазинчику, расположенному поблизости. Здесь был представлен богатый выбор памятных изображений св. Николая, запечатленных на иконах, ладанках, открытках, буклетах. Католический монах, присматривавший за прилавками, любезно встретил паломников из России. В придачу к выбранным сувенирам, он раздал каждому из нас по небольшому пластмассовому флакончику с бесцветной жидкостью; на плоской бутылочке была выдавлена итальянская надпись: «Базилика св. Николая, Бари, Св. Манна».

Обычай раздавать «манну», т.е. благовонную жидкость, источающуюся от мощей св. Николая, восходит к давним временам, и о нем было издавна известно на Руси. В начале XVII в. между Россией и Тосканским герцогством велись переговоры об установлении торговых связей, и в июне 1602 года царь Борис направил с московским посольством грамоту — разрешение на торговлю, а также «мягкую рухлядь» (соболей). 12 мая 1603 года в качестве ответного дара тосканский герцог Фердинанд I послал русскому царю святую воду, «которая чудодейственно исходит из тела св.Николая» и является чудодейственным средством от всякой болезни.

...Ночевали мы в небольшой церковной гостинице стоявшего неподалеку русского храма.

Собравшись накануне отъезда в кабинетике настоятеля храма о. Марка, мы рассматривали висевший здесь портрет государя императора Николая II в то время, пока настоятель говорил по телефону; при этом лицо его все время мрачнело. Закончив разговор, ведшийся по-итальянски, он обратился к нам и упавшим голосом произнес: «У вас в стране переворот. Горбачев пал». Не успели мы опомниться, как он добавил, что в данную минуту к нам едут в гостиницу при храме работники местного телевидения.

Как-то непроизвольно в разговоре возникло слово «хунта», и когда немного спустя местные телевизионщики начали манипулировать объективом и поднесли микрофон к устам ошалевших паломников, те знали, в каком ключе они будут оценивать события. Невольно подумалось, что не случайно в этот день мы находимся у мощей заступника и покровителя Руси и собираемся далее следовать к месту явления Архангела Михаила, поразившего сатану — врага рода человеческого...

Фотографии Юрия Масляева

СЕМЕН ЭКШТУТ,
кандидат философских наук

«...самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества,— все в нем было необыкновенно привлекательно».
А.С.ПУШКИН

ПРОДЕЛКИ В СТАРИННОМ ДУХЕ

История человечества наглядно показывает, что политики и государственные мужи нередко оказываются людьми морально сомнительными. Легче всего подвергнуть их громогласному бичеванию, а то и вовсе вычеркнуть из памяти потомков, оставив там лишь кристально чистых патриотов и полководцев. Гораздо труднее проникнуть в психологию «темных личностей», высветить мотивы их поступков, разобраться в истинном значении их деятельности.

Перед вами типичный представитель неистребимого племени плутов и авантюристов —адмирал де Рибас. Все в нем было ярко и привлекательно, лишено односторонности и ограниченности, даже его политический авантюризм способен вызвать невольное восхищение. Цельность его натуры компенсирует отсутствие твердых нравственных принципов и убеждений: де Рибас никогда не знал внутренних противоречий и сомнений; высокое и низкое, храбрость и корыстолюбие, предприимчивость и аморализм органично сочетались, не противореча друг другу. Уже в следующем, девятнадцатом столетии подобные характеры станут большой редкостью.

Жизнь этого человека напоминает замысловатый плутовской роман. Действие завязывается в Неаполе, где 6 июня 1749 года родился мальчик по имени Хосе де Рибас. Его отец — испанец из Барселоны, дворянин — более 19 лет состоял на неаполитанской службе, был директором Министерства государственного управления и военных сил Королевства обеих Сицилий. Мать происходила из знатной ирландской фамилии лордов Дункан и Фингальд (один из ее дальних предков — персонаж трагедии Шекспира «Макбет»). Родители сумели дать Хосе приличное образование: он знал основные европейские языки и, как сказано в его формуляре, «имел познания в математике». В 16 лет юноша стал подпоручиком неаполитанской армии. Но военная карьера в условиях захолустья «обеих Сицилий» не особенно прельщала де Рибаса. Все решило случайное знакомство с графом Алексеем Орловым. Родной брат фаворита императрицы Екатерины был в то время начальником российских войск и флота на Средиземном море. По его предложению двадцатитрехлетний де Рибас поступил на русскую службу. В частности, де Рибас помог заманить и похитить небезызвестную княжну Тараканову, выдававшую себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и графа Алексея Разумовского.

В 1775 году русский флот вернулся на родину. Самозванка была заключена в Петропавловскую крепость, где через несколько месяцев скончалась от скоротечной чахотки. Де Рибас по протекции того же Орлова получил назначение в Сухопутный шляхетский кадетский корпус. Там «пылкий чужеземец» мог рассчитывать только на свои силы: стремительное восхождение Потемкина разом перечеркнуло все былое величие Орловых.

Де Рибас, между тем, освоился и получил чин подполковника. В мае 1776 года он женится на тридцатипятилетней воспитаннице (или внебрачной дочери) начальника Кадетского корпуса И. Бецкого — Анастасии Ивановне Соколовой, сопровождавшей Екатерину II во всех поездках и путешествиях. Бракосочетание состоялось в церкви Царскосельского дворца в присутствии самой императрицы, она же впоследствии крестила двух дочерей де Рибаса. Ловкий карьерист не просчитался: после смерти Бецкого Анастасия Ивановна получила по завещанию свыше 300 тысяч рублей и два каменных дома на Дворцовой набережной.

Отметим, что свадьба де Рибаса не противоречила нравственным принципам второй половины XVIII века: в это время браки по расчету были явлением заурядным, никого не удивляли и почти никем не осуждались. Князь М. М. Щербатов дал удивительно точную характеристику этому времени: *«...мы подлинно в людскости и в некоторых других вещах, можно сказать, удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей. Но тогда же с гораздо вящей скоростью бежали к повреждению наших нравов...»* Жизнь де Рибаса убеждает в справедливости этих горьких слов.

Очередную русско-турецкую войну (1787—1791) де Рибас встретил дежурным бригадиром (промежуточный чин между полковником и генерал-майором) при командующем Екатеринославской армией князе Потемкине. Фаворит благоволил к нему, хотя не слишком жаловал иностранцев на русской службе и при малейшей возможности старался заменить их русскими. Впоследствии Суворов обронит меткую фразу, объяснявшую взаимоотношения де Рибаса с Потемкиным: *«Он играл князем Потемкиным, сей им играл больше».*

Суворов хорошо изучил де Рибаса и знал, что говорил, ибо несколько лет поддерживал с ним откровенную переписку. Полководец советовал ему обуздывать свое непомерное самолюбие: *«В остальном не будет недостатка: ни в уме, ни в отваге, ни в бдительности, ни в предусмотрительности. Вот и все. Мудростью побеждайте гордыню и скупость. Вы навсегда пребудете прекрасным трубадуром, любимцем граций».* Де Рибас очень скоро доказал, что он вполне достоин этой лестной характеристики. Летом 1788 года русская гребная флотилия на водах Днепровско-Бугского лимана отразила наступление османского флота, пытавшегося сорвать осаду Очакова. Турки потеряли в бою два корабля. Де Рибас, недавно перенесший приступ лихорадки, прибыл в самый разгар сражения и показал, что он относится к тем, кто, по словам Суворова, предпочитает *«честь здоровью, и славу — жизни».* Де Рибас активно участвовал в осаде и штурме Очакова, проявив не только храбрость, но и исключительную предприимчивость.

Русский флот на Черном море по численности уступал турецкому, строительство же новых кораблей было сопряжено с огромными трудностями и стоило очень дорого. Де Рибас разработал и успешно реализовал проект подъема затопленных легких турецких судов. Они были переоборудованы в гребные и канонерские корабли, очень полезные на мелких водах лимана, и значительно усилили боевую мощь Черноморской гребной флотилии. В награду Потемкин назначил де Рибаса командиром авангарда. Осенью 1789 года он штурмом овладел замком Гаджибей и двумя турецкими судами. Суворов поздравил с победой *«храброго генерала и доблестного героя, который в виду целого неприятельского флота под огнем 37 судов берет штурмом хорошо защищенную крепость».* Екатерина щедро наградила генерал-майора де Рибаса. Он получил сразу два высоких ордена: св. Георгия 3-й степени и св. Владимира 2-й.

С этими орденами де Рибас изображен на миниатюре работы неизвестного художника, которая хранится в коллекции Исторического музея.

Во время войны де Рибас, по словам М. И. Богдановича, *«выказывал себя отважным кавалеристом, непоколебимым и смелым моряком, составителем сложных военных соображений, которые с решительностью приводил в исполнение».* Авангард под его командованием овладел всей Очаковской областью от Буга до Аккермана. Впоследствии он отличился при взятии Тульчи и Исакчи, одержал решительную победу над турецким флотом под стенами Измаила. *«Флотилия под Измаилом истребила уже почти всех их (турок.— С.Э.) суда, и сторона города к воде очищена...»* — сообщал светлейший князь Потемкин Суворову, назначая его командующим войсками под Измаилом. Именно де Рибас составил план штурма Измаила комбинированными действиями сухопутных войск и речной флотилии. План был одобрен Суворовым и успешно реализован, причем де Рибас командовал флотилией и лично руководил десантом с кораблей при штурме крепости.

О незаурядной роли де Рибаса в штурме Измаила написал Байрон в романе в стихах «Дон-Жуан» (гл. VII, строфы 35, 38). Об этом же был осведомлен Пушкин, посетивший эти места в 1831 году. По воспоминаниям И. П. Липранди, поэт *«...обошел всю береговую часть крепости и, как теперь помню, что он удивлялся, каким образом де Рибас, во время суворовского штурма, мог со стороны Дуная взобраться на эту каменную стену и пр. Подробности штурма ему были хорошо известны».*

Суворов был восхищен храбростью и распорядительностью де Рибаса, называл его *«дунайским Героем»* и собирался, взяв с собой де Рибаса и армию в 40 тысяч человек, овладеть Константинополем.

«Ныне у вас Осип Михайлович, с ним будьте весьма откровенным: он мудрый и мой верный друг»,— так Суворов аттестовал де Рибаса в одном из писем. Получив чин фельдмаршала, он написал «сердечному другу»: *«Пусть мое новое звание Вас не стесняет. Останемся на прежней ноге. Будьте все тем же, каковым Вы с Кинбурна до Измаила и с Измаила не переменяйтесь до Стикса»* (т.е. до гроба).

В 1793 году по предложению де Рибаса на месте бывшего укрепленного турецкого замка Гаджибей началось строительство торгового и военного порта — будущей Одессы. В мае следующего года инициатива была одобрена Екатериной II. В рескрипте на имя де Рибаса сказано: *«Устроение гавани сей Мы возлагаем на Вас и всемилостивейше повелеваем вам быть Главным Начальником оной, где и гребной флот Черноморский, в вашей команде состоящий, впредь главное расположение иметь будет...»* Де Рибасу пришлось проявить всю свою предприимчивость. На строительные работы и заселение города было отпущено почти два миллиона рублей. Формально де Рибас не был сделан распорядителем этой астрономической для того времени суммы: надзор Екатерина возложила на Суворова, руководившего возведением всех укреплений на юге России. Однако со второй половины 1794 года Суворов находился в Польше, на юг он вернулся только весной 1796 года. Почти два года действия де Рибаса никто не контролировал, и он не устоял перед колоссальным искушением. Одессу строили в ужасных условиях: не хватало воды, свирепствовали тяжелые болезни, смертность среди солдат достигла четверти штатного состава.

«Я в горести о умерших... Сердце мое окровавлено больше о Осипе Михайловиче»,— написал потрясенный Суворов, узнав о проделках де Рибаса. По словам В. С. Лопатина, *«Рибас, участвуя в подрядах, наживался на поставках провианта для войск. Он не только скрыл от Суворова тяжелое состояние вверенных ему частей, но и посылал в Одессу деньги, чтобы подкупленные им должностные лица показали умерших живыми, а затем по прошествии некоторого времени снова внесли их в списки умерших. Ответственность за эту убыль личного состава должен был нести Суворов».* Почти за полвека до появления гоголевского Чичикова вице-адмирал де Рибас практически осуществил широкомасштабную спекуляцию «мертвыми душами». Более того, еще в 1795 году он добился, чтобы верховный надзор за сооружением порта и заселением города был возложен на князя Платона Зубова — молодого фаворита императрицы, с которым у него установились отменные отношения. Узнав подробности этой хитроумной интриги, Суворов навсегда порвал дружбу с де Рибасом и прекратил с ним переписку: *«Осип Михайлович Рибас не один раз меня предавал, я был на то и останусь всегда холоден».*

Смерть Екатерины и воцарение Павла I, узнавшего о злоупотреблениях де Рибаса, казалось, должны были положить конец его карьере. Основатель Одессы угодил в опалу, есть сведения, что Павел I даже собирался сослать его в Сибирь. Но храбрый моряк не затерялся в мутном водовороте придворных интриг, сумел оправдаться и даже получил в 1799 году чин адмирала. Через год де Рибас стал деятельным участником заговора против императора. Но современники так и не смогли решить, кого бы он предал: Павла I заговорщикам или же заговорщиков — ему. Существует легенда, что, осыпанный павловскими милостями, де Рибас будто бы собирался открыть заговор, но был отравлен бывшими сообщниками. Так или иначе, 2 декабря 1800 года он скоропостижно скончался на пятидесятом году жизни.

Всю свою жизнь де Рибас был поразительно удачлив. Ему не довелось испытать горькую участь человека, пережившего свое время. Адмирал Осип Михайлович де Рибас был человеком своего века и умер вместе с ним: через 29 дней после его смерти наступил XIX век.

СЕРГЕЙ ЛЕВИН

АННА НА ШЕЕ

Знаки (кресты) ордена св. Анны. XIX - начало XX вв

Звезды ордена св. Анны. XIX - начало XX вв

Мрачноватое слово «орда» и нейтральное — «орден» странным образом перекликаются, и разгадка этого звукового сближения кроется в общем «первоисточнике» — латинском «ordo» со значением «отряд», «организация».

В обаятельную эпоху раннего средневековья в Европе возникают и монашеские ордена-братства, и ордена военных рыцарей. Позднее, уже во времена знаменитых крестовых походов в экзотические земли Палестины, появляются духовно-рыцарские ордена. Постепенно складываются степени-звания: рыцарь (кавалер), командор (комтур), магистр, гроссмейстер.

Принадлежность к каждому ордену предполагала и ношение особой одежды, а поверх нее нашивались характерные символы: например, меченосцы узнавали друг друга по скрещенным мечам. Кстати, многие историки видели в печально известной опричнине Ивана Грозного не что иное, как типичный образец орденской организации, возникшей в 1565 году на русской почве. Черный кафтан и шапка — в качестве своеобразной формы — и «орденские знаки»: метелка, подвешенная к колчану, собачья голова под шеей лошади.

Приблизительно с XV века старые и едва возникшие орденские организации приобретают светский характер и служат опорой той или иной династии. Причем знаки каждого ордена свидетельствуют уже не только о принадлежности к почетной корпорации, но и о *ранге*.

Старинные же орденские организации превращаются в учреждения, осуществляющие учет награжденных. Новые ордена больше не обязывают награжденного считать себя членом той или иной организации.

Сами орденские знаки, чаще всего кресты, превращаются из матерчатых нашивок на одежде в подвесные знаки (в некоторых странах кресты заменялись другими изображениями: например, английский орден Подвязки, датский орден Слона и др.) При этом ордена получают регламентированные приспособления для ношения. Первоначально орденский знак носится на цепи, причем в некоторых случаях количество ее звеньев соответствовало уставному числу членов ордена. Появляются и орденские ленты цветов геральдической символики. Высшие ордена, как правило, принимали одноцветные ленты, оставляя второстепенным более или менее пестрые. Ширина и длина орденской ленты приводилась в соответствие со степенью ордена. Знак высшей степени на широкой (10—12 см) чрезплечной ленте — у бедра. Знаки следующей степени — на более узкой ленте, повязанной вокруг шеи. Знаки низших степеней — на узенькой ленточке на груди или в петлице мундира, гражданского платья.

Звезды — разновидность орденского знака — в течение довольно долгого времени (до начала XIX века) изготовлялись шитыми из блесток и нитей, но постепенно, уменьшаясь в размере, и они стали металлическими знаками. Звезды предназначались только для высших степеней орденов и, согласно статуту, помещались на груди: на правой или левой стороне. Кроме того, ордену всегда сопутствовал девиз, который помещался обычно на звезде.

В России ордена, как знаки отличия, введены Петром I в эпоху преобразований, коснувшихся всех сторон государственной жизни.

Еще во времена Киевской Руси был известен обычай — награждать гривной, шейным браслетом. Позже военные и другие заслуги отмечались повышением в чинах или деньгами, оружием, поместьями, жалованными кубками, ковшами, шубами, парчовыми и атласными кафтанами. Особый вид награждения — жалованные монеты — «золотые», отчеканенные из золота или только позолоченные, в зависимости от степени именитости награждаемого. «Государеву жалованную деньгу» обычно получали все участники военного похода, а иногда даже и семьи погибших воинов. Ратники пришивали такие монеты к рукаву или к шапке.

Петр I продолжил эти традиции массовыми наградными воинскими медалями размера и вида рублевика, а в качестве высших степеней наград учредил ордена. Для особо приближенных лиц он ввел, по примеру Западной Европы, обычай вручения наградного портрета — миниатюры, выполненной из золота и усыпанной алмазами.

Система награждения орденами, пожалуй, ни в одной стране не была так тесно связана с рангами (классами — по «Табели о рангах», введенной Петром I в 1722 году), как в России. Даже возможность получить награду строго определялась чином. Более «высокие» ордена давались тем, кто был удостоен высоких чинов. Например, генерал-от-инфантерии М. Б. Барклай-де-Толли после Бородинского сражения написал собственноручное представление, в котором просил Кутузова представить генерал-майора Ермолова А. П. к ордену св. Георгия 2-го класса; но так как этот орден был пожалован самому Барклаю, то Ермолов (как младший по званию) был награжден знаками св. Анны 1-й степени.

К середине XIX века сложилось следующее старшинство императорских и царских орденов: св. Андрея Первозванного (с бриллиантами и без них) — св. Екатерины (1 и 2 степени) — св. Владимира 1 степени — св. Александра Невского (с бриллиантами и без них) — Белого орла — св. Владимира 2 степени — св. Анны 1 степени — св. Станислава 1 степени — св. Владимира 3 степени — св. Владимира 4 степени — св. Анны 2 степени — св. Станислава 2 степени — св. Анны 3 степени — св. Станислава 3 степени — св. Анны 4 степени.

Орден св. Георгия существовал на особых правах, его девиз: «За службу и храбрость». Соотношение между классом чина («Табель о рангах») и старшинством ордена видно из представленной таблицы.

По 92 параграфу Жалованной грамоты дворянству, установ-

ленной Екатериной II в 1785 году, в числе 15 неоспоримых доказательств дворянского состояния стояло наличие ордена. Дворянское звание, помимо перехода на более высокую социальную ступень, освобождало от прямых налогов, рекрутской повинности, телесных наказаний и давало право владения населенными имениями.

До 30 октября 1826 года все ордена во всех случаях давали право на потомственное дворянство. Затем, когда права купечества ограничили, награждение орденами предоставляло им право не дворянства, но потомственного почетного гражданства. С 1845 года лишь 1-я степень ордена св. Анны, а с 1855-го — и 1-я степень св. Станислава стали давать потомственное дворянство, а прочие степени этих орденов — личное. Но, тем не менее, до начала XX века потомственное дворянство легче и чаще получалось по ордену: в 1875—1884 годах в правах потомственного дворянства 40% лиц было утверждено по чину и 60% — по ордену; в 1882—1896 — соответственно 28% и 72%. С 1900 года потомственное дворянство стали давать лишь после вручения ордена св. Владимира 3-й степени, который мог быть вручен только генерал-майору или действительному статскому советнику.

Многочисленные знаки отличия — медали, не принадлежавшие к орденской системе, были близки к орденам по форме и способу ношения, но имели орденские ленты и помещались на колодке вслед за русскими орденами *.

На примере наград графа Дмитрия Алексеевича Милютина (1816—1912) — последнего генерал-фельдмаршала (1898) в истории России, военного министра (1861—1881),— взятых из формулярного списка на 1897 год, можно составить некоторое представление о наградной системе России.

НАГРАДЫ Д. А. МИЛЮТИНА

Св. Станислав 3 ст. и св. Владимир 4 ст. с бантом	**— 1839 г.**
Капитан (за боевые отличия)	**— 1840 г.**
Св. Анны 2 ст.	**— 1846 г.**
Полковник	**— 1847 г.**
Подарок по части	**— 1848 г.**
Св. Анны 2 ст. с императорской короной	**— 1849 г.**
Св. Владимир 3 ст.	**— 1851 г.**
Бриллиантовый перстень с вензелем Высочайшего имени и знак отличия «XV лет» беспорочной службы	**— 1853 г.**
Генерал-майор	**— 1854 г.**
Назначен в свиту Его Величества	**— 1855 г.**
Св. Станислава 1 ст.	**— 1856 г.**
Св. Анны 1 ст.	**— 1857 г.**
Знак отличия «XX лет» беспорочной службы и звание генерал-лейтенанта	**— 1859 г.**
Назначен генерал-адъютантом к Его Величеству и св. Владимира 2 ст. с мечами	**— 1859 г.**
Белого орла	**— 1860 г.**
Св. Александра Невского	**— 1862 г.**
6400 десятин земли	**— 1863 г.**
Алмазные знаки св. Александра Невского	**— 1864 г.**
Генерал-от-инфантерии и имение в Царстве Польском на правах майората в вечное и потомственное владение, приносящее дохода 4500 руб. в год	**— 1866 г.**
Высочайшая благодарность	**— 1867 г.**
Св. Владимира 1 ст.	**— 1868 г.**
Искренняя признательность Его Величества	**— 1869—1873 гг.**
	— 1875 г.
	— 1876 г.
Св. Андрея Первозванного	**— 1874 г.**
Св. Георгия 2 ст.	**— 1877 г.**
Графское достоинство	**— 1878 г.**
Портрет императора Александра II и Александра III, алмазами осыпанный	**— 1881 г.**
Бриллиантовые знаки ордена св. Андрея Первозванного	**— 1883 г.**

* Подробнее об истории каждого ордена и медали мы расскажем в следующих номерах журнала.

Верховным начальником или гроссмейстером всех российских орденов являлся император (кроме ордена св. Екатерины, орденмейстером которого была императрица). Представления к награждению обычно производились ведомствами, министрами, главнокомандующими армиями во время военных действий. Как правило, выдачей наград с грамотами или рескриптами за подписью императора занимался специальный орган — *Капитул российских императорских и царских орденов (так с 1832 года назывался установленный в 1798 году Капитул Российского кавалерского ордена)*. Во главе Капитула стоял Канцлер орденов. В 1842 году звание Канцлера орденов соединили со званием министра императорского двора. Капитул ведал всеми наградными делами и следил за соблюдением обязанностей, возложенных на награжденных статутами орденов, выплатой пенсии, вел наградное делопроизводство и т. д.

При награждении орденом кавалер обязан был внести определенную сумму денег на благотворительные цели. Сумма взноса все время менялась и зависела от старшинства ордена. По указу Капитула орденов от 8 августа 1860 года был установлен следующий размер и порядок взносов награжденными:

Св. Андрея Первозванного	— 500 руб. *
Св. Екатерины 1-й ст.	— 400 руб.,
2-й ст.	— 250 руб.
Св. Александра Невского	— 400 руб.
Белого орла	— 300 руб.
Св. Владимира 1-й ст.	— 450 руб.,
2-й ст.	— 225 руб.,
3-й ст.	— 45 руб.,
4-й ст.	— 40 руб.
Св. Анны 1-й ст. с короной	— 200 руб.,
без короны	— 150 руб.
2-й ст.	— 35 руб.,
3-й ст.	— 20 руб.,
4-й ст.	— 10 руб.
Св. Станислава 1-й ст.	— 120 руб.,
2-й ст.	— 30 руб.,
3-й ст.	— 15 руб.

Взносы с кавалеров св. Георгия не взимались.

Кроме того, на кавалеров были возложены следующие обязанности: «1) Надзор и попечение над воспитательными домами в Москве и Петербурге. 2) Ведение и призрение Московского инвалидного дома и Екатерининской больницы. 3) Заведение в обеих столицах пристаниц для бедных. 4) Попечение и надзор в обеих столицах за всеми полезными заведениями для призрения немощных и неимущих».

Из орденского капитала ежегодно производили следующие расходы:

1. По Александровскому комитету о раненых	
а) часть от сбора за ордена	80 тыс. рублей
б) на выдачу пособий неимущим кавалерам ордена св. Георгия и их семействам	120 тыс. рублей
2. На воспитание 57 пансионерок Капитула в Петербургском и Московском училищах ордена св. Екатерины и 20 пансионерок в Мариинском институте в Петербурге	30 тыс. рублей
3. На выдачу наград пансионеркам, при выпуске их из училищ и института (приданое)	1 тыс. 743 руб.
4. В распоряжение экзарха Грузии на восстановление Православного христианства на Кавказе	30 тыс. руб.
5. В распоряжение Синода на распространение православия между язычниками империи	20 тыс. руб.
6. На устройство и содержание лазаретных бараков, состоящих под покровительством императрицы	5 тыс. руб.
7. На заготовление золотого холодного оружия с надписью «За храбрость»	20 тыс. руб.
8. На содержание университета св. Владимира в Киеве	3 тыс. 686 руб.
9. Пенсия нижним чинам по знаку отличия ордена св. Анны	69 тыс. 550 руб.

* Месячная зарплата рабочего в 1880 году, равнялась 16,5 руб. золотом. Примерное содержание генерал-лейтенанта в год составляло 5—8 тыс. рублей.

По каждому ордену, кроме Белого орла, производилась выплата пенсий, которые назначались Капитулом орденов через государственное казначейство и выплачивались определенному числу старших (по времени награждения) кавалеров ордена. После смерти каждого женатого пенсионера вдовы умерших получали пенсию по ордену еще один год.

Для каждого ордена был установлен особый праздник — в день того святого, в память которого он учреждался. Статутами орденов были назначены следующие праздники:
30 ноября — день св. апостола Андрея Первозванного,
24 ноября — св. великомученицы Екатерины,
30 августа — св. Александра Невского,
3 февраля — св. Анны,
22 сентября — св. равноапостольного князя Владимира,
26 ноября — день св. великомученика и победоносца Георгия.

Общий праздник (по решению Павла I) для всех названий Российского кавалерского ордена — 8 ноября, в день св. архистратига Михаила.

В XVIII веке орденские праздники проходили при императорском дворе с соблюдением церемониалов: кавалеры были в особых одеждах, присвоенных некоторым орденам их статутами. В XIX веке орденские одежды утратили почти всякий смысл и надевались в редчайших случаях — например, во время ежегодной церковной процессии от Казанского собора в Александро-Невскую лавру в Петербурге по случаю орденского праздника Александра Невского.

После февральской революции 1917 года изменений в орденской системе почти не произошло. Со старых орденских знаков были удалены монархические эмблемы и символы самодержавия. В ордене Белого орла, например, на знаке вместо трех императорских корон стали делать бант из синей эмалевой орденской ленты, а на звезде девиз ордена «Pro Fide, Rege et Lege» (За веру, царя и закон) заменили лавровыми веточками. На ордене св. Станислава орлы в углах креста изображались соответственно гербу Временного правительства — без корон и с опущенными крыльями. В устав ордена св. Георгия было введено награждение солдат знаком ордена 4-й степени и награждение офицеров (по решению солдат) солдатским Георгиевским крестом. В обоих случаях рисунок знаков не изменился, но к ленточке стали прикреплять металлическую лавровую ветвь.

В августе 1917 года Министерством юстиции был подготовлен проект постановления «Об отмене гражданских чинов, орденов и других знаков отличия». По проекту, чины и ордена сохранялись лишь для военных. Однако проект так и не успел получить утверждение.

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЯ

ПЕНСИИ ПО ОРДЕНАМ:	ОКЛАДЫ	
Св. апостола Андрея Первозванного	одному	всем
1. Одному духовному и двум светским [лицам]*	1 000	3 000
2. Двум духовным и семи светским	800	7200
Св. Екатерины		
1 степени		
1. Двум светским	460	920
2. Четырем светским	350	1400
2 степени		
1. Одной духовной и двум светским	200	600
2. Одной духовной и четырем светским	130	650
3. Одной духовной и девяти светским	90	900
Св. Александра Невского		
1. Одному духовному и пяти светским	700	4200
2. Четырем духовным и четырнадцати светским	500	9000
Военного ордена Св. Георгия		
1-й ст. шести кавалерам	1000	6000
2-й ст. пятнадцати кавалерам	400	6000
3-й ст. пятидесяти кавалерам	200	10000
4-й ст. тремстам двадцати пяти кавалерам	150	48750
Св. Владимира		
1-й ст. десяти кавалерам	600	6000
2-й ст. двадцати кавалерам	300	6000
3-й ст. тридцати кавалерам	150	4500
4-й ст. шестидесяти кавалерам	100	6000
Св. Анны		
1 степени		
1. Четырем духовным и шестнадцати светским	350	7000
2. Четырем духовным и восемнадцати светским	200	4400
2 степени		
1. Двум духовным и восемнадцати светским	150	3000
2. Четырнадцати духовным и шестидесяти четырем светским	120	9360
3 степени		
1. Шестидесяти кавалерам	100	6000
2. Ста двадцати кавалерам	90	10800
4 степени		
1. Шестидесяти кавалерам	50	3000
2. Ста двадцати кавалерам	40	4800
Св. Станислава		
1-й ст. тридцати кавалерам	143	4290
2-й ст. шестидесяти кавалерам	115	6900
3-й ст. девяноста кавалерам	86	7740

* Пенсии выплачивались не всем кавалерам орденов, а лишь определенному числу старших (по времени награждения) кавалеров, что оговаривалось в статуте каждого ордена.

АЛЕКСАНДР КОРНИЛОВ

СТРОПТИВЫЙ КАНКРИН

Лекция VI

Деятельность Канкрина.— Его принципы и его политика.— Протекционизм и его влияние на промышленность и торговлю.— Сокращение роста военных расходов.— Стоимость войн 1827—1831 гг.— Питейная реформа.— Денежная реформа 1839—1843 гг.— Роль самого Николая в этом деле.— Заботы Канкрина об улучшении культурных условий.

Излагая события и обстоятельства второго периода царствования Николая, нельзя не остановиться, наряду с ходом крестьянского вопроса, также и на развитии промышленности и торговли в 30 и 40-х годах XIX ст., а равно и на той политике министерства финансов, которая была связана с этим. (...)

Что касается истории таможенного законодательства за это время, то главным деятелем тут явился неоднократно уже упоминавшийся министр финансов, гр. Е. Ф. Канкрин, занимавший свой ответственный пост почти 21 год (с 1823 до 1844 г.).

Канкрин был человек чрезвычайно оригинальный и выдающегося ума. Родом он был немец, но еще при Екатерине был вызван в Россию его отец для заведования соляным делом. Молодой Канкрин воспитывался, однако, в Германии и, получив хорошее образование в одном из германских университетов, только в самом конце XVIII века явился в Россию. Первое время — и довольно долго — ему пришлось перебиваться, занимая разные мелкие должности: был он бухгалтером у одного откупщика, брал разные частные занятия и, вообще, не брезгал никакой работой. Во время наполеоновских войн он выдвинулся, перейдя на службу в интендантское ведомство, где он стал совершенно небывалым явлением, так как был в этой среде чуть ли не единственным честным и образованным человеком. С одной стороны, разумеется, он вызывал на себя большие и злостные нападки, но с другой — обратил на себя внимание высшего начальства и самого Александра.

Александр довольно скоро оценил Канкрина, так как он проявил себя весьма сведущим человеком не только в продовольствии армии, но и в военной администрации вообще. В 1812 году Канкрин был сперва генерал-провиантмейстером одной из двух действующих армий, а потом даже и всей действующей армии в России. В этой должности он проявил свои обширные познания, хозяйственные таланты и разносторонний ум. Оказалось, что он не только в состоянии был хорошо организовать продовольствие армии, но мог с успехом участвовать в обсуждении и специальных тактических задач. Так, когда обсуждался план войны 1812 г., то Канкрин очень влиял на ученого автора «скифского» плана войны, генерала Пфуля. Впоследствии Канкрин издал сочинение по теории войны, которое вновь обратило на него внимание императора Александра.

Когда театр военных действий был перенесен в Германию и потом во Францию, то и тут Канкрин оказался на высоте положения: оказалось, что и в союзной армии среди лиц, заведующих продовольствием войск, у него не было соперника, так что во всех затруднительных случаях всегда обращались к Канкрину, и ему удавалось не раз выводить союзников из больших затруднений. Таким образом, во время наполеоновских войн Канкрин, можно сказать, приобрел европейскую известность самого компетентного человека в области военного хозяйства.

Когда в России открылись большие злоупотребления в военном ведомстве, и отдан был под суд военный министр кн. Горчаков, то многие думали, что его место займет Канкрин, который за свои заслуги во время наполеоновских войн был из действительных статских советников переименован в генерал-майоры, а затем произведен в генерал-лейтенанты; но Александр как будто забыл в это время о Канкрине и почему-то не давал ему движения. Однако в 1818 г. Канкрин снова напомнил ему о себе, подав ему весьма дельную записку об освобождении крепостных крестьян — записку, которая, по мнению некоторых, послужила главным толчком, заставившим Александра поручить Аракчееву в 1818 г. составить план постепенного освобождения крестьян.

В 1822 г. Александр убедился наконец в невозможности больше держать министром финансов Гурьева, секрет влияния которого заключался в том, что он умел склонить на свою сторону всех сильных мира сего путем раздачи крупных денежных сумм под благовидными предлогами, благодаря чему и пробыл министром целых 11 лет. В 1822 г. в Белоруссии был голод; Гурьев, значительно урезав суммы, ассигнованные на голодающих крестьян, в то же время решил отпустить 700 тысяч руб. на покупку имения у одного важного помещика, который нуждался в деньгах. Когда это открылось, то Гурьев потерял свой пост, который Александр, по совету Аракчеева, и предложил Канкрину.

Еще раньше Аракчеева Канкрина оценил Сперанский, который во время своей ссылки в Пермь говорил еще в 1813 г., что единственным человеком, способным заведовать русскими финансами, является, по его мнению, Канкрин.

Как раз накануне назначения министром Канкрина был отменен либеральный таможенный тариф 1819 г., и правительство на этот раз надолго возвратилось к протекционизму. Новый тариф 1822 г. выработан был при содействии Канкрина. И во все время его управления министерством протекционная система оставалась в действии, благодаря чему в широкой публике установилось прочное убеждение, что Канкрин был ярым и узким протекционистом, ненавидевшим свободу торговли. Но такой упрощенный взгляд на политику Канкрина вовсе не справедлив. Канкрин прекрасно понимал преимущества свободной торговли. В критике того положения, которое могла бы дать России система свободной торговли, он исходил из того, что в данный момент для России было необходимо прежде всего иметь в виду развитие национальной самостоятельности, национальной независимости; он указывал, что при системе свободной торговли малокультурной России угрожает опасность в своей промышленной жизни попасть в полную зависимость от иностранных интересов (в частности от интересов такой развитой и деятельной страны, как Англия).

Именно с этой точки зрения он считал нужным защищать развитие русского народного производства. Но он никогда не допускал создания слишком льготных условий для отечественных фабрикантов при помощи высоких таможенных ставок; напротив, он полагал, что нужно зорко следить за тем, чтобы русская промышленность не могла спать, и считал необходимым постоянно регулировать таможенную систему, чтобы заставить русских фабрикантов обращать внимание на всякие улучшения в производственной технике, под угрозой иностранной конкуренции. Поэтому тот условно покровительственный тариф, который им был установлен, много раз переделывался именно с этой точки зрения. В известных производствах пошлины постоянно понижались и особенно в те моменты, когда Канкрин считал необходимым поощрить русскую промышленность с другого конца, угрожая ей иностранной конкуренцией.

Таким образом, надо признать, что в то время его политика, его протекционная система была умеренным и разумным протекционизмом, и никак нельзя его обвинять в бессмысленном увлечении идеей протекционизма.

С другой стороны, в тарифной политике он руководствовался и фискальными соображениями. Дело в том, что он получил министерство финансов в тот момент, когда русские финансы были в величайшем упадке. В 1822 г. казна была почти банкротом, нельзя было совершить никаких займов на сколько-нибудь сносных условиях, и курс бумажных денег не повышался, несмотря на то, что за последние годы управления Гурьева, благодаря принятой им системе погашения ассигнационного долга, этот долг уменьшился с 800 до 595 милл. руб. Это уменьшение было достигнуто ценою заключения процентных займов на очень тяжелых условиях, и, таким образом, беспроцентный долг ассигнационный превратился в значительной части в долг с обязательством постоянной уплаты весьма высоких процентов. Канкрин считал, что на таких условиях не стоит погашать ассигнационного долга, а надо стремиться лишь не делать новых займов и не выпускать новых ассигнаций. В научных трудах своих Канкрин, как я уже говорил, главным принципом финансовой политики ставил благосостояние народных масс. Он неоднократно выражал мысль, что собственно целью разумной финансовой деятельности должен быть не рост казенных доходов, а именно увеличение народного благосостояния,— причем он понимал под этим, главным образом, именно благосостояние народных масс.

Исходя из этой точки зрения, он явился сторонником самой строгой экономии и противником не только всяких займов, но и всякого увеличения налоговой тяжести. Поэтому в своей практической деятельности, отказываясь от увеличения налогов, он стал урезывать все ведомства и тем, конечно, на каждом шагу приобретал себе в мире высшей бюрократии сильных врагов, чем, впрочем, никогда не смущался.

Продолжение. Начало см. в №№ 8—12, 1991; 1, 3, 1992.

Я уже упоминал о том, как непокладист был Канкрин с самим императором Николаем.

Система экономии, которую Канкрин так настойчиво проводил, дала заметные результаты в первые же годы его управления финансами и создала на европейских денежных рынках совсем иное отношение к русскому государственному кредиту, нежели то, какое существовало при Гурьеве.

Те принципы государственной экономии, которыми руководствовался Канкрин вообще в ведении государственного хозяйства, он прилагал и к тарифному вопросу.

Он считал, что таможенные налоги можно допускать лишь постольку, поскольку они являются налогами на предметы роскоши или на предметы потребления более зажиточных слоев населения, и поэтому он полагал, что с таможни нужно взять как можно больше государственного дохода. Благодаря такому пониманию, он при регулировании тарифа 1822 г. постоянно принимал во внимание именно усиление таможенного дохода. И при нем таможенный доход возрос в 2½ раза с 11 милл. руб. до 26 милл. руб. серебром, составив весьма крупную статью в тогдашнем государственном бюджете.

Чтобы покончить с таможенным тарифом, надо еще остановиться на истории русско-польских торговых и таможенных отношений. Дело в том, что для Польши, как страны более культурно развитой, особенно в отношении фабричной промышленности, которая могла там более процветать, чем в России, благодаря уже указанным мною условиям, важен был постоянный рынок для сбыта своих фабрикатов, и Польша смотрела на Россию именно как на очень хороший рынок для своих товаров. Кроме того, для нее очень важны были и азиатские рынки, которые она могла эксплуатировать только при условии свободного транзита через Россию. Исходя из таких соображений, еще в 1826 г. министр финансов Царства Польского князь Любецкий специально приезжал в Петербург, чтобы выхлопотать тарифные льготы для Польши, причем он доказывал, не стесняясь существованием конституции 1815 г., что, в сущности, Польша есть часть России.

Конечно, на это Канкрин представил весьма веские возражения. С точки зрения Канкрина, уже и раньше существовавшая таможенная система в отношении Польши была невыгодна для русского населения. После образования Царства Польского, когда впервые возник таможенный вопрос, было установлено, что сырье обеих стран ввозится беспошлинно; что же касается фабрикатов, то было установлено, что фабрикаты, выделанные из собственного сырья, ввозятся за ничтожную пошлину, не более одного процента стоимости товара, для фабрикатов же из чужого сырья была установлена пошлина около 3% ad valorem, но при этом для некоторых предметов были установлены особые таможенные ставки,— так, предметы хлопчатобумажной промышленности были обложены в 15%, сахар — в 25%. В результате получалось, что главный предмет польской обрабатывающей промышленности — сукна были обложены 3%, тогда как русские хлопчатобумажные изделия были обложены 15%.

Московские фабриканты, естественно, вопили против такого порядка, а Канкрин, возражая Любецкому, не только не считал возможным уничтожить внутренние таможенные пошлины, но требовал усиления ставок на некоторые товары, конкуренция которых была особенно опасна русским фабрикантам. В конце концов решено было оставить прежнее положение. Затем вопрос о русско-польских таможенных отношениях возобновился после восстания 1831 г. Когда Польша перестала существовать как отдельное государство и правительство Николая поставило вопрос о полной инкорпорации Польши, таможенные пошлины между Россией и Польшей явились аномалией, и естественно возобновился вопрос об уничтожении пограничной черты.

К этому присоединился и вопрос об общем тарифе по отношению к иностранным державам, так как Польша до того времени имела для западной границы свои особые тарифы. Этот вопрос повлек за собой огромное длительное обсуждение и кончился только к 50-м годам, после обсуждения его в особой комиссии, уже после смерти Канкрина. В этой комиссии главным деятелем был польский экономист Тенгоборский, которого, кажется, рекомендовал русскому правительству Любецкий и который оказался весьма осведомленным человеком, обстоятельно изучившим и русские народнохозяйственные отношения. В 50-х годах была уничтожена пограничная черта между Россией и Польшей, причем по отношению к иностранной торговле были введены дифференциальные пошлины, приноровленные к потребностям обеих стран и различавшиеся, смотря по тому, куда шли ввозимые из-за границы товары,— в Польшу или в Россию.

Важным вопросом финансовой политики того времени, как и теперь, являлись расходы на войско. Я указал уже, что Канкрин достиг значительной экономии в *обыкновенных* расходах на армию в первые 12 лет своего управления. Но как раз в этот период, наряду с сокращением обыкновенных расходов на армию, России пришлось выдержать целый ряд войн, требовавших *чрезвычайных* расходов, которые, как ни противился этому Канкрин, пришлось покрывать займами.

В эти именно годы была война с Персией, начавшаяся почти тотчас после воцарения Николая, затем в 1828—1829 гг. война с Турцией, которая поглотила более 120 милл. руб. сер. деньгами, наконец, в 1831 г. чрезвычайно дорого обошедшаяся девятимесячная польская кампания. Благодаря этим войнам уже в первые годы пришлось сделать ряд займов, размеры которых дошли почти до 400 милл. руб. сер. Но надо сказать, что эти займы были лучше прежних выпусков ассигнаций; хотя они были процентные, но условия их были довольно выгодные. Вообще, как я уже говорил, к 30-м годам репутация русских финансов под управлением Канкрина улучшилась настолько, что бумаги русские на заграничных рынках котировались постоянно альпари, чего ранее никогда не было.

Как безусловно отрицательная мера, Канкрину почти всеми исследователями истории русских финансов ставится в минус та реформа питейных сборов, которую он провел в 1826 году.

Вы помните, что при Гурьеве винные откупа были отменены и введена была система казенной винной монополии. Эта система продолжала существовать и при Канкрине до 1826 г. Еще при Гурьеве доходы с питей, первоначально повысившиеся, затем чрезвычайно уменьшились, благодаря беспорядкам в казенном управлении и особенно благодаря непомерному воровству, которое здесь царило.

Становилось очевидным, что вести это дело невозможно при неимении штата сколько-нибудь честных и подготовленных чиновников. И вот в 1826 г. император Николай приказал Канкрину составить доклад об упорядочении питейных сборов. Канкрин составил доклад довольно объективно. Он изложил те способы эксплуатации винного дохода, которые существовали тогда в различных государствах, и указал, что можно избрать одну из трех систем: или систему казенного управления, казенной винной монополии, которая исключала всякую торговлю вином, кроме казенной, и которая существовала в России в тот именно момент, или систему винных откупов, которая существовала до начала 20-х годов и заключалась в сдаче с торгов частным лицам права эксплуатации казенной винной монополии, или, наконец, систему свободной торговли винными напитками при акцизе, который собирается с каждой бутылки или другой посуды различными способами.

Канкрин признавал, что, собственно говоря, вообще система свободной торговли вином,— за которую тогда очень сильно стоял такой влиятельный человек, как Мордвинов, всегда исходивший в своих взглядах из посылок экономической науки, — что эта система, конечно, в теории лучше, но она требует известной культуры и, главным образом, организации правильного контроля, а при наличности совершенно негодных чиновников эта система невозможна. Точно также он признавал невыгодной и существовавшую тогда систему непосредственной казенной монополии. Наконец, он говорил, что можно, пожалуй, еще предложить четвертую систему — распределить питейный доход по губерниям и вместо него установить прямой налог, предоставив внутреннюю раскладку и взимание его местным органам. Но и тут Канкрин, исходя из недоверия к местным дворянским органам управления, указывал, что если такие «маркие» дела передать местным органам, то дворянство окажется столь же несостоятельным, как и чиновничество.

Поэтому, признавая, что откупа — зло, он в то же время доказывал, что они будут при данных условиях наименьшим злом, если не отказаться вообще от эксплуатации винного дохода, который везде составляет огромную часть государственного бюджета. И вот, не считая возможным заменить его другим доходом, особенно ввиду того, что никакой статистики у нас тогда еще не существовало, и заменить питейный доход поземельным обложением или другим каким-либо налогом нельзя было и думать, Канкрин решил, что отказаться совершенно от эксплуатации дохода с вина невозможно, а раз так, то наиболее удобным способом являются откупа.

Он признавал, что при откупах все дело будут вести откупщики, которые и будут накапливать огромные капиталы на счет народа, но думал, что если уже кому-либо предоставить такое накопление капиталов, то лучше предоставить такое накопление откупщикам, так как они будут употреблять эти капиталы на промышленность, для народа полезную, тогда как от воровства чиновников и промышленность даже не выигрывает.

Вот те соображення, по которым Канкрин, ввиду безотрадного ведения тогдашнего казенного хозяйства, признавал возможным восстановить откупа. Тем не менее восстановление их оказалось, конечно, большим злом: откупщики не только сами обогащались, но подкупали и поработили всю местную администрацию. Все тогдашнее губернское чиновничество получало от откупщиков второе содержание, не меньшее, нежели казенное. Немудрено, что когда интересы откупщиков сталкивались с чьими-либо интересами, то всегда — как в административных, так и в судебных местах — дело решалось в пользу откупщика. Таким образом, вред откупов был громаден и не искупался темн соображениями, которые Канкрин приводил в своем докладе в 1826 году.

Самым, может быть, значительным из всех предприятий, осуществленных при Канкрине, явилась денежная реформа. Реформа эта привела в конце концов к девальвации ассигнаций — к выкупу их по пониженной цене,— и в этом нередко видели весь ее смысл, но в сущности смысл этой реформы, в тот момент когда она предпринималась, заключался не в этом. Реформа была предпринята Канкриным не в интересах фиска, а в интересах облегчения всяких торговых сношений, от неустройства которых сильно терпел народ.

Дело в том, что курс бумажного рубля постоянно колебался, и существовало даже несколько курсов: был вексельный курс, который устанавливался вексельными сделками с иностранными торговцами; был курс податной, казенный, по которому ассигнации принимались государственными учреждениями; наконец, был курс простонародный, который устанавливался произвольно в частных сделках. И этот простонародный курс и был особенно колеблющимся и произвольным: в одно и то же время он колебался в разных местах от 350 до 420 копеек ассигнациями за рубль серебра. Происходило это благодаря тому, что все сделки заключались на ассигнации, между тем, ввиду постоянных колебаний курса, неизвестно было, по какому курсу придется платить, и вот вошло в обыкновенне при заключении условий при покупках и договорах о поставках, ввиду того, что курс ассигнаций всегда предполагался падающим, назначать для момента уплаты за поставленные продукты курс для ассигнаций несколько низший, чем существовавший в момент сделки, так что в отдельных случаях он искусственно понижался до 420 к. за рубль (вместо нормального курса в 350—360 коп.).

Поставщики товаров легко на это шли (особенно страдали от этого крестьяне), думая, что раз сказано так в сделке, то и они будут по той же цене платить свои расходы, напр., подати, а потом, когда приходилось вносить подати, оказывалось, что казенный курс совсем не соответствовал простонародному. При таком положении в торговом мире скупщиков царила организованная система плутовства. Все это порождало такое недоверие к ассигнациям, что публика в поисках за более устойчивыми металлическими деньгами стала принимать и вводить в оборот иностранную звонкую монету под названием «лобанчиков» и «ефимков». Особый род торговцев закупал ее за границей и доставлял в Россию. Эти иностранные монеты в свою очередь путали все расчеты и подрывали правильный оборот. При таких условиях Канкрин пришел к необходимости издать закон об обязательности совершения всех сделок на серебро, и, чтобы этого достигнуть, он решил дать ассигнациям обязательный определенный курс, по которому они принимались бы постоянно казной.

После некоторого обмена взглядов между ним и Сперанским, который как раз перед своей смертью составил записку по этому вопросу, Канкрин остановился на курсе 350 коп. за рубль. И вот в июне 1839 г. был издан весьма краткий закон, который устанавливал, что отныне как во всех расчетах казны с населением, так и во всех коммерческих сделках счет должен вестись на серебро. Серебряный рубль объявлен был главной монетой, ассигнации хотя и сохранили свое значение ходячей монеты, но курс их был определен раз навсегда в 350 коп. за рубль. Последствия этого закона для коммерческих сделок были огромные: прекратилась вся система плутней в сделках с простонародным курсом, прекратилась возможность обмана наиболее простодушных поставщиков.

Но Канкрин этим не ограничился; ровно через полгода он предположил, что удобно будет параллельно с ассигнациями ввести взамен всех лобанчиков и ефимков новую русскую бумажную единицу, которая бы совершенно свободно разменивалась на звонкую монету и ходила бы как металлические деньги. И вот он выпустил так называемые *депозитки*, на первый раз не ниже 25-ти рублевого достоинства, которые выдавались желающим внести в государственное казначейство те металлические деньги, с которыми неудобно было обращаться, и слитки золота и серебра, причем объявлено было, что внесенные за эти депозитки металлические деньги и благородные металлы будут оставаться на хранении полностью и будут выдаваться при первом требовании обратно.

На эти депозитки был сразу предъявлен огромный спрос. Публика бросилась брать их, и в течение нескольких месяцев до конца 1842 года было внесено более, чем на 25 милл. рублей звонкой монеты. В следующий год было внесено еще более 12 милл. рублей. В течение каких-нибудь 2-х лет казна имела возможность выпустить более 40 милл. руб. новых бумажных денег, курс которых был равен курсу серебра.

Таким образом в государственной монетной системе получили ход три монеты: звонкая, депозитки и ассигнации, курс которых был точно определен в 350 коп. за рубль. Вскоре Канкрин решил пойти дальше, именно, выпустить такие кредитные бумаги, которые, как в других государствах, обеспечивались бы не полностью звонкой монетой рубль за рубль, а лишь таким фондом, который требовался по опыту для непрерывного размена.

Было решено ввести такие *кредитные билеты,* причем

Москва 40—50-х годов

Пречистенка. Выезд пожарной команды из пожарного депо. Литография. 1853 г.

Суконная фабрика купца Новикова в Москве. Литография. 1845 г

Биржа и Гостиный двор. Литография. Середина XIX в.

Горенская бумагопрядильная фабрика Н. А. Волкова. Литография. 1845 г.

было установлено, что размен их обеспечивается металлическим фондом, равным одной шестой части выпущенных билетов. И эта операция оказалась удачной: новые кредитные билеты пошли в ход, и курс их оставался тоже альпари.

Тогда явилась мысль все ассигнации заменить одной формой кредитных бумажных денег, разменивающихся без помехи на звонкую монету, а потому не понижающихся в курсе.

Сам Канкрин, однако, очень опасался, что если бумажные деньги ввести, то со временем, особенно после его смерти или отставки, опять соблазнительно будет при затрудненнях выпускать такие кредитные билеты сверх меры, и что в конце концов дело придет к прежним ассигнациям. Но император Николай, который в начале царствования являлся вполне несведущим в финансовых делах, мало-помалу приобрел от Канкрина же некоторые сведения по финансовой части и стал считать себя опытным финансистом; поэтому, когда Канкрин заколебался, то император Николай сам выступил с собственным проектом,— подлинник которого, переписанный рукой наследника Александра Николаевича, сохранился,— проектом, составленным совершенно толково, в котором он, полемизируя с Канкриным, защищал возможность замены всех бумажных денег, в том числе и депозиток и ассигнаций, одними кредитными билетами. При этом он предполагал постепенно выкупить ассигнации по той цене, на которой они были зафиксированы законом 1839 г., т. е. по 350 коп. за рубль серебра. Таким образом, так как общее количество ассигнаций равнялось 595 милл. руб., необходимо было, чтобы их выкупить, собрать фонд в 170 милл. руб. серебром; для обеспечения же в одну шестую выпускаемых взамен их кредитных билетов, надо было иметь в наличности в государственной казне постоянно лишь около 28 с половиной милл. руб. звонкой монетой.

Имп. Николай полагал, что это можно будет немедленно исполнить; для этого он считал прежде всего необходимым прекратить выпуск депозиток; он не считал возможным уничтожить самые депозитки и их фонд прямо обратить в обеспечение кредитных билетов, потому что это являлось бы злоупотреблением доверия публики, но решил, по мере того как депозитки будут поступать в казну, их уничтожать, беря соответственную часть из депозитного фонда, и на эту именно сумму выпускать новые кредитные билеты, причем одну шестую металлического фонда класть в их обеспечение, а остальное помещать в резервный фонд, который давал бы возможность делать новые выпуски кредитных билетов.

По расчету имп. Николая можно было всю эту операцию окончить в пять лет, и хотя Канкрин очень долго сопротивлялся, но в конце концов после двух заседаний, в которых Николая против Канкрина поддерживали, конечно, все министры, и после того, как Николай составил новую, вторую записку, тоже весьма обстоятельную, принята была эта окончательная мера, наложившая последний штрих на денежную реформу: решено было выкупить все ассигнации, постепенно заменяя их выпуском кредитных билетов, всего на сумму 170 милл. руб. серебром, в обеспечение которых оставался бы фонд в 28 милл. руб. звонкой монетой.

Вся эта операция прошла вполне удачно, так что, когда этот фонд — одна шестая часть всех выпущенных кредитных билетов — был отчислен в обеспечение выпущенных «кредиток», то остальная звонкая монета, оказавшаяся к тому времени в распоряжении правительства, составила гораздо более, чем эта часть: оказалось около 66 милл. звонкой монеты, которая была торжественно перевезена в Петропавловскую крепость, там сосчитана и положена. Таким образом, в распоряжении правительства оказался огромный запасный фонд, который и поддерживал до восточной войны 1853 года курс кредитных билетов.

Следует сказать еще хотя несколько слов о культурной и общественной деятельности Канкрина, которая тоже была очень значительна и проявлялась в тех мероприятиях, которые он предпринимал для развития технических знаний: так, им был учрежден в 1828 году технологический институт, им преобразованы и, можно сказать, поставлены на ноги горный и лесной институты. Им же вся местность, именуемая «лесным корпусом», приведена была в культурный вид, благодаря проведению необходимых дорог и разбивке парка.

Он же впервые в России учредил выставки промышленности, которые затем периодически устраивались в Москве, создал сельскохозяйственный Горы-горецкий институт, завел земледельческую газету, которую сам же в значительной мере снабжал статьями.

Одним словом, эта сторона его культурной деятельности, не говоря уже о ценных постройках — вроде здания биржи и многих других зданий и помещений для разных учреждений и технических учебных заведений в Петербурге, была несомненной положительной заслугой Канкрина, следы деятельности которого Петербург и теперь еще носит во многих своих частях.

Благоденствие страны Нарземии

Охрана семейного фонда в коммуне им. Буденного 1933 г.

Без чего не обходится ни одно государство? Без налогов. Их взимание — едва ли не важнейшая государственная функция. Все зависит от налоговой политики — это или тонкий инструмент, умело регулирующий экономику, или пресс, выжимающий последние соки. Хотя идеального налогообложения, видимо, никогда не было, нет и не будет.

Вершиной достижения буржуазной экономической мысли было изобретение прогрессивного подоходного налогообложения. Более умного человечество пока ничего не придумало. Принцип его прост: больше зарабатываешь — больше и платишь, а за сверхприбыль — сверхналог.

Советское государство с первых шагов своего становления признало единый подоходный налог как лучшее, о чем можно было бы мечтать. С этим согласились В. И. Ленин, руководители ВСНХ Ю. Ларин, В. Осинский. Однако ввести таковой не удалось.

А появилась вскоре продразверстка. Затем ее заменили продналогом. Но, тем не менее, вместе с местными налогами в 1922 году в деревне насчитывалось до 34 видов натурального обложения.

В 1923 году был введен единый сельскохозяйственный налог. Сначала он взимался деньгами или натурой, а со следующего года — только в деньгах. Налоговая система вроде бы упорядочивалась, но в то же время общая сумма от сельскохозяйственного налога увеличивалась (420 млн. золотых рублей в 1923/24 г. вместо 390 млн.— в 1922/23 г.). Тяжесть обложения по-прежнему оставалась высокой (17% по отношению к товарной массе сельского хозяйства), и это становилось препятствием для развития производительных сил деревни. Отношения между государством и крестьянством обострялись.

В 1925 году в правительственных кругах прошли бурные дебаты по налоговой политике в деревне, в которых принимали участие А. И. Рыков, Н. И. Бухарин и др. Обострялись отношения между Наркомземом, старавшимся стимулировать развитие сельского хозяйства, и Наркомфином, который хотел побольше с крестьян получить. Вот это и нашло отражение в утопии П. И. Попова. Павел Ильич Попов — известный экономист и статистик — в те годы возглавлял ЦСУ СССР, по долгу службы ему приходилось участвовать в работе всевозможных комиссий, в том числе и по вопросам налоговой политики.

В литературном отношении вряд ли стоит придавать какое-либо значение произведению Попова. Его смысл — в содержании. Сюжет незамысловат: противопоставление двух систем налогообложения, поощрительной и выжимающей. Но знаменательно время написания фантазии — начало 1925 года. Нэп достиг своего пика и вот-вот рухнет. Грядет полоса стального пресса, в том числе и налогового.

Проблема налогообложения — вечная, но как созвучно нашему времени то, о чем написано 67 лет назад. Фантазия Попова напоминает о простых истинах. Ведь, скажем, за содержание хорошей коровы крестьянину можно приплачивать, стимулируя тем самым разведение таких коров. Но можно налогом и отпугнуть, и крестьянин всю скотину изничтожит. Правда, самому тогда есть нечего будет и другим...

Рукопись Попова найдена в Центральном государственном архиве народного хозяйства его бывшей сотрудницей Еленой Александровной Тюриной, которая приняла участие в ее подготовке к публикации.

ВЛАДИМИР КАБАНОВ,
доктор исторических наук

Многоуважаемый Гаральд Иванович [Крумин]!

Написал Вам кое-что относящееся к вопросу об обложении, но написал не статью, а «нечто».

Это «нечто» — фантазия, путешествие в две страны Нарземию и Налогию. Путешествовал по этим странам, когда присутствовал на заседаниях Комиссии по налогу. Прочтите. Сам не сумел решить — имеет ли написанное какую-нибудь ценность. Может ли это быть напечатано у Вас и вообще быть напечатано?

П. ПОПОВ

ОБЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

(Путешествие в страну сна. Налоговая фантазия).

До 3-х часов ночи я работал над материалом, который я имел в своем распоряжении благодаря участию в налоговых комиссиях. В 3 часа лег спать. Настойчивый стук в дверь разбудил меня: принесли повестку на заседание 49-й комиссии по налогу (в 48 комиссиях я уже состоял членом — в одних активно работающим, в других — говорящим, в третьих — слушающим сложнейшие проекты и в прочих комиссиях — ничего не слушающим).

Судя по повестке, в новой 49-й комиссии предстояло рассмотреть оригинальный проект налога, в котором предусматривались мероприятия по развитию сельского хозяйства в порядке налоговых льгот. Часы показывали 4 часа утра. Оторвавшись мыслями от вопросов, указанных в повестке, я... оказался в стране сна. Это была любопытная страна, называлась она Нарземия. Любопытна она была по характеру своего сельского хозяйства. Хлеба ее полей представляли из себя высокий лес из ржи, пшеницы, ячменя и еще какой-то невиданной мною культуры с серебристыми стеблями, с почти прозрачными, как перламутр, колосьями; колеблющиеся колосья, приводимые в движение электрическим механизмом, производили чарующую музыку. Этот чудесный лес хлебов — иначе нельзя назвать эту высокую, мощную растительность — прорезывался сетью идеально правильных каналов с чистой, как хрусталь, водой, в которой лениво и мечтательно плавали рыбы страны Нарземии. На лугах, спускающихся к широким тихим рекам, паслись огромные стада домашних животных. Вот там, ближе к берегу реки, пасутся... по-видимому, коровы, если можно назвать этих крупных, как мамонты, животных коровами. Вымя этих коров представляли из себя огромную массу, в 3 яруса, в каждом по 10 сосков. По громкому, хотя и мелодичному звонку все стадо стройными рядами медленно направилось к длинному, особо устроенному зданию, стены которого, как только подошли эти чудесные животные, поднялись вверх, и коровы вошли в особые стойла с электрическими приспособлениями для дойки молока. Механически надоенное молоко особым механизмом частью поступало в отделение по переработке масла, частью по особым трубам шло в дома жителей этой страны. Каждый житель мог в любой момент из крана получать столько молока, сколько хотел. Особые краны на улицах и площадях предназначались для путешествующих. Краны были разные — одни с горячим молоком, другие с холодным (в особых подземных помещениях с помощью электричества кипятилось и стерилизовалось молоко, а там же и захолаживалось).

А вот стадо овец с изумительным богатством красок руна... В порядке подбора бесконечного ряда поколений шерсть получалась любого цвета, от небесно-голубого до изумрудно-зеленого. Движение разноцветных групп овец представляет изумительную картину — в каждый данный момент создавалась новая комбинация живых цветов. Шерсть этих овец представляла из себя длинные, тонкие и нежные, как волосы женщины, нити почти в 2 фута длины (овцы, как и коровы, были изумительно крупные животные).

Птицеводство представляло особую отрасль, на которую жителями страны Нарземии обращалось особое внимание, и благодаря этому современные мелкие куры превратились в крупных, как страусы, птиц, каждое яйцо которых весило от 1 до 1,5 фунта.

Наганские гуси и утки плавали в особо устроенных озерах, расположенных вблизи селений.

Лес, который обычно окружал селения, состоял из ровных прямых деревьев, содержащихся в идеальной чистоте. Это был не лес, а, строго говоря, парк... великолепный парк из великолепного строевого леса.

Смотрел и изумлялся, изумлялся и еще больше смотрел.

Какими способами, какими методами достигнуты эти изумительные результаты в области сельского хозяйства, думал я. В силу какой экономической политики достигнуты все эти богатства? — с таким вопросом я обратился к жителям этой страны.

Я думал и ни на один момент не сомневался, что это результат проведения плана хозяйства, созданного Госпланом Нарземии и практически проявленного жителями этой страны.

Но когда я получил ответ на все свои недоуменные вопросы, то моему изумлению не было конца. Оказалось, что все это являлось результатом системы мероприятий по стимулированию сельского хозяйства в порядке особой системы сельскохозяйственного налога. Это была своеобразная, это была оригинальная система налога. Вот ее основные черты.

Особым декретом для населения, занимающегося сельским хозяйством и обязанного платить налог, устанавливалась детально разработанная шкала ставок, стимулирующих сельское хозяйство из *особого налогового фонда*. Каждый плательщик налога, если он содержал лошадь, получал ежегодно из этого налогового фонда стоимость ее годового содержания. За каждого жеребенка до 1 года — 1/5, за жеребенка от 1 до 2 лет — 1/3, за жеребенка от 2 до 3 лет — 2/3 стоимости содержания взрослой лошади. Особую повышенную налоговую премию получали лошади улучшенных пород, максимальную — лошади чистых пород. Для тяжеловозов ставка повышалась на 50%. Скаковая лошадь, годная для военных целей, премировалась еще выше — в 75%.

По этому же принципу построено и налоговое стимулирование рогатого скота. За случку коров с породистым бугаем хозяин получал 1/2 стоимости коровы. За содержание коровы плательщик получал стоимость ее содержания. Каждый теленок приносил право хозяину получать из налогового фонда также 1/5, 1/3, 2/3 стоимости содержания коровы, в зависимости от возраста теленка. Кроме того, особая налоговая стимулирующаяся надбавка давалась и за вес коровы: чем больше весила корова, тем больше плательщик получал из налогового фонда.

Затем, те хозяйства, которые имели не одну корову, а несколько, имели право на прогрессивное увеличение ставок. Так, если житель имел 1 корову, он получал стоимость годового содержания 1 коровы, за 2 коровы — получал 2 1/2 единицы годового содержания коровы, за 3 коровы — стоимость годового содержания 5 коров, 4-х коров — стоимость содержания 6 коров и т. д.

На тех же принципах построено и налоговое стимулирование овец. Здесь стимулирование стояло в связи с цветом, мягкостью и длиной шерсти.

За разведение куренка, утенка, гусенка и вообще всякого птиченка — каждый плательщик сельскохозяйственного налога на куренке, утенке, гусенке и вообще птиченке получал ставки, равные стоимости содержания куренка, утенка, гусенка и прочего птиченка, причем порода и вес имели особые стимулирующие ставки.

«Вот,— говорили жители Нарземии,— вот эта система налога с ее стимулирующими ставками и дала так изумившие Вас чудесные результаты».

Все стимулируется. Налог на сельское хозяйство представляет из себя строго продуманную систему стимулирования каждой отрасли сельского хозяйства из особого налогового фонда. Работы по мелиорации ведутся на средства, согласно особых стимулирующих ставок, налога. Лесное хозяйство базировалось всецело на стимулировании из налогового фонда. Каждое дерево стимулировалось. Стимулировалась и высота, и толщина, стимулировались даже вид и общее впечатление. Так, если дерево выглядело приятно, оно получало особую стимулизацию — налоговую ставку...

Таков эффект строго продуманной системы налога на сельское хозяйство.

Когда же я углубился в изучение организации и результатов налога, то я еще больше изумился: оказалось, что среднее хозяйство платило налога 275 рублей с души, но зато хозяйство получало в качестве стимулирования в порядке особых стимулирующих ставок налога льгот на общую сумму 485 рублей, т. е. получали больше на 210 рублей, чем уплачивали. Все сельское население, состоящее из 100 милл. жителей, платило сельскохозяйственного налога 27,5 миллиардов рублей. Но за то получало в порядке стимулирующих ставок 48,5 миллиардов рублей, т. е. становилось в результате обложения богаче на 21 миллиард рублей, и, следовательно, его покупательная способность в результате применения налога увеличивалась на 21 милл. рублей. Таков эффект нашего налога.

В Вашей стране наяву, говорили мне плательщики страны Нарземин, вы считали величайшим достижением те принципы, которые выдвигал в вопросе организации налога Адам Смит, в силу которых налог должен был падать на чистый доход, а не на средства производства, не на капитал в производстве. Затем в Вашей стране наяву вы считали огромным достижением, когда налог строился на основе прогрессивного подоходного. Также вы много гордились и тем, что облагали нарастающие ценности...

Всем этим вы гордились. Мы же разрешили налоговую проблему совершенно иначе. При вашей системе население вам отдает безвозвратно часть своих доходов, плательщик становится беднее на сумму уплачиваемого налога, после уплаты его. В нашей стране Нарземии плательщик получает всегда больше, чем платит. В результате применения нашей системы у него происходит наращение, а не сокращение богатств. И посмотрите, что мы имеем в результате нашей системы, посмотрите на наше сельское хозяйство сравнительно с вашей системой и вашим хозяйством. Нас плательщик благословляет, вас же именует и по батюшке, и по матушке...

Я изумлялся все больше и больше, и когда мое изумление достигло предела изумления, я проснулся.

Да, подумал я, вот это налог, вот это действительно стимуляция.

Я вновь заснул и опять оказался в стране сна. Но в другой ее части, называемой Налогией.

Эта страна была также оригинальна, но ее оригинальность была своеобразная, иного типа, чем оригинальность страны Нарземии.

Прежде всего, меня поразило необыкновенное изобилие особых лиц с огромными кошелями. Эти лица с кошелями особого устройства суетливо бегали среди стада коров — щупали бока, холки, мяли вымя, внимательно заглядывали даже туда, куда обыкновенно не заглядывают,— в каналы, по которым идет то вещество, из которого вырабатывается навоз.

Другие, подобные им, но с меньшими кошелями, не менее суетливо бегали среди овец — они также что-то щупали, что-то считали, что-то нюхали, подбирали с земли какие-то катышки, мяли их в руках, пробовали на язык и вообще проявляли оживленную деятельность.

Крики куриц, встревоженное гоготанье гусей, кряканье уток сопровождало каждое движение особых лиц с еще меньшими сумами. Они щупали куриц, даже заглядывали куда-то внутрь, как бы стараясь подсчитать те яйца, которые еще не снесла курица. Подобная же операция проделывалась с гусынями, утками и др. домашними птицами.

Особые лица — по-видимому, ростом с подростков, но также с сумками, хотя и маленькими,— как сумасшедшие, лазили по крышам и чердакам домов. В воздухе носились птичьи перья, раздавался немолчный птичий гомон. К сараям и амбарам были поставлены лестницы, по которым лазили особые лица. Воробьиные крики и стрекотанье ласточек сопровождали их деятельность.

Здесь было много своеобразного и много оригинального.

Меня поразили не столько кипучая деятельность людей с кошелями, сколько сельское хозяйство населения этой страны — ее скот и ее поля.

Коровы были разного типа, хотя и одной и той же породы,— с одной стороны мелкие, тощие, еле передвигающие ноги, с другой — более упитанные, крупные, среди которых выделялись коровы еще более высокого качества, более крупные, более упитанные. То же разнообразие типа и размера наблюдалось и среди овец и свиней. Разнообразие в разрядах и типах наблюдалось и среди птиц.

Что касается хлебов этой страны, то они имели чудесное свойство изменяться в зависимости от того, кто к ним подходил. Если к ржаному, пшеничному, ячменному полю подходил человек с большим кошелем,— рожь, пшеница и ячмень становились маленькими, тощими, редкими; но стоило отойти человеку с кошелем и подойти селянину — рожь, ячмень и пшеница чудесно вырастали, делались гуще, колосья наливались, но если человек с мешком возвращался — эти великолепные хлеба немедленно превращались в тощие, и мелкие, и редкие. Это чудесное превращение нивы, сулящей изумительные урожаи, в ниву, сулящую неурожай и голод, было изумительно.

Также странно изменялось в зависимости от того, кто смотрел на луга, сады, огороды — эти луга, сады и огороды также из великолепных в отношении сбора немедленно превращались в плохие и обратно из плохих превращались в великолепные, смотря по тому, кто к ним подходил — человек с кошелем или селянин.

Да, это были странные превращения, это были чудесные превращения. Да, это была странная страна, с своеобразной культурой животных и растений.

Когда я обратился к жителям страны за разъяснением этих странных превращений, то оказалось, что это, как и в первой стране, есть результат применения определенной системы сельскохозяйственного налога.

С принципами этого налога меня ознакомили не жители этой страны (жители этой страны при напоминании об этих принципах говорили не столько о принципах, сколько о другом, словами связанном с одним из родителей), а те лица с кошелями, которые оказались собирателями налога.

Итак, на каких же принципах построен в стране Налогии налог, так изумительно действующий на состояние сельского хозяйства?

Чины с кошелями мне заявили с сияющими глазами и торжествующими лицами, что они бесконечно далеко ушли от тех принципов, которые выдвинул в стране Наяву Адам Смит и более позднейшие теоретики налогового вопроса. Адам Смит, говорили они, требовал, чтобы обложение падало на чистый доход. Мы пошли дальше. Налог падает не только на доход, но и на всякий вид пользы, на всякую пользу от всякой вещи. Земля дает хлеб — облагаем ее, ибо хлеб — это несомненный доход и особый вид пользы. Луга дают сено — сено это также несомненный доход и польза,— облагаем луга. Овцы, как приносящие шерсть и после своей смерти мясо,— облагаем. Коровы — за то, что дают молоко, а после смерти мясо, рога, копыта и кожу,— облагаем и их. Свиней облагаем и за сало, и за мясо, и за то, что из их ног выходит чудесное холодное. Курицу — облагаем, ибо она дает доход — дает яйца. Гусей и уток также облагаем, ибо они дают яйца, а когда их зарубят, то перья, пух и мясо. Вы можете судить о наших достижениях в области обложения по одному тому, что мы облагаем... воробья, да, воробушек, ибо они приносят пользу, собирая жучков, козявок, и благодаря чему повышают доход садов и огородов. Голуби облагаются потому, что они веселят душу жителей, успокаивают их нервы и создают особое настроение энергии и бодрости и тем самым повышают производительность труда жителей этой страны. Даже кошек, не говоря о собаках, мы облагаем, причем котята облагаются большей ставкой, ибо они в большем размере доставляют удовольствие жителям, чем взрослые кошки, и, следовательно, в большем размере стимулируют производительность труда. Но там, где много мышей и крыс, взрослые кошки облагаются большей ставкой, чем маленькие и котята, ибо в этом случае польза взрослых кошек превышает пользу котят, а наш принцип обложения — кто приносит большую пользу, тот больше облагается.

И воробышек мы облагаем по-разному: тех, у кого птенчиков побольше, облагаем побольше как могущих в будущем, когда птенчики подрастут, принести большую пользу сравнительно с малосемейными.

Особо облагаем мы тех воробышек, которые более энергичны, более деятельны при ловле жучков, бабочек и червяков. Но само собою разумеется, что те воробышки, которые вьют гнезда вблизи садов и огородов и которые приносят больше вреда, чем пользы,— то таких воробышек мы не облагаем, освобождаем совершенно от налога, ибо наш принцип — облагать всякий вид пользы, всякий доход, все равно прямой или условный, малый или большой, но не вред, как бы он ни был большой, как бы ни был почтенен.

Но когда я поинтересовался тем обстоятельством, почему наблюдается такое разнообразие в размерах скота одной и той же породы, и почему поля, сады и огороды имеют изумительную способность превращения из великолепных в плохие и из плохих в великолепные, то не мог получить сколько-нибудь удовлетворительных объяснений. Они что-то мне много говорили о предельной полезности Бем Боверка и о чудесных талисманах, которые имели герои книги 1001 ночи, которыми располагают жители страны Налогии. Мне помогли уже плательщики налога, они рассказали мне следующее.

Так как налогов несколько — для 1) государства, 2) губернии, 3) уезда, 4) волости, 5) села, и так как для каждого рода налога имеется своя ставка, и так как чем крупнее и лучше был скот, то ставка была тем выше и значительнее, и обратно, чем мельче скот, тем ставка была меньшая, и так как государство требовало, чтобы население выделило для обложения определенное количество скота, то население разводит разного рода скот. Тот скот, который облагается в пользу государства, представляет из себя тощий и мелкий скот, с которого население уплачивало налог.

Тот скот, налог с которого поступает в местный бюджет, губернии, был более крупным, более упитанным, ибо население воспринимало их как в некотором отношении свои налоги, которые идут на их губернские нужды. Скот, налог с которого поступал в уезд, по тем же соображениям был еще крупнее, еще более упитанный. Скот, налог с которого поступал в волость, еще

лучше выглядел, ибо волостные налоги воспринимались населением в форме школ, больниц, дорог и т. п. в понятных и конкретных для них формах. Скот, налоги с которого поступали селу на сельские и деревенские нужды, был крупный породистый скот, ибо налог с этого скота шел совсем на собственные деревенские, мирские нужды.

Конечно, говорили жители Налогии, к этому мы пришли не сразу — шли постепенно, шли путем и ошибок.

Так, одно время, чтобы избегать налога, мы попробовали скотинку изуничтожить. Тогда действительно налога-то мы не платили, но и сами ничем не пользовались. Ну, а затем, как видите, приспособились. Говорят, что теперь можно разводить скотинку, с которой налог не будет взыскиваться, ну, тогда мы разведем такую скотинку, которая будет гора-горой, и овечки будут другие, и гусек, скажем, и утенок будут выглядеть иначе... И курочка будет другая... Не слыхали ли... Но я об этом ничего не слыхал и поэтому просил объяснить мне чудесное превращение полей, садов и огородов, превращение, стоящее в связи с тем, кто к ним подходит, кто на них смотрит.

Прием конфискованного у кулаков сельхоз инвентаря. Курская обл. 1930 г.

Мои собеседники внимательно и пытливо посмотрели на меня, некоторые обошли кругом меня, одни даже заглянули внутрь моей шляпы, другие осторожно провели рукой по бокам. Они, по-видимому, что-то искали. Оказалось, что они боялись — не имел ли я кошеля. Когда они убедились, что я только путешествующий, только странник в их странной стране, они ознакомили меня с механизмом чудесного превращения.

Оказалось, что чудесное превращение всецело стоит в связи с налогом. Система налога предусматривала такое обложение, при котором особыми ставками улавливались и размер урожая с одной десятины, и качество и сорт зерна, и даже густота высева. Чем выше был сорт зерна, чем выше было качество зерна — тем ставка была выше. Ставка прогрессивно увеличивалась, причем люди с кошелями пользовались формулами, которые применялись у населения: чем лучше был урожай, лучше зерно по качеству, тем меньше и меньше оставалось. Первоначально население стало сеять самые плохие сорта хлебов, чтобы платить меньше налогу, но благодаря плохим сортам зерна урожай был так мал, что население стало недоедать, тогда оно приступило к систематическим опытам взращивания семян, которые реагировали бы определенным образом на присутствие налогоизыскателей. После опытов им удалось вывести особый вид семян, сначала на опытных станциях и полях, потом в госхозах, затем в порядке массовой репродукции в мелких хозяйствах, они получали семена в массовом количестве, в размере, достаточном для засева всех полей.

Свойство этих культур изумительно: при виде человека с кошелями растение делается мелким, тощим, чахлым, но стоит ему уйти, нивы становятся стена стеной.

И вот, благодушно прибавляют поселяне Налогии, мы платим налог с плохих, всегда неурожайных полей, а собираем с этих полей для себя добрый урожай, пользительный урожай.

Пробовали мы, прибавляли с еще более благодушной улыбочкой жители Налогии, землицу приспособить на этот же манер: чтобы она, когда придет с кошелем человек, казалась бы, матушка, поменьше, и в длину покороче, и в ширину поуже. Кое-чего добились, но затем... не тае, не тае...

Будильник зазвонил. Я вернулся из страны Налогии. Было 8 часов утра, надо спешить на заседание 49-й комиссии.

Заседание правления коммуны им. Сталина о приеме крестьянина-единомышленника в члены коммуны. 1930 г.

Рабочие фабрики «Заречье» в подшефном колхозе деревни Сельцо, Костромской губернии. 1919 г.

ВЛАДИМИР НИКИТИН

БЫТЬ ПО СЕМУ

19 ноября 1864 года Александр II утвердил Устав гимназий и прогимназий, начертав на нем патриархально звучащие в наши дни слова «Быть по сему», дав жизнь бесконечным параграфам, на долгие годы определившим распорядок русской средней школы.

§ 2. По различию предметов, содействующих общему образованию, и по различию целей гимназического обучения, гимназии разделяются на классические и реальные.

Классическая гимназия была семиклассным учебным заведением с восьмилетним сроком обучения — в последнем классе учились два года. Едва ли не треть времени отводилась «мертвым» языкам — латыни и греческому. Чуть больше половины учебного плана приходилось на занятия языками: русским, французским и немецким, словесностью, историей и географией, оставшееся время было занято математикой, физикой, космографией и прочими естественными науками.

В реальной гимназии, где учились на год меньше, значительно больше времени отводилось математике и физике, преподавалась и химия, которой не было в классической гимназии. Древним языкам реалисты не обучались, но французский и немецкий были обязательными. Выпускники классической гимназии имели право поступать в университет, причем медалисты принимались вне конкурса. Реалистам же это было позволено лишь в начале XX века и только на естественные факультеты с обязательной досдачей латыни. Желающим учиться на филологическом или юридическом факультетах нужно было сдавать экзамены за весь курс гимназии.

§ 44. По желанию родителей и за особую плату в гимназиях и прогимназиях воспитанники могут обучаться также музыке и танцеванию.

«Танцы, за пять рублей в год, преподавал балетный артист, который приходил со своей тапершей раз в неделю часа на два. Держался он очень гордо, а оказалось, что в Мариинском театре он на самых последних ролях...

Играть на трубах учил унтер типа Пришибеева. Строгий, с хриплым голосом, допускавший солдатские приемы, и через полгода оркестр уже играл гимны, два марша — «Тоска по родине» и «Старые друзья», два вальса — «На сопках Маньчжурии» и «Осенний сон», какую-то польку и несколько русских песен» (Д. Засосов. В. Пызин. Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов. Записки очевидцев).

§ 53. В гимназии и прогимназии обучаются дети всех состояний без различия звания и вероисповедания.

В 1888 году в Петербурге училось, например, в Мариинской женской гимназии: дворян и чиновников более 50%, мещан и ремесленников 13%, низших сословий и крестьян не более 1%, в Василеостровской соответственно 75%, 7% и 4% (остальные места были заняты детьми купечества, почетных граждан, духовенства). К началу XX века состав гимназий и особенно реальных училищ стал более демократичным.

В 1910-х годах обучение в казенном реальном училище или гимназии стоило 50—100 руб. в год, а в частном — 100—250 руб. (с пансионом — как минимум 350 руб.), тогда как средний годовой заработок петербургского фабричного рабочего составлял в 1914 году 355 руб. Но надо сказать, что в России существовало множество обществ, фондов, которые различными способами поддерживали детей из бедных семей.

В гимназиях было регламентировано практически все — штаты, жалованье, строго следили за количеством уроков в неделю и расписанием занятий, четко обозначались поощрения и наказания. О последних стоит сказать особо. «Правила о взысканиях», утвержденные господином министром народного просвещения 4 мая 1874 года, представляют собой любопытнейший документ. Обратимся к нему:

Фотографии из архива В. Никитина и Ю. И. Комболина.

§ 1. Взыскания имеют целью главнейше нравственное исправление учеников...

§ 6. Взыскания по самым свойствам своим должны, по возможности, соответствовать свойствам самого проступка и быть как бы естественным его последствием. Так, леность наказывается принудительной работой, излишняя болтливость или неуживчивость — удалением от товарищей, высокомерие — унижением, ложь — недоверием, необузданность, грубое непокорство или проявление злости — заключением в карцер на хлеб и воду и даже удаление из учебного заведения в более или менее тяжком его виде и т. д.

Исключали по-разному. В «менее тяжком» виде — без права обучения в данной гимназии, в «более тяжком» — с «волчьим билетом», то есть без права получения образования вообще.

§ 15. Заключение в карцер на время свыше 8 часов и не более как на сутки с содержанием на черном хлебе и на воде как в учебные дни, так и в воскресные и праздничные.., с тем чтобы в ночное время благонадежный служитель безотлучно находился при заключенном.

Примечание. В случае заключения ученика в карцер на время свыше 2-х часов по окончании уроков родители его немедленно об этом уведомляются.

«С любопытством и страхом я ожидал увидеть, что собой представляет таинственный и страшный карцер. Однако никакого карцера у нас в училище не оказалось. Мы с Володей отсидели два часа в библиотеке под надзором воспитателя, которому в училище дали немудрящую кличку — Козел» (С. Аничков*. На рубеже двух эпох).

Столь «демократические» экзекуции пришли на смену более жестким наказаниям, которыми славилась средняя школа не только в России, но и во всем мире; надо сказать, что лишь устав 1864 года отменил телесные наказания, хотя во время его широкого обсуждения в учебных заведениях отдельные педагогические советы настаивали на необходимости оставления розг в педагогическом арсенале. Так что латынь — латынью, а порка — поркой.

* Сергей Викторович Аничков — академик АМН, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий — происходил из старинного дворянского рода.

ТАМАРА ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

Извилина в мировом мозгу

Фото Александра Ратникова

Валерий Афанасьев

Он живет в Версале. Звучит почти фантастически. И не только на наш российский слух. Многим ли из простых смертных удавалось устроить дом свой вблизи столицы роскоши французских королей, где кажется — в самом воздухе блуждают частицы золота? «Версаль! Дубравы, колоннады, живые мраморы, аркады — элизий, промыслом богов и королей украшенный неизъяснимо»,— грезил Андре Шенье. А тут за 14 франков можно запросто войти в замок «солнценосных» Людовиков (разумеется, когда музей открыт) и надышаться сколько душе угодно великолепием большого французского стиля: слепящим золотом скульптур Зеркальной галереи, каскадами немыслимо изящных хрустальных люстр, гигантской живописью во все стены, воспевающей придворную жизнь и подвиги Наполеона, изысканнейшим интерьером, сверкающим золотом, бархатом, зеркалами, прихотливой художественной отделкой стен и мебели — прославленных французских стилей «режанс», «Людовик XV», «транзисьон»...

И вдруг эта изумительная французская мебель — в квартире русского пианиста Валерия Афанасьева, поселившегося вблизи Версаля! И он с влюбленностью истинного коллекционера-знатока во всех подробностях расскажет вам о всех этих «режанс», «транзисьон», стилях трех королей Людовиков или эпохи Директории.

— Видите ли, Директория — это последний изысканный период в истории французской мебели,— рассказывает Валерий.— «Ампир» я не люблю, за исключением бронзы. В столовой у меня «Шарль X». В большом салоне (в нем 40 метров квадратных) разные уголки в разных стилях: здесь и «Людовик XV», и «Людовик XVI». На террасе у меня «режанс». Вообще дом — это тоже произведение искусства. Нужно создать условия действительно для свободного мышления. Когда я вхожу в дом, я должен попасть в «свое пространство»...

Да, вероятно, Афанасьев прав. Музыкант, тем более классический исполнитель, в отличие, скажем, от писателей, которые, как известно, способны творить и на кухонных столах, и на подоконниках, и даже на салфетках случайных кафе,— должен иметь «свое» обширное пространство, с роялем и интерьером. И Валерий Павлович Афанасьев — наверняка единственный в истории русский пианист — создал такое «свое» вдохновляющее пространство в Версале. Нет, не отдельный дом, но обширную квартиру в 180 квадратных метров, с двумя спальнями и двумя террасами — зимними садами. Ибо нет у него времени и возможностей соблюдать хозяйство отдельного дома: он не женат. Зачем же две спальни? Это понятно: одна — для хозяина, другая — для гостей.

Но, может быть, главной духовной составляющей этого версальского очага красоты является уникальная библиотека в 10 тысяч томов на пяти языках, включая латынь. Что это — еще одна страсть к коллекционированию? Библиофильство от тоски и одночества? Нет, вряд ли здесь подойдут банальные предположения. Дело здесь сложней и неожиданней. Вся суть здесь в неординарности судьбы и личного выбора этого русского интеллигента, доказавшего всей многострадальной жизнью своей бесспорность мысли Федора Михайловича Достоевского: «страшно свободен духом русский человек». Именно так! И следуя этой мысли, Дмитрий Сергеевич Мережковский, в свою очередь, писал: «В этой страшной свободе духа, в этой способности внезапно отрываться от почвы, от быта, истории, сжигать все свои корабли, ломать все свое прошлое во имя неизвестного будущего,— в этой произвольной беспочвенности и заключается одна из глубочайших особенностей русского духа».

Валерий Афанасьев, следуя зову этой «страшной свободы духа» (а не привычке к раболепию — обратите внимание!), в один прекрасный день резко сломал естественный ход своей московской жизни, сжег корабли во имя неизвестного будущего. Выпускник Московской консерватории, золотой призер двух крупных международных конкурсов в Лейпциге (1968 г.) и в Брюсселе (1972 г.), он предпочел отринуть советские модели жизни музыкантов, избрав эмиграцию и безграничный простор духовной деятельности. И здесь, на Западе, он стал писателем, пройдя огромный путь самообразования и самопостижения. За девять лет он создал шесть романов на французском и английском языках. Два из них — «Исчезновение» и «Падение Вавилона» были опубликованы в разных европейских странах и имели успех.

Неслыханно! Русский пианист становится писателем-европейцем набоковского типа, владельцем этой самой грандиозной библиотеки. Но какой ценой? Достаточно тяжелой. Ценой «паралича» концертной деятельности на долгие годы. Сейчас он рассказывает об этом с озорной улыбкой, почти шутя:

— Когда-то, лет 20 тому назад, я очень плохо играл на рояле. И настолько мне стало противно себя слушать, что я решил просто прекратить играть. И я действительно прекратил на долгие годы — на 9 лет... И стал заниматься литературой. Стал писать. Вернее — читать и писать. Я читал по 9 часов в сутки Шекспира и всю английскую литературу в оригинале. Изучал французский и английский литературные языки. Разумеется, я писал и ранее, в московской жизни. Начинал вообще как поэт. Где-то с 10-ти лет и до 23-х писал только стихи. А с 26-ти принялся за романы...

— *Кто же тут особенно повлиял? — спрашиваю музыканта-романиста.*

— Пожалуй, Пруст, Кафка, Набоков, Джойс. Знаете, когда я углубился в занятия литературой,— это было невероятное счастье. Совершенно очевидно: если бы я занимался карьерой пианиста в Советском Союзе, я бы никогда столько книг не написал. А теперь, после создания этих шести романов, можно было бы сказать: уже есть в мире отпечаток моего мозга. И если сейчас мне вдруг пришлось бы умереть, я сделал бы это с легкой душой.

Душевный кризис обрисовался еще в годы учебы Афанасьева в Московской консерватории, где в своем первом профессоре Якове Заке Валерий встретил своего антипода.

— С Заком мы не сошлись характерами,— рассказывает пианист,— ибо стояли в чем-то на противоположных позициях. Видите ли, у меня — спонтанная пластика, а Зак был верен академически выверенным, «законным» структурам пианизма. А я был всегда бунтарем и отрицал всякую абстракцию. Я мучился. Играл много. Но все как-то застопорилось. То, что в музыкальном училище мне удавалось с легкостью (ибо там была свободна моя стихия, и никто ее не останавливал), здесь не срабатывало. И вдруг я понял, что у меня нет школы...

— *Но вы ведь перешли потом в класс Эмиля Гилельса?*

— Да, разумеется. Эмиль Григорьевич сыграл в моей жизни очень большую роль. Это был невероятный музыкант. И наши уроки проходили очень необычно, без всякого менторства. Они походили скорее на какие-то музыкальные беседы. Мы слушали пластинки, обсуждали что-то такое, какие-то нюансы. Я играл ему, но он не делал никаких конкретных замечаний, просто, может быть, намекал на что-то иногда. И в результате я выяснял для себя какие-то тонкости... Кое в чем мне помогало общение и с Михаилом Леоновичем Межлумовым, у которого был своеобразный культ рояля. И все же, как ни печально это признать, я очень плохо играл на дипломе. Я вообще в консерватории плохо играл.

— *Это не помешало, однако, именно в эти консерваторские годы получить первые премии на Международных конкурсах в Лейпциге и Брюсселе. А скажите, Валерий, что же помогло вам все-таки утвердиться в профессии пианиста и именно в этом качестве, прежде всего, завоевать Запад? Что вернуло вас к концертному роялю?*

— Прежде всего, отстранение от него на 9 лет. Я почти не играл, только преподавал в Брюссельской консерватории. Я девять лет посвятил только литературной работе — с 1974-го по 1983-й годы. Эта открывшаяся мне новая перспектива другого искусства, эта другая какая-то богатая жизнь мне очень помогла. Я художественно вырос, как говорится, я обрел какую-то новую свободу благодаря литературе, понимаете? А если бы я все время занимался роялем, я ничего подобного бы не обрел... Я открыл в себе способность к удовольствиям, о чем и не помышлял в Советском Союзе, открыл талант к счастью и свободе. Постепенно я создал свой мир, в котором меня всегда ждет невероятное количество удовольствий. Я читаю на нескольких языках. Я постоянно пишу или переделываю свои романы, и всякого рода литературные персонажи постоянно роятся в моей голове. Я могу слушать музыку совершенно разную, от глубокой старины до современной «поп». Я могу любоваться красивой мебелью и пить великолепное вино. А вино — это ведь тоже красота. Это не «побочное занятие», ничего побочного в жизни нет. Вино — это невероятное удовольствие. Понимаете ли, жизнь своей многогранностью и богатством помогает чувствовать самые запредельные вещи, готовит наши артистические экстазы. Музыка бесконечна. И только из бесконечности жизни можно почерпнуть эту бесконечность музыки и как-то вдохнуть ее. В какой-то момент это сопряжение бесконечности жизни и бесконечности музыки стало для меня возможным...

Однажды я попал в Мюнхен — это столица пианистов: здесь пианисты со всех концов земли дают до 150 концертов в год! Здесь лучшие в мире критики, прекрасные педагоги (преподает, например, Вадим Суханов, ученик Якова Флиера). Я почувствовал вкус к игре. Стал приезжать и играть в Мюнхене каждый год. А потом встретился со знаменитым нашим скрипачом Гидоном Кремером, и, пожалуй, эта встреча окончательно вернула меня на концертную эстраду. Теперь я стараюсь давать не больше 45 концертов в год. Остальное время — пишу в своей обители, в Версале. Есть люди, которые дают по 200 концертов в год и считают себя счастливыми. Но я думаю: они живут узкой жизнью. Они не читают, они и музыку-то знают узко. И не знают, какая способность к удовольствиям в них запрятана. Гигант Ростропович дает 250 концертов в год. Но я убежден: у него нет времени, чтобы всерьез читать или, скажем, не торопясь, распить бутылку вина...

— *Валерий, вы покинули Россию и попросили политического убежища в Бельгии летом 1974 года — того самого страшного года, когда в феврале и в мае родину уже покинули Солженицын и Ростропович. Повлиял ли их отъезд на ваше решение?*

— О нет. У меня все уже было подготовлено. Я давно уже был «внутренним» эмигрантом, хотя в прямом смысле и не принадлежал к диссидентам. Моя реакция отторжения, так сказать, образовалась давно и неотвратимо нарастала. Начались психологические срывы, наступала какая-то тошнота. Чем дальше, тем больше я совершенно неспособен был выносить реалий советской жизни. А к 74-му году это обострилось уже до такой степени, что — я думаю — если бы я остался, то просто покончил бы с собой! У меня действительно началась страшная физическая реакция.

— *Но в эмиграции вы оторвались от русской культуры, русской природы, русского языка... Как перенесли вы эти потери?*

— Видите ли, русская культура была всегда со мной. И это очень важно. Пушкина и Толстого никто не мог у меня отнять. Русская культура была одной из основ моего воспитания, и она пребудет во мне до конца. Это не мешает мне жить на Западе полноправным членом общества. Ведь я свободно говорю на трех языках — на французском, английском и немецком. Я ни в чем не чувствую себя ущемленным. Я даже не чувствую, что я живу «за границей».

Должен сказать, есть два или даже три типа людей из эмигрантов, которых мне приходилось наблюдать. Первый тип довольно распространенный. Они живут за границей так, как они жили в своей Малаховке или, предположим, Шепетовке. Ничего у них не меняется, только появляется на столе ветчина. А в принципе — те же люди за столом и те же разговоры. По-французски они говорить не умеют, за исключением каких-то слов, которые позволяют им покупать эту ветчину. Есть другая группа эмигрантов, которая как бы проклинает Россию. И поэтому считают своим долгом выучить английский язык. А если они говорят по-русски, то вставляют при этом множество английских слов, притворяясь, что они уже «все забыли»... И есть третья группа — я причисляю к ней себя, например. Я никогда Россию не

проклинал и не презирал. С другой стороны, когда я говорю по-русски, я, вы видите, не употребляю английских слов. А живу я в Париже не так, как я жил в Москве, потому что я живу в Париже, а не в Москве.

— И вы даже пишете большие романы только на французском и на английском. Почему же не на русском?

— Это очень сложный вопрос. Мне необходимо было «сопротивление материала», как говорится. Иной язык — это для меня своеобразная рифма, которая толкает меня на какой-то поиск. Я не распыляюсь тогда, стараюсь выразить свою мысль в каком-то чистом виде. Мне нужна языковая дисциплина. Может быть, это парадокс, но я боюсь богатства русского языка, его цветистости. Когда я принялся за серьезные сочинения, мне показалось, что я свою мысль могу выразить точнее и чище на английском или французском, которые знаю очень хорошо с точки зрения литературной. Я их специально изучал. Если бы я сразу начал писать на русском языке, я бы просто — не знаю! — начал бы «порхать», употреблять множество лишних слов, связанных с какими-то воспоминаниями, с моей прежней жизнью. Словом, я мог бы отвлекаться от чистоты моих замыслов.

— Значит, все-таки вы, может быть, инстинктивно пытались хоть немного забыть Россию, вы боялись воспоминаний — что ж, это естественно. Скажите, Валерий, вам и в музыке нужно «сопротивление материала», в исполнительском творчестве?

— Что вы, это разные вещи! «Сопротивление материала» мне нужно в литературе и совершенно не нужно в музыке. В литературе я — создатель, в музыке — интерпретатор. Я играю только те вещи, которые мне близки. И никогда не буду задаваться целью сыграть ту музыку, которая мне чужда. Когда я играю близкое мне музыкальное произведение, я стараюсь вжиться в него настолько, чтобы сделать его как бы частью своего тела, что очень для меня важно.

Мое первое знакомство с Афанасьевым-пианистом произошло на концерте цикла «Декабрьские вечера-90» в Москве, в Музее изобразительных искусств имени Пушкина, где Валерий играл редко звучащие произведения позднего Брамса. Для большинства москвичей, присутствовавших в зале, творчество этого 43-летнего русского пианиста, живущего за рубежом, было, что называется,— terra incognita. Я же имела о нем представление лишь по краткому высказыванию скрипача Гидона Кремера, опубликованному в журнале «Советская музыка» в 1988 году, где он говорил о своем партнере-пианисте буквально следующее: «Валерий — человек разносторонний, необычайно одаренный не только как музыкант, но и как писатель... Стиль его изощрен, художественные ориентиры — Беккет, Набоков, Борхес. Многие не без иронии называют Афанасьева «музицирующим писателем», с чем я никак не могу согласиться. Просто Бог его наделил больше, чем одним талантом, вот такая «несправедливость»! Достаточно послушать, как замечательно, с каким особым индивидуальным пониманием моцартовского стиля играет он в нашей записи Кегельштадт-трио».

Немного позднее я услышала об Афанасьеве от моих французских друзей: «Как, вы не знаете пианиста Валерия Афанасьева? А у нас в Париже он знаменит. Такой интересный музыкант!» Увы, он покидал московскую землю, будучи известен лишь очень узкому кругу профессионалов...

Но вот вышел на эстраду «Декабрьских вечеров» внушительного роста человек, с детски-округлым лицом и могучим обнаженным лбом, чем-то напоминающим рихтеровский «купол Браманте» (слова Нейгауза), светлые длинные и совершенно прямые волосы развевались в такт шагам у самых плеч, точно ковыль на ветру. Сел за рояль, вперив взор свой сквозь очки на клавиатуру, вскинув и положив руки поверх рояля. И замер на мгновение. Так наездник, готовясь вскочить на коня, проверяет, крепки ли подпруги и седло, и чуток ли друг его, чтобы угадать сегодня его желания. И так, низко склонясь, приникая к роялю в доверчивом объятьи, он начинает путь в глубину глубин звуковой Вселенной.

Валерий играл в тот вечер Брамса, как сам Господь Бог — дух творящий. Он создавал свой мир трепетных преображений и звуковых пространств, где в свободном полете искала образного воплощения какая-то заветная мысль. Казалось, сам воздух белоколонного зала Музея изобразительных искусств звенел серебряными тонами афанасьевского рояля — так вдохновенна и безупречна по вкусу была эта игра, совершенно непохожая на супервиртуозную гастрольно-концертную игру современных рыцарей фортепиано. Что-то от традиции «умного романтизма» русской школы, вечно находящего опору в музыке немецкой, проступило в этом впечатляющем исполнении позднего Брамса.

Зал «Декабрьских вечеров» открыл своего нового героя. Он был покорен высокой свободой его творчества. И, кажется, сам пианист понял это и одарил слушателей, окруживших его плотным кольцом после концерта, продолжительной беседой, зажигательной и озорной по тону.

— Это прекрасный фестиваль, прекрасный зал, чудная публика,— говорил пианист.

— И вам помогла эта публика, эта обстановка? — спрашивали его.

— Знаете, мне ничто не может ни помогать, ни мешать. У меня есть, знаете ли, такой маленький счастливый мир — там,— и он показал себе на грудь,— кто хочет, в него входит, кто не хочет — нет.

— Но вы так играете, что — даже если не хочешь войти — войдешь обязательно! — воскликнул кто-то из репортеров телевидения.

— Милости просим, как говорится...

Он явно наслаждался своим успехом. Он ловил миг удовольствия, которому всегда был открыт.

— И все же, Валерий Павлович, русская публика влияла на вашу интонацию сегодня?

— Нет, вряд ли...

— Значит, это был диалог с Господом Богом?

— Нет, с Брамсом, в данном случае.

— Но что-то все-таки вам помогало ТАК играть Брамса?

— Чудное вино, красивая мебель, которой я себя окружил,— жизнь во всем многообразии и богатстве. Из бесконечности жизни только и можно почерпнуть бесконечность музыки,— повторил Афанасьев свою излюбленную мудрость.

— А много ли вы сейчас занимаетесь на рояле? — не унимались корреспонденты.

— Как вам сказать... Наверное, мало. По меркам 60-х годов Московской консерватории я, видимо, просто вообще не занимаюсь. Нам декан факультета говорил тогда: «Занимайтесь, занимайтесь, но только не больше восьми часов в день». А у меня сейчас, дай Бог, чтобы получалось восемь часов в неделю. Декан бы ужаснулся. Я бы и в Московскую консерваторию не поступил бы сейчас...

Народ покатился со смеху и еще ближе сгрудился вокруг пианиста. Слепили глаза огни софитов, и напряженно работали телекамеры, лес диктофонов вырастал вокруг диковинного виновника собрания, с его средневековым оголенным лбом и хипповидными волосами. Но ничто не мешало ему общаться раскованно и щедро со своими соотечественниками.

— Вы — счастливый человек?!

— О да. Мне кажется, у меня большой талант к счастью, может быть, единственный и самый важный талант. Я даже другу своему сказал однажды: «Если на ВДНХ, на этой знаменитой выставке «народного хозяйства» в Москве, кто-нибудь построит Павильон Счастья, то я там буду одним из экспонатов».

Таким было это свидание пианиста-писателя Валерия Афанасьева с музыкальной Москвой в день первого его истинного признания на родине. Потом были уже концерты и в Большом зале консерватории, и в других аудиториях и домах творчества. А через год Афанасьев снова был желанным гостем высокого искусства предновогодней Москвы, триумфатором «Декабрьских вечеров-91» и филармонических залов. Он принял участие в презентации Московского союза музыкантов, в цикле блестящих благотворительных концертов в Большом зале консерватории, все средства от которых поступили в фонд будущего Дома музыки, на реставрацию старинной дворянской усадьбы конца XVIII века по улице Герцена. Он выступал на встречах, посвященных столетию его родного Музыкального училища, что в Мерзляковском переулке; торжественный юбилейный концерт по этому поводу был дан в Концертном зале «Россия». Встречался со студентами Московской консерватории в Рахманиновском зале.

Я спросила Валерия:

— Есть что-нибудь из русской классики в вашем репертуаре?

— Я играю концерты Рахманинова, Чайковского, Прокофьева. Очень люблю Мусоргского. Исполняю его «Картинки с выставки». Более того, я написал театральную пьесу к «Картинкам с выставки», в которой я сам играю определенную роль.

— Так вы играете «Картинки» как пианист или актер?

— И то, и другое. Я исполняю «Картинки» на рояле целиком, но между какими-то номерами есть театральное действо, где некий актер играет роль Мусоргского, а я играю роль пианиста.

— А текст пьесы связан с музыкой?

— Связан только отчасти. Но я считаю, что я расширил представление о «Картинках». Эта пьеса уже исполнялась на английском и немецком языках. Ее премьера состоялась в Цюрихе. Теперь я мечтаю перевести ее на русский и исполнить в Москве и Петербурге. Кстати, на Западе вышла пластинка с записью моих «Картинок с выставки», и к ней приложен текст пьесы на трех языках. Таких пластинок еще не было...

— И все же, что побудило вас создать такую пьесу?

— Вы знаете, вероятно, я часто писал и пишу эссе к моим концертным программам. Отсюда привычка что-то писать в дополнение к замыслу концерта. Поскольку я — создатель (я имею в виду — писатель), то у меня всегда возникают какие-то побуждения внести свой весомый вклад — не тривиальный — в интерпретацию. Мои «Картинки с выставки» — это тоже побуждение что-то сделать.

— И вы выбрали диалог с Мусоргским?

— Видите ли, сейчас в музыкальном мире есть такая тенденция — считать, что существует некая идеальная интерпретация того или иного произведения, к которой все должны стремиться. Например, на Западе на некоторых пластинках очень часто пишут: «Это окончательная версия» такого-то сочинения, ну, скажем, «Отелло» Верди. Это страшный абсурд. Они забывают о бесконечности произведения музыки. Нельзя сужать произведение до какого-то одного, пусть даже гениального исполнителя. Напротив, надо — расширять. Музыкальное творение бесконечно по своей сути. И каждый исполнитель должен внести свою лепту в эту бесконечность, продолжая и воссоздавая эту бесконечность в реальном мире. Идеального исполнения нет и не может быть. Но каждое ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ музыки (пусть даже оно живет какой-то «странной» жизнью, но — живет!),— оно гораздо сильнее и важнее, чем какое-нибудь приглаженное нейтральное прочтение, якобы соответствующее авторскому замыслу. Я написал пьесу к «Картинкам с выставки», потому что я люблю эти образы Мусоргского, все то, что он делал. Мне казалось, чем больше будет вокруг «Картинок» всяких мыслей, движений, чувств, слов,— тем лучше будет материализоваться та бесконечность, которая в этой музыке заключена.

Мой слух пленило это замечательное выражение: индивидуальное прочтение, живущее какой-то «странной» жизнью. Как проницателен в самоанализе этот музыкант! Мне тут же вспомнилось сенсационное его исполнение авангардного «Макрокосмоса» Джорджа Крамба, взорвавшего чинную атмосферу белоколонного зала Музея изобразительных искусств имени Пушкина. Эти двенадцать пьес-фантазий для фортепиано с усилителем, занимающие целое отделение концерта, я убеждена, зажили теперь «странной» жизнью в памяти всех тех, кто был свидетелем их первого звучания на московской земле. Сенсация на грани скандала! Пианист, появившийся в черном «рабочем» свитерке, половину времени исполнения провел стоя, изогнувшись над роялем, то прогуливаясь по открытым струнам пальцами, копошась во «внутренностях» рояля, то издавая первобытные крики и рыки в микрофон, подобные голосам неведомых диких животных, попавших в капкан. Где-то в середине произведения пианист с грохотом падает на пол, оставляя в шоковом неведении публику, вынужденную гадать — жив он или нет... Слава Богу, жив! Вот он поднимается с пола, да не один, а вместе с желто-зеленой механической птичкой, сидящей на зеленой круглой ветке и ритмично щебечущей, точно волшебный метроном. И теперь уже эта забавная неожиданная птичка включается в бесконечно разнообразные исполнительские манипуляции артиста вокруг рояля (и на рояле, конечно!).

Слов нет, смелый человек пианист Валерий Афанасьев. Странную «прамузыку» представил он на суд московских знатоков и меломанов. Тем более что не авангардист Крамб, как выяснилось, придумал и это падение на пол бедного пианиста, и эту экзотическую птичку, а сам Афанасьев, который совсем недавно купил эту птичку в Японии и ничтоже сумняшеся ввел в «партитуру» «Макрокосмоса» без всяких согласований с автором. А, собственно говоря, почему нет? Он, оказывается, даже и незнаком с Крамбом, и не хочет даже, чтобы композитор его услышал («потому что он будет в ужасе»,— не скрывает пианист). И вот он создал свой вариант этих пьес-фантазий, и они зажили своей самостоятельной «странной» жизнью. Но удивительней всего то, что в этой странной и, скажем откровенно, страшной пьесе вдруг проступило нечто первородно-космическое, таинственное и трагически связывающее Космос и Землю: и первородным звериным рыданием неведомых чудовищ или сверхсуществ, и романтическими гармониями на клавишах фортепиано, с реминисценциями из Шопена...

Ах, вот почему играет Афанасьев этого Джорджа Крамба! Здесь есть, в конце концов, соприкосновение с Шопеном. А кто же теперь не знает, как прекрасно, изысканно и трагично интерпретирует Афанасьев мазурки Шопена, которые он так охотно исполняет на «бис»?

— Валерий, а что вы думаете об авангарде в музыке вообще?

— Авангард — это понятие, которое практически исчезло. Я не знаю, что называть авангардом. В 20-е годы это было что-то конкретное. Сейчас авангарда в принципе больше нет, он перестал существовать. Потому что его никто не финансирует, и он никому совершенно не нужен. Даже если эти сочинения опубликовать, никто их покупать не будет. Просто сейчас другое состояние умов. Я считаю, что авангард в лучшем смысле слова (в каком я его употребляю) — все-таки это какая-то новая дорожка, новая тропинка, НОВАЯ ИЗВИЛИНА В МИРОВОМ МОЗГУ. Но сейчас — увы! — многих этих извилин нет. Ничего с этим не поделаешь. История человеческого мозга вообще, я считаю, прервалась в 1976 году.

— Каким образом? Что вы имеете в виду?

— А то, что последние 10—15 лет можно просто вычерк-

нуть из истории человечества, с точки зрения искусства. Ведь не только в нашей стране, но и повсюду на Западе, во всем мире искусство переживает страшный упадок. В 60-е годы действительно был какой-то расцвет в поэзии, в живописи, в музыке. Все вспоминают то время как истинно «золотой век». А потом началось засилье какой-то коммерции в искусстве. Может быть, я говорю банальности. Но, право же, то состояние, в котором находится сейчас культура, приблизительно равноценно тем страшным трубам, которые мы видим сегодня на улице Герцена, перед Московской консерваторией.

— *Но почему вы так конкретно называете именно 1976 год?*

— Здесь масса совпадений, которые свидетельствуют, что примерно в это время большая история человеческого мозга прервалась. Ну, посудите сами. В это время ни Беккет, ни Борхес уже не писали. Набоков умер в 76-м или 77-м году... В 75-м году умер Шостакович. Что же было вслед за этим? Должен сказать, даже в поп-музыке произошел перелом. После «Кинг Кримсон» и «Пинк Флойд» все пошло на убыль. Многие специалисты сходятся на том, что после 76-го года поп-музыка практически перестала существовать. То же самое — в кино. Возьмите 60-е годы: Феллини, Бергман, Антониони, новая французская волна и так далее,— все здесь роилось. Сейчас кино перестало быть искусством, а стало областью коммерции. Разумеется, есть какие-то светлые исключения в музыке — Луиджи Ноно, например, написавший своего «Прометея», или наша Софья Губайдулина... Но общая атмосфера искусства довольно печальная. И даже очень талантливые люди (тот же Кагель — композитор, живущий в Германии), которые раньше создавали что-то интересное, сегодня бессильны. Какая-то отрицательная энергия разлита в Космосе...

— *Вы думаете, глобальные процессы в искусстве как-то связаны с процессами в Космосе?*

— Для меня это очевидно. В Космосе существуют, по-видимому, какие-то общие силы, влияющие на некие тайные связи между весьма отдаленными предметами. Об этом говорят и современные физические теории.

— *Валерий, вы верующий человек?*

— Это очень трудный вопрос. Когда я жил в Москве, я считал, что верю в Бога. Это была своеобразная реакция против каких-то навязанных мне идеалов. Мне нужно было на что-то опереться. Помню, я ходил в церковь и даже с эдаким вызовом крестился. И так далее. А потом, когда я уехал за границу, должен сказать, что за два года постепенно исчезла для меня какая-то обрядовая часть религии. Но связь с Космосом, бесспорно, осталась. Надеюсь, Космос я чувствую, хотя бы потому, что чувствую красоту. И — какую-то бездонность красоты. Бездонность какого-нибудь Брамса или Моцарта. А это ведь тоже Космос, тоже своеобразное ощущение Бога, ведь правда? Я — артист. Мое воображение играет постоянно, и в то же время я чувствую какую-то вечную красоту. Я не пытаюсь этому дать какое-то определение. Что это — я не знаю. Я ИНОГДА ТРЕПЕЩУ ПЕРЕД КОСМОСОМ, но так же, как перед ним трепетал Паскаль. Ну, пусть Паскаль считал, что он верит в Бога, а я, может быть, считаю, что не верю в Бога, но трепет, я думаю,— тот же самый...

Кажется, приходит время, когда мы, бытуя среди ужаса и разрушения великого государства, сводящего свои счеты с историей, начнем осознавать истинную ценность дара Божьего, называемого ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРОЙ. Как знать, может быть, этот русский пианист из Версаля ниспослан на нашу землю, чтобы помочь взрастить ее, возрождая к красоте наши души...

В день последней нашей беседы с Валерием Афанасьевым в Москве я не стала задавать ему традиционного (хотя и очень логичного в этой ситуации) вопроса: верит ли он, что красота спасет мир? Но как-то так случилось, что его последний монолог был посвящен все-таки искусству, красоте и счастью в жизни человека. Вот он:

— Люди настолько увлечены демократическими свободами и проблемами экономического благоденствия, что об остальном не желают думать: дескать, займемся этим потом. А ЭТИМ надо заниматься непрерывно. ОБ ИСКУССТВЕ НАДО ДУМАТЬ ВСЕГДА. Потому что это, может быть, ЕДИНСТВЕННОЕ ОПРАВДАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ, ее жестокости и абсурда. Понимаете? Даже если сидишь в тюрьме, все равно нужно думать о красоте, о ее создании и ее содержании. Нужно научиться БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ И В НЕСЧАСТЬИ. Не забывая при этом, разумеется, ни о страданиях, ни о смерти, которая всех нас ждет. Но мне кажется, что люди, которые приспособились к этому миру, к его абсурду и жестокости,— они приспособятся и к ТОМУ МИРУ. Сведенборг считал что ад и рай — это наше состояние. То есть это не какая-то там раскаленная сковородка или райские кущи, а это наше внутреннее состояние. И тот человек, который носит в себе самом ад, он будет и ТАМ жить в аду. Другой же, который носит в себе рай,— будет жить в раю. При всей нашей слабости, мы очень сильны. Паскаль, собственно, так и говорил: меня поражает, как велик человек и как он ничтожен. Об этом всегда нужно помнить. С одной стороны, мы ничтожны, и нас, действительно, гонит космический ветер. А с другой стороны, мы сами можем создать свой собственный рай...

На прощанье Валерий подарил мне цикл своих последних стихов, в авторском переводе с английского на русский. И добавил: «Это одна из самых интересных авантюр в моей жизни».

Вот некоторые из них.

Из цикла стихов ВАЛЕРИЯ АФАНАСЬЕВА

«Тоска по ностальгии»

(авторский перевод с английского)

МАЙЕ ПЛИСЕЦКОЙ

Пуанты, лебеди, Чайковский
подчас посмешищем бывают
Для тех, кто почитает Джойса
И Шенберга с листа играет.

Но всех пленили твои крылья
(Икар от зависти бы лопнул,
Когда б в Большом тебя увидел;
Дедал ногой со злости б топнул).

Как странно, что в чертогах ада
Вдруг жертва превратилась в птицу
И воспарила. Лишь упало
Перо к нам в общую гробницу.

КОМА

«Ваше превосходительство, Вас к телефону».
Меня дергают без всякого резону.
С моих уст сорвалися проклятия

И нетвердо, словно идучи на распятие,
Я направился в соседнюю комнату.

«Простите, с кем имею честь?»
Спросил я и услышал: «В шесть
Часов пополудни вы умерли».
Незнакомый голос в сумерках.
И добавил голос: «В любом случае
У вас не было выбора, не мучайтесь».
Ответил я: «Ну и дурак!»
И как всегда попал впросак.

По возвращении к себе в комнату
Я нашел хризантемы, венок с лентой.
В воздухе
Плыл ладан.
И я пошел по миру.
Погребальные марши мне набили
оскомину.
Их играют повсюду: на открытом
воздухе,
В концертных залах, на вокзалах.

А каждое воскресение,
Весеннее, зимнее или осеннее,
Я слышу «Немецкий Реквием»
в исполнении
Виллема Менгельберга.

СООБЩЕНИЕ ИЗ РОССИИ ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО ВЕКА

Наш современный мир прекрасен,
Товаром полны магазины.
Мы позабыли слово казнь.
Вместо голов — плоды в корзинах.

Сегодня гром звучит «Юпитером»
(Симфонией Моцарта). В Питере
Снесли последнюю больницу.
Здоровы мы и ездим в Ниццу.

Мы не боимся смерти. Если же
Какой-нибудь изменник родины
При слове «смерть» не дрожит,
не нежится,
То отправляем в преисподнюю.

* * *

Сейчас я любовь отрицаю,
Но несколько тактов Моцарта
Способны в обратном меня убедить.

* * *

Я стрелки у часов люблю передвигать.
О, если б время также было мне подвластно!

* * *

Я падаю.
Со мною звук разбитого стекла,
Смычок от скрипки
И два листа бумаги.

* * *

Часы мне бьют тринадцать раз
И стрелки, покачнувшись,
Слетают на пол.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Столько жизней, о Боже!
Как змея кожу
Я скинул столько жизней
В течение сорока трех лет.
И каждая жизнь, больничный бред

Или симфония глухого.
Еще одна новая жизнь

Преследует меня
В Европе и Азии,
В Версале...

Зачем эта коллекция
Мыслей и картин,
И эта библиотека,
И Онегинский сплин?

Зачем волочить за собой
Свою собственную историю?
По горам, по долам...

Быть бы мне библиотекой Александрии,
После пожара.
Либо владельцем бриллиантов,
После кражи.
Либо глухотой Бетховена,
Без слухового аппарата.

Угасающая любовь и листопад,
Осень и женщины вместе,
Пушкин, Леонардо и Брамс —
Вот мой дорожный скарб,
Моих прошлых жизней наследство.

Я и кладбище,
И семья усопшего.
Я держу свой череп
Дрожащею рукой,
По-бабьи причитая
Над самим собою.

Тонкая струйка песка
Сочится у меня из глаз.

ПУТЧ ДЕВЯТНАДЦАТОГО АВГУСТА

Опять. Еще раз. История ненасытна
И вовсе не горазда на выдумку:
Танки, глупые рожи...
История на себя похожа.

Скажи на милость, у кого же
Переняла доктрину вечного
возвращения?
Возвращалась ли в кругу Пифагора
Или за Ницше ходила тенью?

Зачем же смеешься над нами,
Над нашими детскими мечтами?
Почему ж до сих пор не устала
Создавать концы без начала?

Почему ж до сих пор не напилась
Нашей кровью допьяна? Как шалая
Ты шатаешься по России, туда-сюда,
Втаптывая в грязь реликвии, имена,
Растирая в порошок кости.

Мы тебя не приглашали в гости,
Убирайся, история, восвояси!

ВЕРА ХОЛОДНАЯ

Великое множество талантов породила наша земля, и среди них Вера Холодная — актриса-легенда, женщина-мечта, явление уникальное и непостижимое, как непостижима сама суть таланта.

Вглядитесь в бездонную глубину глаз актрисы, и вы ощутите их магическую притягательную силу, идущий от них поток животворящей энергии, попадете в стихию чувств, которыми жила она. Ей на роду было написано нравиться и повелевать, быть в центре внимания и одаривать вниманием других. Царское величие, нежность Мадонны, материнская мудрость, скромность и простота — все лучшее, что может дать природа, жило в ее добром и умном сердце, сгоревшем до срока.

О Вере Холодной слагали легенды, поэты посвящали ей стихи, композиторы — романсы, западные продюсеры соблазняли ее большими гонорарами, она же более всего дорожила любовью зрителей, своей репутацией и всецело принадлежала «великому немому».

Вера Холодная была нежной женой, хранительницей домашнего очага, кормилицей большой семьи и рабой поэзии искусства, киноактрисой, способной незамысловатые мелодраматические сюжеты доводить до трагедийного накала, воссоздавать судьбы, в которых причудливо переплетались земные реалии, социальные драмы, роковые страсти и мистические провидения. Она была воплощением десятой музы, первой ее звездой, ее мечтой и былью.

«Слова — это дивно звучащие струны человеческой души, говор цепи чувств, переживаний...

Слово — высшее, что даровано человеку.

Но есть в жизни нечто, где слово бессильно, бывают моменты в жизни человека, непередаваемые словами,— там молчание красноречивее слов.

Немые страдания глубже, тягостнее... Молчаливая радость бурливее, порывистей...

Чувствовать и не говорить... Страдать без слов, когда сердце рвется... Трепетать, охваченной порывом счастья... И не высказать словами, криком этот язык молчания, язык чувств самой души, как он велик, необъятен.

Это — Великий Немой.

Радуясь и страдая, в слезах и в смехе, он мне дорог, понятен в своей глубине и силе, за это я люблю его...» — так писала Вера Холодная о «великом немом».

В 1995 году кинематографу исполняется 100 лет, а двумя годами ранее, в 1993-м,— столетие со дня рождения первой звезды русского дореволюционного кинематографа — Веры Васильевны Холодной. Издательство «Искусство» выпускает к этой дате специальную книгу-альбом, отрывки из которой и предлагаются вниманию читателей «Родины».

ТАМАРА МЕЛЬНИЧУК

М. ЛАНДЕСМАН

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ИЗБРАЛА ЛЮБОВЬ

За сравнительно короткое время своей работы в кино (1915—1919) Вера Холодная сыграла во многих фильмах, исполнила около ста ролей и приобрела славу, которой не имела ни одна из актрис дореволюционного кино. «Королем экрана» долгое время — и вполне справедливо — считался Мозжухин, а потом — Максимов, Полонский и другие. Титул «королевы» русского дореволюционного кино остался за Верой Холодной, и только смерть в 1919 году оборвала карьеру этой популярной кинозвезды.

Уже после первых фильмов с участием Веры Холодной — «Песнь торжествующей любви», «Пламя неба», «Жизнь за жизнь» — о ней начали говорить и пресса, и зрители.

Уместно будет привести оценку Холодной, которая появилась в «Киножурнале» № 13—14 от 28 июля 1916 года под рубрикой «Наши киноартисты» (коротенькие характеристики):

Вера Холодная
«Хоть повези в Америку,
Понравится и там.
Так «делает истерику»—
Не верится глазам.
Глаза такие жгучие,
Что мы б спросить могли:
«Уж не было ли случая,
Чтоб фильм они прожгли?»
Артистка превосходная —
Вот мненье москвича.
Фамилия Холодная,
Игра же — горяча.

Эти немудреные стишки довольно точно, однако, отражают отношение прессы к Холодной.

Критика и рецензенты центральной и периферийной прессы долго искали, чем объяснить успех Веры Холодной. Вначале находили лишь одну причину: Холодная — красивая женщина. Писали о «грациозности и очаровании юности», об «очаровательной улыбке», о «жгучих глазах».

Потом пришли к другому выводу: Холодная «умеет любить по-настоящему» и «воссоздать любовь на экране». При этом не жалели эпитетов, говоря о диапазоне ее чувств, о созданных ею образах — женственных, чарующих, лиричных, исполненных грусти и глубокой печали.

Больше всего комплиментов по адресу Веры Холодной было высказано в период 1917—1918 годов, после выхода на экраны фильма с ее участием «У камина» — кинематографической мелодрамы, где весь сюжет построен на основе одноименного романса, в котором поется: «Любовь — это тот же камин, где сгорают все лучшие грезы».

Однако и прогнозы прессы не раскрыл секрета успеха Веры Холодной. Причину успеха Веры Холодной у зрителя по-своему пытались найти одесские кинопредприниматели. Одним из лучших знатоков зрительских вкусов считался в Одессе владелец кинотреста «Художественный» И. Кругляков, который в день премьеры всегда просматривал фильм вместе с публикой, и не один сеанс, переходя из одного ряда к другому и внимательно прислушиваясь к каждой реплике с мест. Он пришел к выводу, что актрисе, чтобы достичь уровня кинозвезды, нужна лишь красивая внешность и широкая реклама. Нужна пышность обстановки, о которой зритель мог бы только мечтать. Кроме того, актрисе следует сыграть несколько фильмов с одним и тем же ансамблем.

Теперь нам кажется странным, что авторы всех этих «глубокомысленных» гипотез, не лишенных, возможно, в чем-то смысла, забыли простое слово — одаренность.

В. Гардин, один из старейших дореволюционных режиссеров, у которого Вера Холодная дебютировала в маленьком эпизоде фильма «Анна Каренина», после ее выступления вынес свой приговор: «Безнадежно». Но вот что писал он впоследствии в своих воспоминаниях: «...Чувство свободы, которое возникло, вдохновило ее на серьезную работу над собой, и именно в этот период у Холодной появляются попытки создать образ. Если бы Вера Холодная не умерла в молодости, я уверен, что она прошла бы все ступени от живой модели до подлинного мастерства. В последних ее фильмах уже чувствуется пробуждение одаренной натуры».

К. Станиславский считал Веру Холодную возможной исполнительницей роли Катерины в «Грозе»: великий режиссер и педагог, видимо, усматривал в кинозвезде способности настоящей актрисы.

Пусть фильмы, в которых снималась Вера Холодная, часто были фальшиво-сентиментальны, но такова была судьба всех творческих работников дореволюционного кино. И не вина актрисы в том, что ей приходилось играть в выдуманном мире с надуманными героями. Это ничуть не умаляет ее способностей.

Сестра артистки, Софья Васильевна Холодная рассказывала мне: «Вера Васильевна тяготилась ролями героини салонных драм с альковными перспективами, которые она сыграла в большинстве картин. Подлинное творческое удовольствие она получила в ролях: цыганки Маши («Живой труп»), княжны («Княжна Тараканова») и актрисы («Тернистый славы путь»).

Вспоминаю, как после просмотра фильма «Живой труп» в 1918 году Кинг, педагог и одаренный лектор научного общества «Украина», где демонстрировались исключительно документальные ленты и экранизации классиков, заявил в нашей конторе: «Я толстовец и очень критически отношусь к экранизации произведений Л.Н.Толстого. Я шел на просмотр с предубеждением... и этого не ожидал. Маша меня пленила, и я обязательно буду читать лекцию перед этой картиной».

Серьезное и требовательное отношение Веры Холодной к работе актера в кино может проиллюстрировать случай, о котором рассказала Софья Васильевна: «На съемках фильма «Жизнь за жизнь» в кадре, где Полонский, падая, «умирал», он принимал картинную позу: элегантно закладывал одну ногу на другую. Приметив этот несуразный прием, Вера Холодная после съемок обратилась с улыбкой к режиссеру Бауэру: «Евгений Францевич, мы в этом кадре отправили Полонского на небеса, пересмотрите кадр, и вы убедитесь, что это не мертвец; не хватает ему еще сигары во рту, и тогда зритель убедится, что он попал в рай».

Бауэр, который не терпел подсказок артистов, не прореагировал, и этот кадр так и не был исправлен. Следует заметить, что бауэровский фильм «Жизнь за жизнь» в киноведческой литературе принято считать одним из лучших фильмов этого режиссера.

Интересны и такие воспоминания Софьи Холодной: «Еще в Москве, а потом в Одессе, как только начала налаживаться киностудия Харитонова (на Французском бульваре), наша гостиная была превращена в филиал киностудии, где происходила репетиционная работа. Нам этот хаос надоел. С утра до вечера аккорды фортепиано, возгласы, споры о ролях и исполнении. Модистка и Вера Васильевна готовили новое платье для киносъемок. Когда ни войдешь в гостиную, Вера позирует возле трюмо, отрабатывает систему жестов или немые этюды. А когда в гостиной все утихает, нужно ходить на цыпочках, так как Вера с партнером обдумывают роль. Не помню дня, чтобы она днем отдыхала. А кроме этого, шла еще подготовительная работа на киностудии и, наконец, киносъемка!»

Вера Холодная, ученица балетной школы Большого театра, пришла на киностудию случайно. И кино прославило ее.

Она умерла 16 февраля 1919 года от гриппа (испанки), который дал осложнение на легкие. Внезапная смерть застала ее в зените славы, в Одессе, городе, ставшем для нее родным.

Все газеты в некрологах, посвященных умершей, с глубоким уважением писали о ней. Похороны происходили при огромном стечении народа. Траурная процессия растянулась на несколько кварталов.

ТЕНИ НА ЭКРАНЕ

БЕСЕДА С В. В. ХОЛОДНОЙ

(«Киногазета», 1918 год)

Я приехал в тот момент, когда в ателье шла съемка. Шипели юпитера, заливая все ярким светом, мерно трещал съемочный аппарат, и громко раздавался звучный голос режиссера, покрывая собой звуки рояля. Играли танго, и перед аппаратом тангировала красивая пара.

Вдруг пылкий танцор выхватил нож и вонзил его в грудь своей партнерши... Без стона упала она к его ногам. А он диким блуждающим взглядом, выронив нож, смотрел на нее.

«Готово, мерси»,— прозвучал довольный голос режиссера, и все бросились поднимать жертву дикой ревности.

Она встала, улыбаясь.

Это была В.В.Холодная.

Ее легко было узнать по встречам у экрана. Только лицо было покрыто своеобразным желтоватым гримом — так лучше выходит на экране.

Сейчас же после этой сцены ее снимали «крупно», потом снимали только руку убийцы с ножом, и съемка закончилась. Это была сцена из картины «Последнее танго».

С шипением погасли юпитера.

Артистка была свободна.

Меня представили ей, и она любезно обещала принять меня, когда приведет себя в порядок. Ее голос поразил — чистый, ясный, грудной, и я невольно пожалел, что экран отнимает его у нас. Впрочем, он дает нечто большее... Но это к делу не относится.

Через несколько минут я был в уборной артистки.

Вера Васильевна, утомленная игрой и неподготовленная, не могла отвечать на вопросы для интервью. Мы просто беседовали о разных вопросах.

— Вы знаете, игра для экрана требует много напряжения и очень утомляет. Нелегко было привыкать к искуственному свету. Юпитера слепят глаза, а если они много горят — воздух становится душным, и долго играть невозможно. Но я люблю это творчество, независящее от публики, в полном смысле этого слова. Самодовлеющее для актера.

Для нас давление режиссера не очень заметно. Мы вместе продумываем сцены, и после репетиции режиссер лишь корректирует нашу игру, так как наблюдать самому за собой невозможно.

Когда я только начала играть для экрана, меня запугивали режиссерами. Говорили, что это деспоты, насилующие волю артистов, не считающиеся с их творческим пониманием ролей. Но мне пришлось убедиться, что все это пустяки. Первый режиссер, у которого я снималась,— незабвенный Е.Ф.Бауэр,— был очень чуток и всегда поощрял творческую инициативу. Так же относился и П.И.Чардынин. С моим переходом в ателье Д. И. Харитонова, простор для творчества — еще шире. Наша небольшая «коллегия» артистов, как теперь выражаются (я, Максимов, Рунич и Худолеев), и режиссер во всем работаем дружно. Мы, артисты, делаем сцену, режиссеры помогают нам выявить наиболее рельефно для экрана творческие замыслы. Да иначе и нельзя. Необходима полная свобода творчества артиста. Нельзя быть обезъянкой, повторяющей указку режиссера. Нужно и важно отходить от шаблона, в каждой роли быть иной и искать нового.

Главное горе для артистов — отсутствие сценариев, над которыми стоило бы работать. Удивительно, до чего мало истинных творцов в этой сфере. Большие художники и писатели не идут к экрану, не творят для него, а может быть, и дать ничего не могут; новых драматургов экрана совсем нет. Приходится прибегать к инсценировкам, что я считаю нежелательным и для кинематографа, и для артистов. Слишком разные сферы — литература и экран. Необходимы для кинематографа свои собственные, для него созданные произведения. Кинематограф должен показать настоящую жизнь во всем ее многообразии, во всей глубине и сложности ее противоречий, ее красоты и правды. Я верю, что это будет.

А пока приходится играть в инсценировках или в слабых оригинальных кинопьесах. Поэтому я не могу назвать ни одной наиболее любимой моей роли на экране, хотя ко всякому образу, который мне приходилось воплощать, я относилась с увлечением, надеялась создать нечто свое, особенное. А увидишь потом на экране — и разочаруешься. Не то, что в душе лелеяла. Для артиста лучший критик — экран. Моя мечта — это роли трагические и красивые, вроде «Маргариты Готье». Я надеюсь, что еще удастся сыграть их.

Кинематограф я любила с детства. Увлекалась комическими картинами и боготворила Асту Нильсен. Но о кинематографической карьере я не думала. Я готовилась быть танцовщицей, мечтала о сцене. Но я рано вышла замуж — и это заградило мне путь к сцене. Но связей с артистическим миром не прерывала, изредка выступала. Бывая в «Алатре», встретилась там с В. Туркиным, который тогда служил у Ханжонкова. Он пригласил меня к Ханжонкову, где мне поручили роль в «Песне торжествующей любви». Я не решалась сразу браться за такую серьезную роль, я боялась и за лицо, так как мне говорили, что экран часто искажает черты, но меня убедили сначала попробовать, и я согласилась. Я немного робела перед аппаратом, но постепенно освоилась с новой обстановкой и совершенно не думала об аппарате, отдаваясь роли. Особенно мне нравились съемки на натуре. В них столько красоты, правды и естественности. Молчание экрана не тяготит меня; когда же хочется говорить, творить с живым словом прямо перед публикой — изредка выступаю на сцене. Ездила несколько раз на гастроли в провинцию. Но кинематограф — моя стихия. Я им безумно увлекаюсь, люблю его.

Беседа коснулась современного положения кинематографии.

— Заграничная конкуренция нам не страшна. Наоборот, очевидно, там очень считаются с русской кинематографией. Уж если нам предлагают громадные деньги заграничные фирмы — значит, нас там ценят высоко. Но теперь расстаться с Россией, пусть измученной и истерзанной, больно и преступно, и я этого не сделаю. Мне кажется, так думают и другие артисты, и заграничной кинематографии не удастся получить наших козырей в свои руки.

Конечно, мечта всякого артиста, и моя тоже,— сняться в достойном воплощении, в идеально оборудованных заграничных павильонах, так как там техника кинематографа, конечно, выше нашей. Но я верю, что, когда минет современный кризис, русская кинематография и в этом отношении не уступит заграничной.

Будущее экрана — велико и необъятно. И я счастлива, если хоть немного могу принимать участие в этом великом деле, если мои тени на экране дают хоть немного радости людям.

Х.

ЮРИЙ ОЛЕША

ПОЭТ И КОРОЛЕВА

(«Фигаро», Одесса, 1918, № 6)

Я не знаю, кем она была прежде. Говорят, актрисой маленького театрика — опереточной что ли.

Небольшого роста, тонкая, смуглая, с большими, слегка оттененными и немного печальными глазами и капризным ртом.

Маленькая, никому неизвестная актриса.

И случилось так, что ее узнали все, во всех уголках России.

Вера Холодная — королева призрачного и великолепного трона. Королева экрана.

Я не знаю, кто она: нежно ли ее сердце, проста ли душа. Но я знаю, что чуткий, нервный поэт Вертинский посвящал ей свои песенки — этот прелестный бред, эти кажущиеся неглубокими и овеянные неизъяснимым очарованием «арриэтки Пьеро».

Он тоскует по ней:

«Где Вы теперь? Кто Вам целует пальцы?»

Она грезится ему таинственной, загадочно-пленительной женщиной, ищущей неизведанных наслаждений то в притонах Сан-Франциско, то в ласках экзотического малайца...

Может быть, она такая. Не знаю.

Но когда я ее вижу на экране, я вспоминаю эти грустные песенки, и моментами кажется, что не только наркотики вызвали в воображении больного, издерганного, похожего на Пьеро, поэта его порою трогательные, порою жуткие образы.

Может быть, изящный, надменный рот королевы сказал влюбленному поэту неодолимые слова, печальные и последние, как осенние листья.

Это нежно и хорошо: милый, бледный, «кокаином распятый» поэт и очаровательная капризная королева.

Неведомо откуда пришедшие, кем-то найденные и ставшие вдруг милыми и близкими.

Л. БОРИСОВ

ВЕРА ХОЛОДНАЯ И ВЕРТИНСКИЙ В ГОСТЯХ У РАНЕНЫХ ВОИНОВ

В доме № 24 по Загородному проспекту в двух огромных корпусах помещался в годы первой мировой войны госпиталь для больных и раненых воинов. Госпиталю было присвоено имя бельгийского короля Альберта. В домах соседних жили знаменитые артисты — Вера Холодная, звезда русского киноэкрана, и Александр Вертинский, популярный исполнитель песенок настроения, он же композитор и отчасти сочинитель исполняемых песенок. Впрочем, спустя несколько лет он стал популярен главным образом как автор особо известных песенок, которым уже подражали, заучивали наизусть. Говорят, существовал в дореволюционном Петербурге подпольный кружок Вертинского, под названием «Лиловый негр».

В госпитале с первых дней войны работали сестрами милосердия дамы великосветских фамилий, жены и дочери крупных буржуазных и министерских деятелей. Им ничего не стоило пригласить в госпиталь в качестве желанных гостей для больных и раненых воинов (но не в те палаты, где лежали нижние чины, само собой разумеется) и Веру Холодную, и Вертинского. В военных госпиталях пели для раненых офицеров и Шаляпин, и Собинов, и Долина, а к нижним чинам приходили куплетисты из кинематографов и клоуны из цирка.

В одно из зимних воскресений в конце пятнадцатого года в палату № 17, где лежали штабс-капитаны, подполковники и один вольноопределяющий — племянник члена Государственной думы Коновалова, пришли Вера Холодная и Вертинский. Они вошли в большую, на сорок шесть человек, палату, под руку, непринужденно о чем-то переговариваясь и без умолку смеясь. Один из раненых отдал входящим артистам рапорт о количестве в палате больных и раненых и о том, что вся палата рада визиту дорогих артистов.

Мне посчастливилось попасть на этот вечер благодаря знакомству с одним из врачей госпиталя. Я надел белый халат и скромненько поместился возле печки в конце палаты. Какие-то на редкость, до синевы, белые халаты с широкими кушаками вместо обычных завязок были накинуты на плечи гостей. В дверях слева и справа стояли раненые соседних палат. Всего вместе с врачами собралось не менее семидесяти человек.

Я не мог понять, что будет делать артистка кинематографа, как и что она будет играть, а может быть, даже петь или читать. Я уже не однажды слышал Вертинского, мне он нравился как большой одаренный артист, но я был активно против его песенок: они казались мне (да такими и были в действительности) жеманно-надуманными, высосанными из пальца, как и поэмы родного брата его по ремеслу — Игоря Северянина.

Но, как и многие другие в тот вечер, я получил не то, чего ожидал.

Вера Холодная и Александр Вертинский танцевали модное в те дни танго.

В коридоре кто-то играл на пианино, звуки приглушенно достигали палаты, где на небольшом пространстве между двумя рядами кроватей танцевала знаменитая пара. Они сняли халаты, Вертинский надел цилиндр, очаровательная Вера Холодная — маленькую шляпу, лицо скрыла нежной паутинкой серебристой вуали.

Танго — танец пряный, возбудительный, в нем и мечтательность, и тоска неизвестно по кому или чему. Танго, по словам Александра Рафаиловича Кугеля,— это танец для людей поживших, усталых. Не знаю, сколько лет было в пятнадцатом году Вере Холодной и ее партнеру. Полагаю, что вместе им не было пятидесяти.

Кто видел хоть однажды этот танец (есть много танго, но в тот день танцевали наиболее знаменитое, а именно Фурляну, первое танго, появившееся в России), тот навсегда запоминал его мелодию, а мелодия помогала припомнить все па этого танца. Холодная и Вертинский исполняли его словно нежное лирическое стихотворение с рефреном: были такие па, которые повторялись через равные промежутки времени, да и сама музыка вызывала ассоциации стихотворные и — непременно — перевода с французского.

Вертинский танцевал с большим мастерством. Этот талантливый человек — люби его или не люби, кому как угодно,— все, что ни делал, делал с душой, со страстью, с большим умением, профессионально. Однажды увидев или услышав его, забыть уже было нельзя, даже в том случае, если вы восставали против его упадочных, больных песенок.

Вера Холодная танцевала под стать своей фамилии, но, возможно, так оно было нужно. Прошло более полувека с того вечера, когда я любовался искусством этой пары... Помню блеск глаз, вижу тот молчаливый восторг, с каким отозвались раненые на заключительное па танца, после которого Вертинский и Холодная, поклонившись в обе стороны, отошли в глубь палаты. Наконец, пара была награждена такими аплодисментами, о которых только и можно мечтать каждому артисту.

Танго танцевали на «бис». Потом они исполнили вальс «Миньон», и уже только в конце Холодная прочитала стихотворение, не помню имени автора, но суть его отвечала тогдашней современности: молодой офицер ранен, и сестра милосердия склонилась над ним, а ему кажется, что это его невеста... Вертинский исполнил несколько своих песенок, а затем еще раз, по настойчивейшей просьбе возбужденной аудитории, они танцевали танго и вальс «Миньон».

В палатах для раненых нижних чинов выздоравливающие и те, у кого были здоровые ноги, до глубокой ночи имитировали знаменитую пару, и никто не смеялся, никто не подавал каких-либо реплик. Все сразу же запомнили мотив и, напевая, подавали его танцующим. Пришли сиделки (теперешние санитарки) и вместе с ранеными окунулись «в омут страстей». Сестры милосердия из демократических слоев танцевали с врачами в коридоре.

Танцевал весь госпиталь...

ПЕТР ЧАРДЫНИН
кинорежиссер

КОРОЛЕВА

(«Киногазета», 1918 год)

На моих глазах выросло это прекрасное дарование. Расцвел пышный цвет, и я счастлив, что на мою долю выпало лелеять это нежное растение почти с момента его зарождения... Это самая большая гордость моей жизни... Гордость садовника, в саду которого распустился красивейший бутон, гордость ювелира, положившего хотя ничтожную грань на драгоценнейший алмаз...

Три года тому назад... нет, даже меньше, не три, а меньше, пришла к нам В. В. Холодная. Скромная, робкая, как всякое истинное дарование, она с трепетом вступила в кино, и мы сразу почувствовали, что в лице ее «великий немой» приобрел нечто огромное. Каждый ее шаг, каждое новое выступление служило подтверждением этого, и мне особенно отрадно было сознание, что Вера Васильевна явилась блестящим подтверждением тогда еще смутных моих предположений, выросших впоследствии в глубокую уверенность, что театр и кино — вещи столь различные, что для кино должен прийти свой артист, как и свой писатель: свой Островский, свой Шекспир, своя Ермолова и своя Сара Бернар, и Вера Васильевна является блестящим подтверждением этому — она не была на сцене, и я с глубоким убеждением говорю, что в этом счастье для кино: В.В. ничего не взяла ходульного и фальшивого от театра, в ней осталась ее простота, грация, проникновенность. У нее нет позы; но в каждом ее движении — музыка, пластика в каждом жесте. Пластика не фальшивая, не шаблонно-театральная, а одухотворенная гармония тела и души.

Нам часто приходится слышать упреки, что репертуар кино убог, бездарен, и в этом огромная доля правды — но ведь мы ждем еще своего Шекспира! Но тем более заслуг для служителей «великого немого», если им удается стащить с ходуль фальшь и тривиальность, облагородить пошлость и приблизить к жизни. Посетители кино должны заметить, что редко кто обладает в такой степени этой способностью как Вера Васильевна. Самые шаблонные образы в ее передаче являются такими одухотворенными, такими трогательными и нежными, что заставляют забывать всю их фальшь и пошлость. В этом, конечно, и заключается ее успех, за это, конечно, и публика платит ей горячей любовью, благодаря этому она и сделала в такой ничтожный срок поистине головокружительную карьеру, и я почитаю для себя величайшим счастьем, что хоть частичка сияния ее падает на ее старого режиссера, и словами старика Несчастливцева я скажу: «Ты войдешь на сцену королевой и сойдешь королевой»...

РЕПЕТИТОР

«Родина» продолжает путешествие по «острым углам» программы для абитуриентов. Чем ближе экзамены, тем серьезнее нужда в разъяснении наиболее темных и непонятных проблем. Для сегодняшнего «Репетитора» мы специально подобрали именно такие вопросы:

— новое прочтение Февральской революции;

— портрет первопечатника Франциска Скорины;

— очередной конспект, повествующий об истории Сибири и Дальнего Востока в прошлом веке;

— и ставшие уже привычными тесты,— на этот раз посвященные феодальной раздробленности.

ПАВЕЛ ВОЛОБУЕВ,
академик

В нынешнем году исполняется три четверти века сразу двум российским революциям. И если раньше все терялось в многоцветии праздничных октябрьских лозунгов, то теперь самое время сосредоточить внимание на проблемах «победоносного Февраля».

РЕВОЛЮЦИЯ МЧАЛАСЬ НА ВСЕХ ПАРАХ

Февральской революции в нашей историографии не повезло изначально. Казалось, этому «невезению» можно найти логичное объяснение: ее заслонила случившаяся через 8 месяцев Октябрьская революция, потрясшая весь мир. Тем не менее в 20-е годы были выполнены первые исследовательские работы, представляющие интерес и в наши дни. Но затем в историческую науку начал властно вмешиваться такой непревзойденный мастер фальсификации, как Сталин. В кратком курсе «Истории ВКП(б)» Февральскую революцию лишили своего самостоятельного места и пристегнули к первой мировой войне. Ее значение неизменно занижалось. Попытки вернуться к осмыслению действительной роли Февраля, соотношения с октябрьскими событиями, предпринятые в конце 60-х — начале 70-х годов, были решительно пресечены тогдашним руководством отдела науки ЦК во главе с С. П. Трапезниковым. Последнего особенно возмутило стремление историков показать роль стихийного фактора, спонтанный характер события, сложный состав классовых сил — участников революции, ввести элементы исторической правды в освещение политики большевистской партии. Автору этих строк пришлось за такие попытки даже угодить в число ревизионистов.

Февральской революции и ее творцам, однако, необходимо воздать по заслугам. Именно в дни Февраля почти единодушно была осуждена и свергнута романовская монархия и весь олицетворяемый ею определенный социально-политический строй — строй народного бесправия, нищеты и бедности, полицейско-бюрократического произвола и деспотизма.

Царский режим рухнул как карточный домик, и ему на смену пришел — впервые в истории России — демократический строй, причем по тем временам самый передовой в мире. Именно от февраля 1917 года следует вести отсчет демократии в истории нашей страны. Эта революция и была, по сути, совершена во имя свободы и демократии, хотя у ее главных участников были и другие цели.

Февральская революция наступила почти неотвратимо. Не случайно Н. Суханов писал о ней как «о неизбежной революции, мчавшейся к нам на всех парах». Неотвратимостью революционной развязки пугали царя Николая II буржуазно-либеральная оппозиция и даже... великие князья. Ее ждали, и ее боялись.

Февральская революция была революцией пролетариата, крестьянства (в лице солдат) и буржуазии. Последняя присоединилась к ней на завершающем этапе, но ее оппозиционная борьба в 1915 — начале 1917 года сыграла серьезную роль в ослаблении царского режима, в изоляции правящей камарильи от общества. Плохо исследована роль военных — генералитета и офицерства. А она оказалась таковой, что в решающий момент царь остался без привычной военной опоры.

Но, пожалуй, самым сильным катализатором революции стал сам Николай II и его ближайшее окружение. Царь с упрямством, достойным его самодержавных предшественников, отвергал всякие предложения либеральной оппозиции и высших военных чинов о необходимости уступок, о переходе от авторитарного правления к ответственному министерству, о минимальных реформах. Прав был кадет В. А. Маклаков, когда писал, что «Верховная власть уже с рельс сошла и летела к пропасти, ничему не внимая». Разложение — социальное, политическое, моральное — царского режима подошло к критической черте. Я согласен с мнением известного советского историка К. Ф. Шацилло, что царь Николай II своей бездарной политикой привел страну к революции, а себя и свою любимую семью сам загнал в подвал Ипатьевского дома.

Почему же Февральская буржуазно-демократическая революция потерпела поражение? Она осталась *политической революцией*, то есть не сумела решить социальных задач (аграрный, рабочий и национальный вопросы и т. п.). Созыв Учредительного собрания, которое должно было обустроить Россию на демократических началах, был сорван — причем сознательно — буржуазией. А. Керенский не прав, когда, оправдывая самого себя, позднее писал, что «Февральская революция не только не медлила удовлетворить революционное нетерпение масс (их законные требования.— *П. В.*), но что она в этом стремлении подошла к самому краю пропасти».

Не решив своих социальных задач, революция неизбежно пошла к своему пролетарскому, большевистскому финалу. Отсюда следует, что Февраль был не только *прологом*, но и *залогом* Октября. В его нерешенных задачах заключался могучий стимул дальнейшего развития революции. В свою очередь, В. А. Маклаков верно выразил соотношение Февральской и Октябрьской революций. «Не будь Октября,— писал он спустя более 10 лет после революционных событий 1917 года,— Февраль мог остаться сотрясением на поверхности... В России остались бы прежние классы, остался прежний социальный строй, могла бы быть парламентарная монархия или республика». Народ же, разбуженный Февралем, неудержимо стремился опрокинуть старые порядки, утвердить свободу и демократию, коренным образом обновить и улучшить свою жизнь. Другое дело, что коренные исторические результаты Октября оказались по вине сталинизма иными.

И пока на Руси не утвердится правовое демократическое государство, до тех пор демократическая революция будет стоять в повестке дня.

ЛОГИКА ПЕРЕВОРОТА

1917 ГОД, ФЕВРАЛЬСКИЙ ДЕМОКРАТИЗМ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

1. Путь к Февралю, крушение монархии: неизбежность или стечение обстоятельств?

2. Февральский переворот — массовое движение, «заговор оппозиции» или пролетарско-солдатский «взрыв»?

3. Февраль и Октябрь. Демократия, военная диктатура или большевизм?

4. Уроки революций 1917 года: «веховство» или революционаризм?

Эти четыре проблемных узла пытаются распутать известные специалисты по истории российских революций:

доктор исторических наук Олег Владимирович Волобуев (Комитет по делам архивов Российской Федерации);

доктор исторических наук Генрих Зиновьевич Иоффе (Институт Истории России РАН);

доктор исторических наук Александр Давидович Степанский (Российский государственный гуманитарный университет).

ОЛЕГ ВОЛОБУЕВ

1. В «Докладе о революции 1905 года», прочитанном Лениным незадолго до февральских событий 1917 года, он сетовал на то, что, может быть, его поколение не доживет до «светлых дней» революции в России. Что это — отсутствие исторического предвидения или понимание того, что революции, даже если верить в их неизбежность, все же еще и «стечение обстоятельств»?

Каждое событие истории — результат деятельности людей и не может быть фатально предопределено. Правильнее всего было бы сказать, что Россия шла к крушению монархии, потому что правившие ею самодержцы, их окружение, высшая бюрократия оказались не в состоянии провести необходимые стране преобразования. Первая мировая война усугубила трагедию недореформированной России.

2. Участник так называемого заговора лидер партии октябристов А. И. Гучков вспоминал в 1932 году: «О возможности замены монархии другим строем речи... не было, но отречение государя давало возможность укрепить строй». На решение Николая II об отречении повлияло не столько выступление пролетарско-солдатских масс Петрограда, сколько позиция армейских верхов, генералитета, и думских представителей, высказавшихся за отречение как единственный выход из создавшегося положения.

Конечно, февральская революция была в определенной степени подготовлена массовым революционным движением в России. По сути же она явилась социальным взрывом, вызванным тяготами военного времени, ненавистью масс к власти, ввергнувшей страну в кровавую бойню и оставившей столицу без хлеба.

3. Ситуация накануне Октября не выражалась дилеммой: военная диктатура или большевизм. Неудача корниловского выступления блокировала, думается, надолго новую попытку решения вопроса о власти путем генеральского путча. Речь скорее шла о противостоянии демократии и революционаризма.

Демократия имела свой шанс. Буквально накануне Октябрьского переворота предпарламент принимает решение о немедленном заключении мира. Не случайно Ленин торопит большевиков: «Завтра будет поздно!»

Большевики пришли к власти в октябре 1917 года в ситуации, во многом напоминавшей февральскую: то же падение престижа власти, та же изнурительная война, тот же «голодный паек» для народа. В воззвании петроградского городского головы, опубликованном накануне Октябрьского переворота, констатировалось: «Мука теперь почти совсем не прибывает — приходит одно зерно. Наши мельницы только с величайшим напряжением успевают перемалывать то количество зерна, которое необходимо для дневного пропитания столицы... Граждане! Наше положение таково, что если запоздает почему-либо товарный поезд, или замедлится почему-либо выгрузка, или остановится на несколько часов мельница, то продовольствие столицы очутится в критическом состоянии». В этой ситуации произошло как бы наложение «организованной революции» на волну нарастающего народного возмущения, но уже не против монарха, а против Временного правительства.

Таким образом, сам по себе бланкизм, который, бесспорно, был присущ большевикам, не мог бы обеспечить им победы без наличия соответствующих революционных условий. Это подтверждает июльский провал попытки «левого путча» в Петрограде. Временное правительство тогда еще имело кредит доверия.

В заключение мне бы хотелось напомнить слова Н. Бердяева: «Нет ничего более жалкого, чем столь распространенные в русской заграничной среде споры о том, произошла ли в России революция или смута, и кто будет отвечать за революцию». Тот, кто создает почву для народного возмущения, в той же мере готовит революцию, как и экстремистские партии. Можно сказать, что непопулярное правительство и революционные силы выступают как соавторы разрушительной стихии переворотов.

ГЕНРИХ ИОФФЕ

1. То, с чем мы часто сталкиваемся сегодня — с идеализацией старой, дореволюционной, монархической России,— несерьезно, поверхностно. Однако это прошлое не несло в себе неотвратимости той социальной катастрофы, которая, начавшись в феврале 1917 года, кажется, не исчерпала всех своих последствий и по сей день. Узелки того, что потом провозгласили Февральской революцией, завязались в хлебных очередях и в случае умелого и оперативного реагирования городских властей могли быть быстро развязаны. Этого не произошло. И движение стало шириться, втягивая в себя все новые слои рабочих, городских обывателей, а затем и солдат Петроградского гарнизона, практически разложившегося. В случае энергичных действий со стороны властей или командования не существовало сколько-нибудь серьезных препятствий для локализации и прекращения того, что происходило в столице по крайней мере в последние февральские дни. Вот почему ничего закономерного в Феврале 1917 года, по-моему, не существовало, и какого-то неотвратимого пути к нему я лично не вижу. Буквально для всех она была неожиданной.

2. Теперь немного о «заговоре» оппозиции. О нем можно говорить, конечно, только в кавычках. Если не считать зародышевых заговоров с целью смещения Николая II и замены его наследником престола, то речь может идти только о вполне легитимном давлении либеральной (думской) оппозиции на власть с целью подвигнуть ее на путь конституционализма западного образца. Эта идея, осуществление которой связывалось с ликвидацией самодержавия и последующим либерально-демократическим развитием страны, находила широкий общественный отклик. Сколь бы ни было значительным так называемое «массовое движение», сколь бы ни был неожиданным «пролетарско-солдатский взрыв» в Петрограде, без давления либерально-демократической оппозиции накануне и в ходе самих февральских событий ничего бы не произошло. Мне кажется, Милюков сразу после Февраля утверждавший, что его исход решила Государственная дума (позднее он от этого отказался по политическим соображениям), был прав. Из факторов, «обусловивших» Февральский переворот, решающим мне представляется антисамодержавная деятельность либеральной демократии. Она «раскачала лодку» власти в период тяжелейшей войны, и она же использовала пролетарско-солдатский «взрыв» или пролетарско-солдатскую смуту в февральские дни 1917 года для достижения своих заветных целей. К этому хотелось бы добавить еще один важный момент, значение которого все еще игнорируется или преуменьшается в историографии: отречение царя. Многие считают, что иного выхода у Николая II, оказавшегося в «псковском пленении», попросту не существовало. Это сомнительно. Действительно, на Николая II со стороны думских лидеров и высшего генералитета было оказано мощное давление, рассчитанное на его отречение, но трудно себе представить, что дело могло закончиться насильственным арестом или, тем более, убийством царя в случае его несогласия оставить престол. Нет, Николай II, оказавшись в трудной обстановке, будучи, по-видимому, психологически сломленным, отрекся все же добровольно. Он согласился с убеждавшими его думцами и генералами, что этим актом он умиротворит страну и сохранит монархический строй. В этом состоял его (и не только его!) просчет. А между тем он не раз говорил, что либеральные деятели «не знают России», поэтому, придя к власти, не сумеют удержать ее, что грозит развалом и анархией...

3. До корниловского путча либерально-социалистическая коалиция, плохо-хорошо, но удерживала политический status quo, не давая экстремистским силам втянуть страну в гражданскую войну. Правда, корниловский путч взорвал эту коалицию, усилил анархические проявления в армии и в тылу и, безусловно, создал, разрыхлил почву для активизации и консолидации левого экстремизма — большевизма. Но даже и тогда революционно-демократические партии и организации могли создать новую коалицию — однородно-социалистическую, посредством проведения радикальных реформ способную блокировать левоэкстремистский переворот. Только раскол «демократического фронта», раскол, в котором главную роль сыграло ленинско-троцкистское крыло большевизма, уничтожил эту возможность.

Пожалуй, наибольшую ответственность за провал послефевральского демократического режима должен нести А. Керенский, который пытался сохранить центристскую позицию, «заигрывая» то с правыми, то с левыми, в итоге же вызывая раздражение и неудовольствие и тех, и других. Прав Ф. Степун, утверждавший, что ошибка Керенского не в том, что он вел линию на сохранение демократии, а в том, что она велась им явно непоследовательно и неэнергично. С другой стороны, наличие в большевистских рядах таких «харизматических» вождей, как Ленин и Троцкий, определяло успех левого экстремизма. Нельзя забывать, что большевизм в 17-м году был неоднороден, что в нем существовало значительное правое крыло, проявлявшее готовность к сотрудничеству с другими социалистическими партиями и революционно-демократическими организациями. Поэтому, отвечая на третий вопрос, я позволил бы себе высказать мнение о реальной возможности демократической альтернативы Октябрю.

4. Спустя 75 лет, обозревая свой мучительный, трагический путь, мы, кажется, вправе сказать: революционизм, революционные методы обновления общества в XX веке не оправдали себя. И не могли оправдать, ибо основывались на идее насилия. «Веховство», проклинаемое и критикуемое революционерами, да и некоторыми либералами, как идеология несло в себе несравненно большую глубину провидения и несравненно больший гуманизм. М. Гершензон в предисловии к сборнику «Вехи» (1909) писал, что у его авторов — общая платформа. В ней «признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства. С этой точки зрения, идеология русской интеллигенции, всецело покоящаяся на противоположном принципе — признании безусловного примата общественных форм,— представляется участникам книги внутренне ошибочной, т. е. противоречащей естеству человеческого духа, и практически бесплодной, то есть неспособной привести к той цели, которую ставила себе сама интеллигенция,— к освобождению народа» («Вехи». М., 1990, с. 7). Еще через 9 лет, в 1918 году, один из авторов «Вех» П. Струве в предисловии к другому «веховскому» сбонику «Из глубины» писал: «Сборник «Вехи», вышедший в 1909 году, был призывом и предостережением. Это предостережение, несмотря на всю вызванную им, подчас весьма яростную, реакцию и полемику, явилось на самом деле лишь робким диагнозом пороков России и слабым предчувствием той моральной и политической катастрофы, которая грозно обозначилась еще в 1905—1907 годах и разразилась в 1917 году. Историк отметит, что русское образованное общество в своем большинстве не вняло обращенному к нему предостережению, не сознавая великой опасности, надвигавшейся на культуру и государство» («Из глубины». М., 1991, с. 5).

То, что «образованное общество» не вняло «веховским» предостережениям через 9 лет,— это еще как-то можно понять. Но то, что оно (общество) даже спустя 70—75 трагических, гулаговских лет не извлекло из нашей истории практически никаких уроков,— это поразительно...

АЛЕКСАНДР СТЕПАНСКИЙ

1. Абсолютная монархия в европейском государстве XX века существовать не могла. Чтобы уцелеть, российская монархия должна была превратиться в конституционную. Однако Николай II и стоявшие за ним консервативные силы упорно этому сопротивлялись. Их не устраивали даже псевдоконституционные формы, порожденные 1905 годом. В результате мирная эволюция политического строя, на которую уповали либералы, оказалась невозможной. Это делало взрыв неизбежным. К тому же, накануне 1917 года произошло катастрофическое падение личного престижа Николая II (и императрицы), а других достойных кандидатов на престол династия Романовых не имела. Поэтому сохранить монархию после Февраля не удалось (хотя сохранить ее хотели и такие люди, как Милюков).

2. Февральскую революцию необходимо рассматривать в сопоставлении с революцией 1905—1907 годов. Между тем в нашей литературе такое сопоставление практически не проводится. В основном это связано с тем, что Февраль никак не вписывался в ленинскую схему буржуазно-демократической революции (ненаучное определение 1905 года как «генеральной репетиции» Октября лишь запутало историческую науку).

В 1905 году, резко полемизируя с меньшевиками, Ленин противопоставил вооруженное восстание и выступление Государственной думы. Между тем и декабрьское восстание, и I Дума сами по себе оказались бессильны. В феврале же 1917 года сочетание этих двух факторов дало замечательный эффект. Важнейшей особенностью Февраля было и то, что почти все решающие события произошли в одном Петрограде (причем всего за несколько дней). В данных конкретных условиях массовое движение было фактически тождественно «пролетарско-солдатскому взрыву».

«Заговора оппозиции», конечно, не было, но нужно подчеркнуть, что оппозиционные самодержавию силы в Государственной думе сумели быстро сориентироваться и «сработали» достаточно четко. Оценивая Февраль, необходимо говорить не только о тех силах, которые так или иначе выступили, но и о тех, кто не выступил. Может быть, самое интересное в этой революции не то, что кто-то выступил против царизма, а то, что никто (фактически) не выступил за него. Иными словами, дело было не только в «движущих силах» революции, но и в «неподвижных силах» контрреволюции (а это отдельная большая тема).

3. Между всеми тремя российскими революциями существовала глубокая внутренняя связь, и не стоит резко отделять «социалистическую» Октябрьскую от двух «буржуазно-демократических». Что бы там ни говорили о гегемонии пролетариата, главным революционизирующим фактором российской действительности начала XX века было стремление крестьян получить помещичью землю. Можно сколько угодно доказывать, что крестьянские требования были неправомерны юридически и нецелесообразны экономически,— крестьяне хотели именно этого (а отнюдь не столыпинских хуторов), и именно на этом сломала себе шею старая Россия.

В 1905 году крестьяне надеялись получить землю из рук царя — и разочаровались в монархии. После Февраля они надеялись получить ее от новой власти — и разочаровались в ней. Последняя надежда была на большевиков...

4. Важнейший урок всех революций: они происходят тогда, когда общество утрачивает надежду на эволюцию. Эта последняя имеет массу преимуществ перед революцией, но при одном условии: если она (эволюция) действительно имеет место. Когда же ее нет, появление силы типа большевиков неизбежно.

Нападая на революционаризм, «веховцы» недооценивали объективные причины, порождавшие данное явление. Вместе с тем, стоит прислушаться к веховским суждениям о «безгосударственности» российской интеллигенции. Ее слабые способности в сфере государственного строительства (тем более в экстремальных обстоятельствах) сыграли в 1917 году далеко не последнюю роль.

СЕРГЕЙ АЛЕХНОВИЧ

Франциск Скорина

Среди исторических личностей, упомянутых в программе и традиционно вызывающих «нулевую реакцию» абитуриента, выделяется имя Франциска Скорины. Парадоксально, но факт: монополия Ивана Федорова именоваться первопечатником прочнее всего держится в головах выпускников советской средней школы. Между тем о Скорине написано и сказано немало, тем более в последние годы: 500-летие выдающегося белорусского гуманиста отмечали целых пять лет (1986—1990), ввиду отсутствия точной даты рождения. Несмотря на обилие монографий, статей и даже энциклопедию, имеет смысл кратко наметить основные вехи биографии этого замечательного человека.

«Мы не немцы», и личность отдельного человека, будь он даже трижды знаменит, с необычайной легкостью теряется в тумане столетий. Безвозвратно уходят всяческие «мелочи» — даты рождения и смерти, целые годы жизни. Не исключение и биография великого белорусского просветителя Франциска Скорины.

Родился он в древнем Полоцке в конце XV века. В те времена город насчитывал более 10 000 жителей и являлся одним из крупнейших военных, ремесленных и торговых центров Великого княжества Литовского. Отец и старший брат Франциска торговали пушниной и кожами и судя по всему были людьми достаточно обеспеченными. Это обстоятельство позволило юноше получить полноценное образование: в 1504 году в числе студентов Краковского университета появился «Франциск, сын Луки из Полоцка».

С легкой руки исследователя прошлого века А. Петрушевича широко распространилась версия о том, что настоящее имя Скорины было Георгий, а Франциском он стал, чтобы проникнуть в католический университет. В эпоху позднего сталинизма «православное» имя было официально канонизировано, а в 1967 году специальное заседание бюро Отделения общественных наук белорусской Академии наук утвердило вариант полного имени Скорины — Франциск (Георгий). Между тем существует только один источник — привилей короля Сигизмунда I (1532), где он именуется подобным образом. Ученые не раз указывали на возможность писарской ошибки. Версия Петрушевича, что называется, взята с потолка — в Кракове свободно обучались студенты самых разных вероисповеданий. Теперь Скорину принято называть всего одним именем (а «Георгия» убрали даже с памятника, установленного на родине просветителя).

Не меньше загадок и с датой рождения Скорины. Энциклопедии и справочники вслед за П. Владимировым (1888) привычно относят это событие «ок. 1490», так как юношей моложе 14 лет в университеты не принимали. В 1925 году белорусский искусствовед Н. Щекотихин выдвинул оригинальную версию. Исходя из того, что на гербе (издательском знаке) Скорины изображено солнечное затмение, он предположил, что выбор такого знака скорее всего связан с каким-нибудь знаменательным событием в его жизни, вероятнее всего — с днем рождения. В таком случае Скорина родился 6 марта 1486 года, когда в Полоцке можно было видеть «гибель солнца». Убедительных возражений против этой парадоксальной гипотезы до сих пор нет.

В декабре 1506 года Скорина получил в Кракове степень бакалавра. После этого его следы теряются на долгие шесть лет. За это время он получил магистерскую степень и получил право именоваться доктором свободных искусств и профессором. 5 ноября 1512 года в Падуанском университете заседала коллегия докторов свободных искусств и медицины. Председательствующий, вице-приор коллегии Тадео Муссати, отметил, что «в Падую прибыл весьма ученый, но бедный молодой человек, родом из весьма отдаленных стран... Он просит коллегию в знак особой милости подвергнуть его испытаниям в области медицины... Зовут его Франциск, он сын покойного Луки Скорины из Полоцка, русин». Скорина достойно выдержал все испытания и был провозглашен доктором медицины. Портрет белорусского ученого украшает знаменитый Зал сорока, где помещены изображения наиболее выдающихся выпускников Падуанского университета.

После 1512 года Скорина пропадает еще на пять лет, в течение которых он всерьез увлекся книгопечатным делом. Он принялся за гигантскую работу — перевести на родной язык и издать типографским способом всю Библию. Для осуществления идеи нужны были не только обширные познания, но и значительные средства, которых «доктору Франциску» не хватало всю жизнь. На открытие собственной типографии денег не было, и Скорина скорее всего арендовал одну из пражских типографий (как полагает известный исследователь Е. Немировский, она принадлежала печатнику Микулашу Коначу). 6 августа 1517 года стало днем рождения белорусского и восточнославянского книгопечатания — в этот день появилась на свет первая скорининская книга — «Псалтырь». До конца 1519 года Скорина выпустил 20 изданий — большинство известных тогда книг Ветхого завета, каждая из которых снабжена оригинальным предисловием и послесловием.

Из Праги Скорина перебирается в Вильну. В столице Великого княжества в течение 1522—1525 годов появилось по крайней мере 22 издания, после чего его издательская деятельность прекратилась. Дальнейшая судьба первопечатника известна нам в виде отрывочных данных, достоверность многих из них относительна. Точно установлено, что в 20-х годах XVI века полоцкий гуманист был секретарем и личным врачом виленского епископа Яна, внебрачного сына короля Сигизмунда. В те годы в Вильне вокруг епископской кафедры сложился кружок образованных, неординарно мыслящих людей. У Скорины были влиятельные покровители — князь Константин Острожский, богатые виленские купцы. Но не все складывалось удачно — зависть и недоверие окружающих были существенным тормозящим фактором.

На печатную книгу в начале XVI века кое-где смотрели откровенно враждебно. Известный славист А. В. Флоровский выдвинул версию о посещении Скориной Москвы. В инструкции короля Сигизмунда II Августа (август 1552) утверждается: «...когда в правление нашего богоданного родителя какой-то его подданный, ведомый благочестивым намерением, решив отпечатать и издать на русском языке Священное писание, прибыл к московитам, эти книги были публично сожжены по приказу князя, потому что были изданы подданным римской церкви и в местах, подлежащих ее власти». Вероятнее всего, что сам первопечатник в Москву так и не добрался, но один из главных его «спонсоров» виленский купец Богдан Онков действительно посетил русскую столицу в середине 20-х годов. Очень возможно, что именно Онков и привез «подрывную литературу». Можно уверенно говорить о том, что скорининские издания были неплохо известны в Москве, как, впрочем, и на Украине, в Польше, Чехии, других славянских землях. Совсем недавно американский ученый Х. Олмстед доказал знакомство с книгами Скорины известного вольнодумца Максима Грека, осужденного в Москве в 1525 году.

В конце двадцатых годов Скорина пережил тяжелые времена. Смерть старшего брата и жены повлекла за собой долгую имущественную тяжбу (в 1532 году его даже упрятали в познанскую тюрьму за неуплату долгов). «Доктор Франциск» часто переезжал с места на место и в конце концов снова обрел пристанище в Праге, занимаясь устройством итальянского сада короля Чехии и Венгрии Фердинанда I. Там же, в чешской столице, его настигает смерть. Точную дату этого события трудно определить однозначно. Согласно двум самым распространенным гипотезам, кончина Скорины последовала или в 1541, или в 1551—1552 годах.

Книги Скорины надолго пережили его самого, явив миру выдающегося ученого-гуманиста, неутомимого просветителя, яркого поэта (он первым из восточнославянских литераторов использовал в своих стихах рифму). Язык и стиль Скорины были одинаково понятны в Полоцке и Вильне, в Москве и Киеве. Его книгопечатная техника представляет собой настоящее искусство, ставшее объектом для подражания у его последователей — Симона Будного, Василия Тяпинского, Ивана Федорова. И в наше время жизнь и наследие Скорины являются мощным фактором пробуждения национального самосознания белорусского народа. 500-летие великого полочанина, широко отмеченное в конце 80-х годов по решению ЮНЕСКО, лишний раз продемонстрировало это. И не случайно Ленинский проспект в Минске совсем недавно переименован в проспект Скорины. Ведь Книга на беспристрастных весах истории всегда окажется значительнее любых политических идей и догм...

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В XIX ВЕКЕ

Земли Сибири и Дальнего Востока, где был велик процент коренного населения, были объектом русской колонизации, сырьевой базой и рынком сбыта для русской промышленности. У многих народов этих окраин феодальные отношения переплетались с партриархально-общинными. Различия в социально-экономическом и культурном уровне этих народов определяли различия в политике царского правительства по отношению к нерусским народностям этих районов. К натуральному налогу коренных обитателей — ясаку — центральная власть добавила множество других денежных и натуральных повинностей.

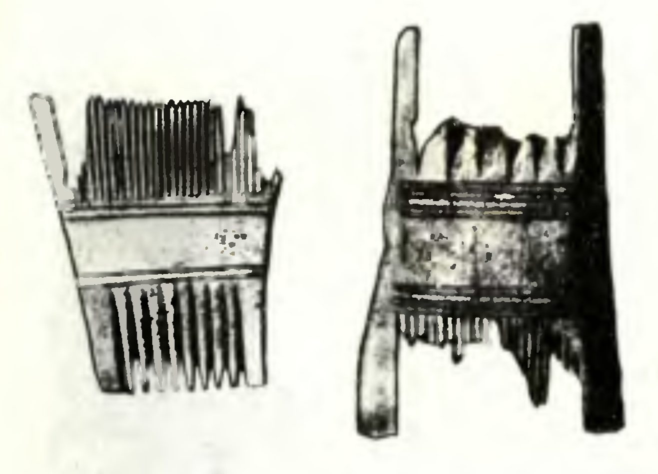
Территория Сибири была подразделена на два генерал-губернаторства с центрами в Тобольске и Иркутске. Все нерусское население распределено на три группы: оседлых (татары и частью алтайцы), кочевых (буряты, якуты, хакасы, эвенки, ханты, манси), бродячих (ненцы, ламуты, юкагиры) инородцев. В основе системы управления лежала идея сотрудничества центральной власти с местной патриархально-феодальной верхушкой...

Дальнейшее освоение региона было связано с экспедицией Г. И. Невельского, результаты которой подтвердили, что устья р. Амур доступны для морских судов и о. Сахалин отделен от материка судоходным проливом. Это географическое открытие имело огромное значение. В 1850 г. Невельской основал на Амуре пост Николаевск и поднял там русский флаг. В 1853 г. был основан русский военный пост на о. Сахалин.

28 мая 1858 г. в Айгуне был подписан договор между Россией и Цинской империей (Китай), по которому земли по левому берегу Амура признавались владением России, а земли от р. Уссури до моря признавались в общем владении. По обеим пограничным рекам допускалось плавание только русских и китайских судов. Разграничение в этих районах было произведено по Пекинскому договору (14 ноября 1860 г.). К России при этом отошло Приморье (Уссурийский край).

С 1859 г. усилилось переселение в Приамурье русских крестьян. В 1860 г. был основан Владивосток, незамерзающая гавань которого большую часть года могла служить стоянкой для русского флота. Усиление позиций России на Дальнем Востоке было связано с появлением сильного флота на Тихом океане и созданием речной флотилии на Амуре (70—80-е гг.). Резкое возрастание военной силы царского правительства в этом районе наступило в результате сооружения Сибирской железной дороги, т. е. в 90-х гг.

В 70—80-х годах позиции России в регионе осложнились экспансией молодой Японской империи. 7 мая 1875 г. правительство заключило с Японией договор, по которому передало ей издавна принадлежавшие России Курильские острова за отказ Японии от ее притязаний на Сахалин. В условиях обострившегося военного, политического и экономического противостояния на Дальнем Востоке железнодорожный путь до Владивостока (идею которого развивал и воплощал С. Ю. Витте, министр путей сообщения, затем — министр финансов) должен был стать проводником русских товаров на китайский рынок, способом быстрого обеспечения русского военного флота, средством экономического и политического освоения региона.

ТЕСТЫ

БЛОК А

Подчеркните правильную дату.

1. Годы жизни князя, приходившегося внуком киевскому князю и византийскому императору
2. Первая Батыева рать
3. Объединение Галицких и Волынских земель в единое княжество

— 1076—1115
— 1053—1125
— 1100—1157
— 1125—1174
— 942—972.
— 862
— 1237—1238
— 1240—1241
— 1297
— 1382
— 1480.
— 926
— 1156
— 1125
— 1132
— 1199
— 1076.

БЛОК Б

Укажите, какому из трех определений соответствует данный термин:

1. Ордынский выход

а) сбор дани, который осуществляла Орда с русских земель;
б) торжественный выезд ордынских ханов, происходивший раз в год в честь дня рождения Чингисхана;
в) определенное количество русских ремесленников, которые должны были ежегодно отправляться на работу в Орду.

2. Феодальная раздробленность

а) закономерный этап в развитии любого феодального государства. Для феодальной раздробленности характерен распад государства на отдельные части, который вызван собственническими амбициями князей;
б) закономерный этап в развитии любого феодального государства. Для феодальной раздробленности характерен распад единого государства на отдельные полусамостоятельные части (на Руси — княжества), в каждой из которых — своя княжеская династия, свое судопроизводство, внешняя политика;
в) раздробление единого государства Киевская Русь в результате нашествия монголов, когда отдельные части государства попали под власть разных ордынских владык.

БЛОК В

Выбрав один из предложенных ответов, продолжите предложение:

1. Одно из замечательных сражений, происшедшее частично на суше — частично на кораблях:
— Грюнвальдская битва;
— Куликовская битва;
— битва при Шелони;
— Невская битва;
— битва за Рязань.

2. Последним правителем единого государства Киевская Русь был:
— Владимир Мономах;
— Ярослав Мудрый;
— Мстислав Владимирович;
— Всеволод Большое Гнездо;
— Даниил Романович.

3. Одно из самых замечательных произведений древнерусской литературы:
— «Задонщина»;
— «Слово о полку Игореве»;
— «Повесть временных лет»;
— «Повесть о Ерше Ершовиче»
отразило реальные события одного из походов русских князей на половцев в 1185 году,

БЛОК Г

1. Назовите события, современные Второй Батыевой Рати
— Написание «Поучения» Владимира Мономаха;
— Княжение Александра Невского в Новгородской земле;
— Битва на реке Сити;
— Создание знаменитой иконы Владимирской Богоматери;
— Киевское восстание, направленное против верхушки боярства.

2. Мог ли дружинник Александра Невского Гаврила Олексич защищать Киев от нашествия Батыя?
— Да.
— Нет.
— Не знаю.

3. Чьим современником был Роман Мстиславич Галицкий?
— Ярослава Мудрого;
— Казимира IV, короля польского;
— Всеволода Большое Гнездо;
— Фомы Палеолога;
— Генриха I, короля франков.

БЛОК Д

Следующее задание можно превратить в формулу: дата+ место= событие. В колонке А мы указали несколько дат и мест, в которых, несмотря на расстояние во времени и пространстве, произошло одно и то же событие. Верный (и единственный!) ответ находится в колонке Б.

А	Б
1. В 1237 Рязань в 1236 Болгар в 1453 Константинополь в 1219—1221 Самарканд	— стали столицами своих княжеств; — были сожжены врагами; — были отстроены в камне; — приобрели статус самостоятельных городов-государств; — происходит смена правящей династии.
2. В 30-х годах XII века на Руси во второй половине XIV века в Орде в XI—XII веках во Франции	— свирепствует голод; — наступает феодальная раздробленность; — происходят народные восстания; — свирепствует эпидемия чумы; — происходит смена архитектурных стилей.
3. В 1108 Владимир в 1010 Ярославль в 903 Псков в 1147 Вологда	— были построены первые укрепления; — были основаны; — пережили вражеское нашествие; — стали столицами княжеств; — сгорели.

Подготовила **ЕЛЕНА СОЛОВЬЕВА**

ОТВЕТЫ НА ТЕСТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В № 3.

БЛОК I.
1. 944.
2. 945.
3. 882—912.

БЛОК II.
1. Понятие 1.
2. Понятие 3.
3. Понятие 2.

БЛОК III.
1. «Повесть временных лет».
2. Старая Ладога, Новгород, Киев.
3. Датский конунг.

БЛОК IV.
1. Да.
2. Да.
3. Первая редакция «Русской Правды» была написана в период княжения Ярослава Мудрого.

БЛОК V.
1. Образуется государство.
2. Происходят боярские усобицы.
3. Становятся столицами своих государств.

В статье Б. В. Ананьича и В. Г. Чернухи (№ 9—10, 1991) по вине редакции вкрались досадные недоразумения: известный николаевский министр Сергей Семенович Уваров назван «Сергеевичем»; Н. Н. Новосильцев в подписи к портрету — «Новосельцевым»; на с. 27 в последней колонке, 11 строка снизу, следует читать «вплоть до революции 1905 года». Редакция приносит глубокие извинения уважаемым авторам.

Приносим извинения

В 1991 году по вине редакции при публикации статей С. А. Сапожникова допущены оплошности:

— в статье «Память славных фамилий» (№ 4) опубликованы портреты А. П. и А. А. Сапожниковых, не имевших отношения к теме;

— в статье «Сапожниковы (промышленники, коллекционеры, меценаты)» (№ 8) не указан соавтор — астраханский писатель А. С. Марков.

Редакция приносит извинения С. А. Сапожникову и А. С. Маркову.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ РУДОЛЬФА ПИХОИ

ФОНДЫ СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

Сорокалетний период жизни страны — с начала 50-х годов и до сегодняшнего дня,— насыщенный важнейшими событиями политического, социально-экономического, культурного плана, привлекает внимание исследователей-историков и вызывает огромный общественный интерес. В его хронологических рамках шли бурные процессы «оттепели» Н.С.Хрущева, экономических реформ А.Н.Косыгина, «ускорения» и «перестройки», провозглашенных М.С.Горбачевым. В эти годы был разоблачен, а затем в определенной мере реанимирован и в конце концов окончательно разоблачен «культ личности» Сталина и преступления сталинского режима. На этом этапе шло жестокое и планомерное преследование «диссидентов» и «диссидентства», поднялся и расцвел пышным цветом экономический и общественно-политический застой...

Период действительно интересный и поучительный, требующий серьезного и глубокого изучения и осмысления. Но его подлинная история до сих пор не написана. На вопросы: «кто?», «как?», «почему?», «каким образом?» и т.д. и т.п., ясных, точных и научно обоснованных ответов пока не дано.

Причины этого — и в сложности анализа и обобщения только что ставших историей фактов и событий, и в закрытости архивных документов самого высокого уровня, в которых раскрывается механизм власти, организация работы ее органов, их координация и взаимодействие. Речь идет о документах, в первую очередь, ЦК КПСС и властных государственных структур — Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, КГБ и МВД СССР и целого ряда других. Без них писать новейшую историю страны, воссоздавать реальную картину развития общества — занятие бесполезное.

Сегодня положение в корне меняется. Воссоздаются раздробленный ранее единый Архивный фонд России и единая государственная архивная служба. Ликвидируются ведомственные архивы. Указом Президента России в ведение государства переданы документы бывшего Архивного фонда КПСС. На базе архивных подразделений бывшего аппарата ЦК КПСС создано новое центральное государственное научно-исследовательское учреждение архивного профиля — Центр хранения современной документации (ЦХСД). Здесь сконцентрированы миллионы документов, относящихся к 50—80-м годам.

Из чего складывается этот комплект?

Прежде всего, это материалы деятельности Секретариата и аппарата ЦК КПСС: протоколы заседаний, записки, справки, данные статистики и т. п. Возможно, что обнародование некоторых из них будет иметь характер сенсации, других — поможет ликвидировать «белые пятна» нашей истории. Но, видимо, главное в том, что их изучение даст возможность наглядно представить систему функционирования и осуществления власти, позволит не только понимать общественные процессы, но и извлекать уроки на будущее.

Для того чтобы читатель яснее представил себе, какие же именно документы можно обнаружить в ЦХСД, приведу примеры.

12 октября 1971 года в Вашингтоне было объявлено о предстоящем в мае 1972 года визите Президента США Р. Никсона в Москву. И уже 12 октября в ЦК КПСС и МИД СССР послом СССР в США А. Добрыниным было направлено письмо, в котором подчеркивалось появление дополнительных возможностей «для нашей пропагандистской работы на США». Вслед за этим последовали и другие документы, в которых отразились разработка позиций СССР в предстоящем переговорном процессе, вопросы информационно-пропагандистского и иного обеспечения подготовки и проведения визита, а после его окончания — оценки и анализ итогов визита.

А разве не будут интересны для исследователей и широкой общественности документы, рассказывающие о взаимоотношениях власти и культуры, документы писателей, деятелей искусства и науки, хранящиеся ныне в ЦХСД? Вот письмо А.Фадеева в Президиум ЦК КПСС по поводу своего предстоящего выступления на пленуме правления Союза советских писателей 21 октября 1953 года. В нем он говорил о принципиальных противоречиях, существующих в правлении ССП, подчеркивая, что методы припугивания в сочетании с наклеиванием ярлыков «националиста», «космополита», «формалиста» на любого писателя, допустившего ту или иную ошибку, составляют главный пафос того, с позволения сказать, «направления в литературе», которое возглавляет т. Софронов.

В нынешнем году ЦХСД значительно пополнит комплект уже имеющихся документов центральных органов КПСС. В него вольются материалы пленумов ЦК КПСС, заседаний Политбюро ЦК и комиссий —это хранилось в текущем архиве аппарата Президента СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС.

Не менее важными представляются комплекты документов Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, в первую очередь, материалы проверок финансово-хозяйственной деятельности крупных предприятий, главков, ведомств, а также дела руководящих партийных, советских, хозяйственных работников, утверждавшихся в должности и освобождавшихся от работы по решению ЦК КПСС.

Обширной основой для проведения историко-социологических исследований могут стать десятки миллионов хранящихся в Центре отчетных карточек коммунистов. Хранится здесь еще одна достаточно большая и не менее интересная по своему содержанию группа документов —письма и обращения граждан нашей страны и зарубежных государств в адрес съездов и конференций партии, в ЦК КПСС, к его секретарям.

Архив создан недавно и все еще находится в стадии организационного и научно-методического становления. Документы поступили в ныне единый центр из более чем десяти различных архивных подразделений бывшего аппарата ЦК КПСС. Из них лишь одно — архив Общего отдела ЦК — вело работу с документами, строго руководствуясь архивными правилами и нормативами. В основе деятельности остальных лежали делопроизводственные правила и инструкции, традиционно сложившиеся за многие годы методики. Теперь ЦХСД предстоит не формально, а по существу объединить все поступившие на его хранение архивы, организовать единый централизованный учет документов, единый научно-справочный аппарат к ним, выработать единые принципы хранения, обеспечения сохранности и использования.

Кроме того, во время передачи архивов КПСС на государственное хранение сотрудники будущего ЦХСД вместе с сотрудниками Роскомархива собрали в кабинетах комплекса зданий на Старой площади до 20 миллионов листов документов стихийных «личных» архивов сотен работников бывшего аппарата ЦК КПСС. Естественно, об учете или описании в те дни не могло идти речи. И сегодня ЦХСД должен в кратчайшие сроки выполнить исключительно трудоемкую и сложную работу: разобрать собранные документы, определить их ценность, учесть, систематизировать, описать и подготовить для широкого использования в общественных целях.

Особенность документов, находящихся у нас на хранении,— наличие на большинстве из них грифа секретности, правда далеко не всегда оправданного содержащейся в них информацией. Центр с первых же дней своего существования ведет изучение документов для их рассекречивания, определяя те из них, которые содержат действительную государственную, военную, коммерческую или личную тайну, имея в виду охрану законных интересов и прав как государства, так и отдельных граждан.

У нас большие планы в широком использовании бесценных документальных богатств в тесном сотрудничестве с отечественными и зарубежными историками и архивистами. Реальный путь к действительно широкому и планомерному введению в общественный оборот важнейших для исторического познания и формирования исторического сознания людей документов — их публикация. Поэтому ЦХСД намерен сотрудничать с научными учреждениями и учебными заведениями, с издательствами, редакциями журналов, газет, телевидения и радио. Практическим воплощением этих связей могут стать проекты и программы исследований и публикации архивных материалов, создание творческих коллективов и, в конечном итоге, появление больших и малых документальных трудов, правдиво рассказывающих о недавней истории Отечества.

РЭМ УСИКОВ,
кандидат исторических наук,
директор Центра хранения
современной документации

КРАСНЫЙ ТЕРРОР

Телеграфное донесение члена РВС Восточного фронта Ф. Ф. Раскольникова Наркомвоену Л. Д. Троцкому с изложением проекта приказа о провозглашении красного террора на Восточном фронте

№ 45, штаб Восточного фронта **28 июля 1918 г.**

В тех условиях, в каких мы работаем, обойтись без расстрелов совершенно немыслимо. Неоспоримо, что их следует ввести в определенные рамки. Не может существовать положение, когда один, как Трофимовский*, расстреливает с каким-то упоением, доходя до расстрела родного брата, захваченного с оружием в руках. Должны существовать положения, одинаково обязательные для каждого агента советской власти. Принуждая всех без исключения товарищей не щадить врагов революции, с другой стороны, обязаны бороться с маниакальным пристрастием к расстрелам некоторых начальников отрядов и комиссаров, считающих себя вправе располагать жизнью и смертью любого человека. Были случаи угроз расстрелом по отношению к своим же партийным товарищам. Такому приему психологического воздействия подвергся, например, Берлин. Мне представлен документ, устанавливающий, что комиссар Левин отдавал по телеграфу предписание о расстреле, не зная даже существа обвинения. Другие товарищи о своих расстрелах решительно никого не ставят в известность, и тем самым святое дело умерщвления врагов революции приобретает подобие застеночного удушения. Как член Реввоенсовета, руководящий деятельностью военкомов, я представляю на ваше усмотрение как наркомвоена составленный мною проект приказа — манифест, опубликование которого я считаю безусловно необходимым. В случае вашего согласия означенный приказ с вашими поправками будет внесен мною на утверждение Реввоенсовета.

«Приказ Революционного военного совета

На всем протяжении района чехословацких операций провозглашается неумолимый красный террор. Все активные белогвардейцы, уличенные в подготовке вооруженного выступления против советской власти или застигнутые с оружием в руках во время контрреволюционных насильнических действий, черносотенные агитаторы, призывающие к свержению советской власти, все содействующие чехословацким и белогвардейским бандам в чем бы то ни было, а равно все лица, осмелившиеся принять власть временно в том или ином месте, выпавшую из рук Советов, объявляются вне закона и караются смертью без следствия и суда. Всякий честный гражданин обязан стереть с лица земли преступных врагов народа и революции, желающих снова поработить трудящихся. Исполнение и наблюдение за строгим и точным проведением указанной меры возлагается на чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности.

Контрреволюционеры, спекулянты и саботажники, не подходящие под вышеуказанные категории, могут быть подвергнуты лишению жизни не иначе как после самого тщательного расследования, зафиксированного в письменной форме, свидетельских показаний и показаний самого обвиняемого. Сообщение о каждом отдельном случае расстрела вместе со всем документальным материалом должно незамедлительно направляться в Революционный военный совет.

Ответственность за соблюдение всех гарантий правосудия возлагается на военных комиссаров. Все начальники отрядов и военные комиссары, позволившие себе произвести расстрел без достаточных оснований, будут привлекаться к ответственности как за уголовное убийство, отягченное должностным преступлением: превышением и злоупотреблением власти. В Советской республике нет места произволу и злоупотреблению, что бы ни говорили враги. Каждый по справедливости получает то, что он заслужил своей ролью в революции или в контрреволюции». Раскольников*.

Публикацию подготовила
В. МИХАЛЕВА,
кандидат исторических наук

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 43, л. 170—173. Телеграфная лента.

Из письма члена Крымревкома Ю. П. Гавена члену Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинскому.**

14 декабря 1920 г.

(...) Несколько слов о деятельности тов. Бела Куна***. По-моему, он один из тех работников, который нуждается в сдерживающем центре. В Венгрии он удрался в соглашательство с правыми социалистами, здесь он превратился в гения массового террора. Я лично тоже стою за проведение массового красного террора в Крыму, чтобы очищить **** полуостров от белогвардейщины (считаю нужным напомнить, что я применял массовый красный террор еще в то время, когда он еще партией официально не был признан. Так напр., в январе 1918 года я, пользуясь властью пред.Севаст.Военно-Револ.Комитета, приказал расстрелять более пятисот офицеров-контрреволюционеров). Но у нас от крас.террора гибнут не только много случайного элемента, но и люди, оказывающие всяческую поддержку нашим подпольным работникам, спасавшим их от петли.

Я считал своим долгом присоединиться к групповому ходатайству наших подпольных работников об освобождении некоторых невинно арестованных. Необходимо заметить, что до сих пор я пытался освободить не более десяти* человек, в то время когда расстрелянных уже около 7000 чел., а арестованных не менее 20000 чел.

И все же я в глазах тт. Бела Кун и Самойловой** стал коммунистом, находящимся под влиянием мелкой буржуазии.

Это ярко характеризует крайности этих товарищей.

ГАВЕН

Документ хранится в РЦХИДНИ.

Публикацию подготовил
Е. УЛЬКО

---

* Трофимовский — эсер-максималист, с июня 1918 г. начальник снабжения Восточного фронта. Возглавляя отряд, оборонявший устье Камы, не выполнил приказа командования фронта и в августе 1918 г. вместе с отрядом на пароходе «Миссури» бежал в г.Чебоксары. Впоследствии был арестован, осужден и расстрелян.

* Раскольников Ф.Ф. (1892-1939) — в партии с 1910 г. После Октябрьской революции — зам.наркома по морским делам, член РВС Восточного фронта (с 16 июля 1918), командующий Волжской флотилией (с 22 августа 1918 г.), член РВСР (2 сентября — 27 декабря 1918 г.). В декабре 1918, возглавляя отряд особого назначения, во время разведки в Балтийском море, попал в плен к англичанам, освобожден в обмен на английских офицеров. Командовал Волжско-Каспийской флотилией (с 21 июля 1919 г.), затем наморси Балтфлота (с июня 1920). Во время профсоюзной дискуссии в 1920-1921 гг. — сторонник платформы Троцкого. С 1921 г. — на дипломатической работе.

** Публикуется в сокращении; опущены сведения о ненормальной обстановке в Крымском обкоме партии и необходимости, в связи с этим, проведения областной партконференции.

*** Кун Бела (1886—1939) — член социал-демократической партии Венгрии с 1902 г., с 1916 — также член большевистской партии. С мая 1918 г.— председатель Центральной федерации иностранных групп при ЦК РКП(б). Один из основателей и председатель Коммунистической партии Венгрии. С марта 1919 г.— нарком по иностранным и военным делам Венгерской советской Республики. В августе 1919 — июле 1920 г. находился в концлагерях в Австрии. После освобождения в августе 1920 г. прибыл в Петроград. В октябре—ноябре 1920 г.— член Реввоенсовета Южного фронта, с ноября 1920 г.— председатель Крымского облревкома.

**** Так в документе.

Письмо заместителя председателя Реввоентрибунала Заволжского военного округа Сперанского* заместителю председателя Ревтрибунала Республики А. Я. Анскину.**

Самара **18 ноября 1920 г.**

Глубокоуважаемый Адольф Яковлевич.

Атмосфера самарской жизни заставляет меня и тов. Эльтмана**** просить Вас о переводе нас в другое место.

За 5 месяцев наш Реввоентрибунал приговорил к расстрелу 400 человек, из которых 370 фактически расстреляны. Большинство расстрелянных («сапожковцы» и бандиты) — самарские уроженцы, у которых в городе остались семьи, родственники и знакомые. Тов. Эльтмана и меня знает весь город, что неудивительно, так как город небольшой, а за 5 месяцев в открытых судебных заседаниях нами осуждено около 4000 человек.

Вся обывательская масса города знает также, что тов. Эльтман и я ездим на приведение смертных приговоров в исполнение.

Я уже не говорю о том, что нашему автомобилю несутся вдогонку крики «кровопийцы» и «палачи», не говорю о том, что два раза в автомобиль стреляли бандиты, что посылают нам угрожающие письма и т.д.

В общественных местах — неприятно показываться. На днях я пошел в оперу, сел в партере, рядом со мной — слева — оказалась Сапожникова, приговоренная нами к расстрелу, а справа — жена и сестра одного из расстрелянных. В театре началось шушуканье, показывают на тебя чуть ли не пальцами, и после второго действия я ушел.

По моей параллельной должности (заведующего губернским отделом юстиции) мне приходится сталкиваться с советскими служащими и с обывательской массой, и у всех есть расстрелянные реввоентрибуналом родственники или товарищи.

Город Самара слишком мал, чтобы в нем долгое время мог оставаться один и тот же состав военного трибунала.

Просьба к Вам, Адольф Яковлевич, такая: дайте возможность мне и тов. Эльтману работать где-нибудь в новом месте, причем я думаю, что мы были бы пригоднее на фронте или в прифронтовой полосе, чем в тылу.

Что же касается реорганизации РВТ Заволжского округа, то эту реорганизацию с успехом мог бы провести или председатель РВТ Оренукрайона тов. Беркутов* или же те члены Коллегии нашего РВТ, которые здесь останутся.

Между прочим, лично я не считаю, что было бы целесообразным на место тов. Эльтмана и мое перевести тов. Фонштейна** и Апрелева***, а нас на их место. В Туркестанском крае — большая работа, и край еще далеко не замирен. У тов.Эльтмана с тов. Петерсом**** будет несомненно согласованная работа, а тов. Фонштейн знает хорошо Заволжский округ.

С товарищеским приветом Сперанский.

На подлинном резолюция Предреввоентрибунала Республики тов. Данишевского: «Принять к руководству при решении о перемещениях членов РВТ*****. 27-XII. Данишевский******».

С подлинным верно:

Старший Секретарь РВТР (подпись неразборчива)

ЦГАСА, ф. 33987, оп. 1, д. 428, л. 71-71 об. Заверенная копия.

Публикацию подготовила
В. МИХАЛЕВА,
кандидат исторических наук.

---

* Подчеркнуто в документе.

** Самойлова Р. С. (Землячка) (1876—1947) — член партии с 1896 г. В январе — июле 1919 г.— начальник политотдела 8-й армии, в октябре 1919 — ноябре 1920 г.— начальник политотдела 13-й армии, затем секретарь Крымского облкомитета РКП(б).

*** Сперанский Валентин Иванович — военный следователь, окончил юридический факультет Московского университета, приказом по РВТР № 5 от 22 мая 1919 г. назначен на должность военного следователя трибунала, затем с 16 июля 1919 г., заместителем члена Ревтрибунала Республики, с 20 декабря 1919 г.— заведующий следственной частью РВТР; работал вместе с Анскиным, затем с октября 1919 г.— заместитель председателя РВТ Заволжского военного округа.

**** Эльтман Константин Иванович — окончил коммерческое училище, затем высший университет им. Шанявского, в Красной Армии с октября 1918 г. Был зав. культпросветотделом, врид зав. политотделом 4-й армии Туркфронта, затем комиссаром штаба этой же армии, с апреля 1919 г.— председатель Ревтрибунала 4-й армии Туркфронта, с июня 1920 г.— председатель трибунала Заволжского военного округа.

* Беркутов Николай Михайлович — приказом РВТР № 346 от 10 декабря 1920 г. назначен председателем РВТ Заволжского военного округа.

** Фонштейн Игорь Романович — юрист, в 1915 г. окончил юридический факультет Киевского университета, в 1909—1912 гг. учился в Париже в Сорбонне. В Красной Армии добровольно с 1919 г., с 25 октября 1919 г.— председатель Ревтрибунала Туркфронта.

*** Апрелев Александр Платонович — юрист, окончил в 1915 г. юридический факультет Киевского университета, с 17 октября 1919 г.— заместитель члена трибунала Туркфронта.

**** Петерс Яков Христофорович (1886—1938) — партийный и гос. работник. С декабря 1917 г. председатель Ревтрибунала, член коллегии и заместитель председателя ВЧК. В 1919 г. чрезвычайный комиссар в Петрограде, комендант Петроградского и Киевского укрепрайонов, член Военного совета Тульского укрепрайона. В 1920—1922 гг. член Туркестанского бюро ЦК РКП(б), полномочный представитель ВЧК в Туркестане.

***** На основании телеграммы Предреввоентрибунала Республики от 17 декабря 1920 г. № 4593 Эльтман и Сперанский отозваны в распоряжение Реввоентрибунала Республики для назначения на другую должность.

****** Данишевский Карл Христианович (1884—1938) — член РВС Восточного фронта (июль — окт. 1918), член РВСР и председатель Ревтрибунала Республики (сент. 1918 — апр. 1919), зам. председателя Временного советского правительства Латвии (дек. 1918 — янв. 1919), член РВС армии Советской Латвии (март — июнь 1919), пом. военкома Полевого штаба, одновременно член РВТР (июль 1919 — окт. 1920), затем военком Полевого штаба, в ноябре — декабре 1920 г.— председатель Революционного военного трибунала Республики. После войны на партийной и советской работе.

ПИСЬМА В. И. ДАЛЯ ИЗ ОРЕНБУРГА К ГРЕЧУ

Талантливый хирург, естествоиспытатель, храбрый воин, писатель, снискавший себе славу одного из создателей «натуральной школы» в русской литературе, выдающийся лексикограф и собиратель пословиц и поговорок — это не полная характеристика личности Владимира Ивановича Даля. Он был еще и талантливым администратором, государственным человеком в лучшем смысле этого слова.

Письма к Гречу относятся к оренбургскому периоду жизни В. И. Даля, служившего с 1833 по 1841 год чиновником особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе. Очевидно, что письма предназначались для публикации в редактируемой Гречем «Северной пчеле» и представляют собой замечательный образец журналистики первой половины XIX века.

Даля отличает глубокое знание государственных проблем, народного быта и нужд простых людей, изумляет стиль ученого-этнографа.

Письма были напечаны в «Северной пчеле» (1833, № 230—231, с. 920, 923—924; 1834, № 101, с. 403—404), но в данной публикации тексты сверены и дополнены по рукописи, хранящейся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (фонд 473).

В. ДЕРЯГИН

Гречу, из Уральска
сентября 25. Оренбург

Уехав из Питера и не простившись даже с Вами, хотел я писать Вам по прибытии в Оренбург — день за день, и вот уже прошло ровно 12 недель со дня отбытия моего из столицы, когда судьба привезла меня на карандасе[1] в Уральск. Если вообще край здешний представляет смесь необыкновенного, странного, многообразного, хотя еще дикого, то Уральское Войско и заповедный быт его, столь мало известный, заслуживают внимание и удивление. Край Оренбургский для нас важнее и значительнее, чем многие думают; едва ли Кавказ со всеми причудами своими может обещать того, что заповедает восточный склон хребта Уральского, Общего Сырта, и прилежащие Уралу степи. Не говоря о том, что Башкирия, т. е. Оренб(ургская) губ(ерния), красуется природою, какой нет нигде более в России, ниже о богатствах неисчерпаемых золотоносного Миаса и множества ему подобных рек и ручейков, кои все несут из недр кремнистых гор веками в песок истертые золотые жилы сих каменных исполинов,— хочу я намекнуть только на предстоящий торговле нашей огромный переворот через непосредственные сношения и связи с Индиею, и если это сбудется, то нет сомнения, что мы достигнем цели сей не через Кавказ, даже едва ли когда

чрез Астрахань, но чрез Киргизские степи. Стоит только хивинцев наказать так, чтобы будущее поколение вместе с млеком из груди материнской напиталось страхом справедливого гнева Русского Царя — и путь открыт навсегда.

Но я возвращусь к уральцам. Они сказывают сами, что пришли и поселились при Иоанне Грозном на Яике, что ныне Урал. Выходцы сии состояли, по общему мнению, из донских выходцев, старообрядцев, кубанских и крымских татар, всего до полусотни, к коим приписались впоследствии заводские и другие вольные и самовольные люди. По уверению же некоторых стариков, прадеды их были ушедшие от опалы Иоанна Грозного стрельцы. Вот почему Заруцкий, начальствовавший некогда над стрелецкою дружиною, искал вместе с Мариною Мнишек у них на Урале убежища.

Они заняли Яик и нынешний Сарайчик, столицу Золотой Орды, как Ермак Сибирь, самовольно: сказывались соседям набегами; киргизам, татарам, калмыкам, астраханскому хану Урусу, даже хивинцам были известны как воины стойкие и отчаянные. Уралец и поныне считает стыдным употреблять при нападении огнестрельное оружие, он сбивает противника пикою.

В 1613 году предались они в подданство России, имели от царя Михаила Федоровича грамоты на земли свои, но грамоты затеряны во время частых смутов и пожаров, несколько раз здесь возникавших, и это причина великого бедствия для уральцев, ибо ныне все соседи оспаривают земли, сенокосы и угодья, а доказательств на владение, кроме давности, нет. На Урале явился Стенька Разин, искала убежища Марина Мнишек, бесчинствовал Имеля Пугачев. Нынешние казаки, живя в спокойствии и довольствии, представляют проезжему приятную картину порядка, опрятности, достатка, хлебосольства и внимательности к приезжему и какой-то необщей служебной учтивости и почтения, которые, в сравнении с неповоротливою обходительностию русских мужичков, приятно изумляют путешественника. Со вступления в уральскую землю Вы можете завязать и запечатать кошелек: никто и отнюдь никогда не попросит на водку, никто на возьмет платы за съестные припасы, Вам радушно предлагаемые. Русь, современная Алексею Михайловичу, дониконовский быт, со всеми странностями, радушием и закоренелыми предрассудками, процветает здесь нерушим и неизменен.

Уральцы-христиане суть старообрядцы, между сими еще множество расколов, придерживаются старины, упорно бород не бреют, но на службе все разрешается: бороды выбриты. трубки и кисет ходят по рукам.

Казачки всех чинов и состояний все одинаково одеваются — по-русски, богато и даже роскошно. Сарафан их отличается от русского тем, что покрывает грудь и шею, а рукава рубахи бывают цветные, шелковые.

Уральск — большой город, каменных прекрасных домов много, обитают в них люди зажиточные, хлебосольные, храбрые, но образованных очень немного, а между женщинами нет вовсе[2].

У уральца если и нет особого наречия, то по крайней мере свой выговор: он произносит зубные буквы н, д, р, т тверже и острее, почти как англичанин, говорящий по-русски. Отчего это? На целой Руси не слыхать такого произношения, которое здесь, особенно у женщин, весьма заметно. Нельзя ли где-нибудь у новгородцев откопать решения сей загадки?

В одеянии своем казак вообще всегда перенимает несколько у соседей: черноморцы доселе носят откидные рукава, кавказского линейного казака едва можно отличить от черкеса и кабардинца. Уралец ходит в бухарском стеганом халате и вообще более носит бумагу, чем сукно. Спрашивается: высокая, черная шапка, которой не видать ныне нигде в России и вместо которой донцы носят треухи, есть ли также хивинская, или это подлинно еще остатки стрелецкой одежды?

Хлеба он (казак) не сеет, ибо земля его, носящая на себе несомненные признаки недавнего от воды Каспийского (моря) обнажения, хлеба не родит вовсе. Казаки живут скотоводством и рыбной ловлей. Без этих промыслов уралец не может существовать. Но это и другое сопряжено с такими странностями, что надобно видеть все это, если хочешь понять. Все делается артелью, с косами выходит в день, назначенный войсковою канцелярием, с объявлением по базарам, целое войско и бьет траву в несколько тысяч кос вдруг. Земля скудна, даже сен луговых мест весьма мало от Уральска до Гурьева (что на Касп(ийском) море), кое-где растет бурьян, впрочем, все только негодный молочай да мелкотравчатая полынь, вот почему все войско иногда толпится в кучу, где уродилась трава, и косит взапуски. Здесь земель нельзя межевать по-христиански, сказав, вот это твое, это его, а это мое, здесь надобно только установить, *кому и когда*, на *какую землю* приходить; казак скашивает траву, киргиз прикочевывает вслед за ним, уходит на зимовку в камыши и так далее. Рыбная ловля еще занимательнее; для этого назначается три главных срока: зимний, называемый багреньем, весенний и осенний, называемые плавнею[3]; перед плавнею бывает в Уральске ярмарка и скачки. Ловить рыбу не в срок есть преступление уголовное, ибо испуганная рыба уходит в море. Летом ставится поперек Урала учуг, т. е. закол, рыба идет с моря и останавливается на ятовных местах[4], ею избираемых. Казаки замечают с берегов, где рыба ложится, и в назначенный день и час, по вестовой пушке, все войско кидается взапуски на челны, сталкивает их в воду и идет, обгоняя друг друга 200 ве(рст) вверх по Уралу, вытаскивая сетьми на каждом шагу осетров, белуг, севрюг. Это называется скачкою на бударах, а перебегаемое в день пространство — ударом. Это продолжается по определению войсковой канцелярии несколько недель, и вместе с тем по берегу идет гульба и пиршество без конца, тут рыбу потрошат и солят, приготовляют икру, укладывают и отправляют на бесконечных обозах. Это плавня; на багренье бывает то же, только иначе: по вестовой пушке все войско кидается с обоих берегов Урала верхом, или на бегунах, скачет, обгоняет друг друга, спешивается на льду, бьет проруби и запускает багры. Вы ахнете, если увидите, с каким проворством и что тут делается! Покуда я теперь написал Вам последние две строки, лед покрыт багорщиками и осетрами нисколько не меньше первых. Такой осетр тянет пуда четыре, дает икры более полупуда, а белуга нередко тянет более 20 пудов, дает икры пуда полтора. И все это делается на реке, которая не только не чета Волге или Днепру, но которая едва может потягаться с Вашею Фонтанкою. Урал не шире ее, местами только глубже, а местами и гораздо мельче, так что почти всюду есть броды.

Казак, не добывший 400, 500 рублей на Урале, не может существовать, если не имеет особенных источников богатства; он должен идти служить. Зато иногда в несколько минут вытаскивает багром (своим) годовое продовольствие на всю семью свою. Я сказал (он) должен служить, следовательно, не всякий служащий казак обязан идти на службу, и очередь ему не угрожает. Надобно сказать Вам, что такое есть наемка на

службу. Если бы каждый домовитый хозяин, у которого есть богатые стада и иное хозяйство был бы принужден идти служить, то хозяйство его бы расстроилось во время отсутствия его; то же самое, вероятно, случилось бы и с именитым купцом, и со всяким промышленником, а здесь и те, и другие казаки. Если бы, напротив, и всякий неимущий, разорившийся, потерпевший от засухи, пожара, падежа, неудачного рыболовства, шел служить наравне с зажиточным на собственном иждевении и без всякого возмездия, то он явился бы в полк в самом жалком вооружении и обмундировке и покинул бы дома семью свою без подпоры, без пособия. Это бывает с рекрутами нашими: семья и хозяйство мужика, у которого по очереди забрили лоб, разоряется и часто гибнет. Здесь, напротив, дело происходит таким образом: канцелярия рассчитывает по востребованию начальства, много ли казаков поставить должен каждый десяток и объявляет на базаре. Десятки сходятся, толкуют, кричат, выкликают из войска охотников, торгуются с ними, платят им деньгами, одевают и вооружают и ставят в полк молодцами. А наемщик, который не был бы в состоянии выступить в очередь на службу, как яицкому казаку должно, и сам одет, и запасный шеляг[5] есть, и семье оставляет на поправку сотенку-другую, и идет служить весел и спокоен. Все неудобства очередной казачьей службы видим мы у соседей уральских: у оренбургских казаков, у которых, впрочем, по бедности их наемки быть не может. Сверх того, еще при наемке избегается всякое злоупотребление: все несут равную повинность и нельзя никого притесиять назначением его на службу, ниже покровительствовать, освобождая под разными предлогами от оной, а каждый десяток сам распоряжается, как ему угодно.

Уральцы населяют правый берег Урала, сопредельны они к северу с оренбургскими казаками и башкирами, к югу — с Каспийским морем, к востоку — с зауральскими киргиз-кайсаками, на запад с губерниями Сарато-ве(кой) и Астраханс(кой) и кочующими по ним киргизами внутренней, или Букеевской орды. Ныне считают всего, старых и малых обоих полов 45 т(ысяч) душ, из них служащих: 8292, из сего числа на службе домашней, т.е. линейной и внешней, т.е. внутри России, более половины, хозяйственные расходы простираются до 250 т(ысяч), содержание полков на службе до полумиллиона.

С киргизами зауральскими живут казаки в ладах и в споре, в дружбе и во вражде по обстоятельствам. Мена привлекает киргизов на линию, они привыкли получать за баранов хлеб и крупу. Последние походы в степь показали, что она для уральцев проходима, и киргизы смирились, а устройство прилинейных киргизов, после уничтожения правительством иашим ханского достоинства и назначения только султанов и старшин, при коих находятся казачьи команды, и разделения прилинейной степи на дистанции — много способствовало в водворении тишины. Впрочем набеги киргизов состоят всегда только в ночном воровстве и угоне скота. Даже людей, которых они охотно ловили и продавали в Хиву, ныне увозить боятся, страшась испытанной уже кары соседей своих. Не воображайте, впрочем, киргиза горским наездником, он вооружен очень плохо, по свойству степного жителя труслив, и пятисотенный полк уральцев может исходить все пространство зауральских степей. Но уральцы уверяют, что им угрожает иное бедствие: Каспийское море год от году мелеет, устья Урала пересыхают, и скоро рыба не будет в состоянии входить в реку и теперь уже она проплывает только при значительном полноводии. Если опасение это справедливо, то действительно казакам угрожает крайность; пахотной земли нет, казак зерновое продовольствие покупает и, наконец, рыболовство называет **жалованьем** своим, без коего ни жить, ни служить не может.

Я приехал в Ур(альск) в день коронования Государя нашего, молебствие и парад, а наконец, и обед у управляющего войском полковника В. О. Покотилова,— все это происходило чин чином, в таком порядке, как Вы из многих моих листков дневника Вашего усмотреть можете, наконец, настал вечер, тихий и темный, и каменные громады Уральска возникли из мрака, опоясанные огнями. Стар и мал толпились перед домом атаманским, где не чересчур мудрые китайские цветные огни разгуливали в колесах и водопадах, и не избалованные заморскою затейливостию туземцы с детским простодушием наслаждались сим произведением какого-то заезжего фигляра, мусье или гувернера и от глубины души приветствовали восклицаниями заявившиеся в заключение представления вензели Государя, Государыни и войскового атамана казачьих войск.

Гречу, марта 24.1834.
Оренбург

Уральцы годика с три тому назад оплакали атамана своего генерал-майора Бородина. Коли не случалось кому из вас видеть его, так знайте, что был он казак душа молодецкая, стройный, рослый и бойкой, лихой осанки. Сказывал мне верный человек, что и поныне есть в чужих краях немало картин, списанных с сотника, не то с есаула Бородина, когда ходил он туда молодым казаком, с Суворовым: глядят немцы, не налюбуются! Ну, да он теперь перед Богом; его не воротишь — да я и сел не лики писать, не панихиду служить, а хочу говорить про нынешнее.

Войсковым атаманом уральцев ныне — сами знаете вы кто: казаки, поминая его, всегда шапки снимают. Но Государю Императору угодно было дать им и наказного атамана. В лицо хвалить по русскому обычаю не годится, а то бы я сказал при всех, что новый атаман уральцев — лихой атаман!

По назначении полк(овника) В. О. Покотилова в атаманы пошли пиры да гульба; а казаки загуляют, так не шутят, хоть святых вон понеси. Не знаю, где проявилась на Руси пословица: загулял, так ворота на запоре, да только верно не на Дону, не на Урале; здесь: загулял, так ворота настежь, не хуже побыта блаженныя памяти Русского солнышка князь Владимира; мимо пирушки пути и дороги не пролегают, а заворачивай, знай, на подворье, кто живой подошел!

Атаман чествовал всех наличных войсковых чиновников столом обеденным, а там, как войско собралось с багренного рыболовства,— а вы знаете, что войско ходит и на осетров, и на белуг, что на французов, лавою,— как возвратилось, говорю, с благополучного лова, помолилось Богу, и явилось после молебствия, совершенного в соборе, на зов атаманский погулять, попраздновать да распить перед домом атаманским за здравие благодетеля некупленную сороковую бочку вина горячего. Пил чару зелена вина малый и великий, да поминал хозяина, пили казаки на -ов и на -ин, пил и отставной казак Шарль Бертю... Казак Шарль Бертю? — Так, господа, отставной приписной уральский казак Шарль Бертю; коли мне не верите, спросите людей: люди видели, как он усы отирал! Зашел он во время оно в матушку Россию, званый ли, не званый ли, а на пиру был званый. Он в 1812 году был взят казаками и завезен сюда — обжился да женился, да в казаки приписался, от вам и французский казак Шарль Бертю!

Между тем, наказной атаман дал вечер и бал, на который съехались и уралки в цветных сарафанах своих, в шелковых широких рукавах, в богатых саженых сорóках [6] да в девичьих драгоценных пóднизях [7], не в бронзовых модных цепочках, а в чистом золоте, не в чужих кудрях и не в райских птичках, а в косе своей да в скатных жемчугах! Я говорю вам, что тут ничем не шутят: поглядите, коли знаете толк, тут в каждой сороке десятки тысячей!

Наконец, 15 февраля приняли уральцы и угостили нового атамана своего по-своему. Это было вот как: поутру явились к нему два штаб-офицера и просили, именем всех собратий своих, подарить их нынешним днем и порадоваться с ними общей радости. Вечером, когда все было приуготовлено, а гости и чиновники войсковые съехались, два штаб-офицера отправились со вторичным и окончательным приглашением и прибыли вместе с атаманом к назначенному дому. Старшины и почетные войсковые чиновники встретили дорогого гостя на крыльце и, как водится, проводили под звонкою музыкой в залу. Весь дом был освещен снутри и снаружи, а на балконе был выставлен громадный щит с изображением вензеловых имен: Государя Императора, Государыни Императрицы и Венценосного Атамана всех казачьих войск.

Празднество открыто было польским[8], в голове коего шел атаман с одною из туземок. Вслед за сим гремела музыка, шла пляска во всю ночь. Многие из молодых войсковых чиновников танцуют охотно и хорошо. Сели за стол, большая часть мужчин осталась на ногах. За ужином неожиданно осветилось на щите имя атамана с лестною надписью, и заздравная братúна [9] пошла ходить из рук в руки. Пили здравие Царя и Царицы и атамана Цесаревича и всего пресветлейшего дома, всех вместе и каждого порознь, и долго жить им и царствовать, коли проживут Они с эстолько, как уральцы им в одну эту ночь насулили! Дошла очередь до Оренбургского военного губернатора, а наконец и до наказного атамана. Тогда принесено было атаману условленное поздравление всеми наличными чиновниками, потом избранными почетными казаками от имени целого войска, потом учениками войскового училища, а наконец — учитесь, братцы, как встречать и принимать атаманов своих, у уральцев — пятеро милых, богато убранных девиц высшего казачьего сословия вышли, шумный, радостный говор умолк, мирная, почтительная тишина воцарилась. Девицы подошли к атаману, поклонились ему по обычаю своему низенько, сказывали ему долго жить, братьями, женихами и отцами праведно и ласково управлять, суд и правду рядить,— и поднесли ему, не серебра, не золота, а поднесли цветов живых самородных. Все наличные подняли ура прямо по-казацки: окна задребезжали и двери сами пораstворилися! А казаки, запрудив широкую улицу, того и ждали: подхватили и себе, да так, что и пушки заздравные заглушили!.. Ночь была тихая, светлая. Ура кричали и вино пили, и пушки палили, а как разъехались поздним утром по домам, да глянули на часы, так и вспомнили пословицу: казаку гулять, так и ночь коротка!

В. Луганский

Приписка [10]. Март на исходе, апрель на дворе, а Урал стоит, не шелохнется. Скоро вздует его да погонит лед на море, на Хвалынское [11]. Глядите тогда, что за потеха будет; начнется плавня, да пойдут казаки вскачку на тысяче, другой, бударок! Снегу нынешнюю зиму Господь не пожалел, так земляная вода [12], надо быть, пойдет большая, и на урожай в Оренбургской губернии понадеяться можно. Авось, Бог милостив будет! — Прилинейные кайсаки эту зиму опять начали продавать детей своих; на днях видел я четырех мальчиков, купленных за 75 рублей ассигнациями. Младшему лет семь. Один насмешил: новый хозяин стал, жалея его, кормить голодного помаленьку, а он, глядя на съестное, непременно хотел поесть все. Коли так, говорит, так пойду я от тебя прочь, опять в степь. Скинул платье хозяйское, снял и рубаху, взял с окна плеть и пошел.

— Где же лошадь у тебя? — спросили его.

— Плеть есть,— отвечал тот,— так и лошадь будет!

Простояв минуты с две нагишом на морозе, воротился он. В тот же вечер и на следующий день спохватились огарков свечных: нет ни одного, а не догорает, кажется, свечей много; решили на том, что их крысы таскают. Глядь на нового нахлебника, а он жует, да только светильни выскакивают! Не подумайте, чтоб я шутил: ей, ей, былое дело! Шам яхши, уверяет он, и поныне удивляется, для чего не велят ее есть!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Карандáс — повозка на необыкновенно длинных, зыбких дрогах. На карандасах ездят в Перми, в Симбирске, в Казани, в Оренбурге. Простота постройки делает его весьма надежным и крепким; длинный широкий ход необыкновенно остойчивым, а долгие, в 2 и 3 сажени, дроги заменяют, зыбкостью своей, рессоры (прим. из «Северной пчелы»).
2. Под «образованием» во времена В. И. Даля разумелось только светское образование. Старообрядцы — казаки были грамотными, читали богослужебные книги. В особенности хорошо знали богослужебные тексты женщины, о чем писал сам В. И. Даль в рассказе «Уральский казак». Не свидетельствует ли о влиянии особого литургического произношения своеобразие выговора уральских казаков, на который в этом же письме обращает внимание Даль?
3. Плавня — весеннее рыболовство сетьми, кои раскидываются с каждой лодки одним человеком (прим. из «Северной пчелы»).
4. Ятовные места, ятовь — омут, в который ложится красная рыба на зимовку. Она ложится тесно, в несколько ярусов и спит; шум и стук ее в то время не пугает, и ее просто ощупывают баграми и вытаскивают (прим. из «Северной пчелы»).
5. Шéляг, шелег — неходящая монета, бляшка, как игрушка, или для счету, в играх, или на монисто, или в память чего (Даль. Толковый словарь).
6. Сорóка — женский головной убор, род кички, на лбу пониже, а с боков повыше; сорока заменяет со времени замужества в праздничные дни девичью поднизь. По уговору жених должен справить невесте сороку. По свидетельству Даля, на Урале встречались сороки стоимостью в 10 и 15 тысяч рублей.
7. Пóднизь — головной убор девицы в виде ряски, жемчужной или бисерной сетки.
8. Пóльский — пляска и музыка к ней, коею обычно открывается бал (Даль. Толковый словарь).
9. Братúна — сосуд, в котором разносят пития, пиво на всю братию и разливают; стопа, коноб, кружка, большой бокал, который обходит в круговую (Даль. Толковый словарь).
10. Текст «Приписки» в тетради Даля отсутствует, приводится по публикации в «Северной пчеле».
11. Хвалынское море — старое название Каспийского моря.
12. Земляная вода — степная или береговая вода, стекая на реку, подмывает, подкапывает лед; река вскрывается. Потом идет неделю, другую спустя земляная вода, т. е. вода с гор, высокою и широкою волной, разливается и понимает берега на несколько верст (прим. из «Северной пчелы»).

АННА АХМАТОВА:

«...Удушье, которое длилось годами»

Публикуемые ниже документы относятся к одному из наиболее трагических периодов в жизни и творчестве великого поэта Анны Ахматовой. В 1957 году она, работая над «Автобиографической прозой», определила его начало точной датой — 14 августа 1946 года. В этот день было принято постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», закрепившее и ужесточившее командно-административный произвол в сфере литературы, послужившее основанием к шельмованию, несправедливой и грубой проработке крупных мастеров советской литературы, в том числе Ахматовой и Зощенко *.

21 декабря 1949 года

Такое торжество запомнится навеки,
Да будет вечности завещан этот час.
Легенда говорит о мудром человеке,
Что каждого из нас от страшной смерти спас.

Ликует вся страна в лучах зари янтарной,
И радости сердец сегодня нет преград,
И древний Самарканд, и Мурманск заполярный,
И возрожденный Сталинград
В день новолетия учителя и друга
Песнь светлой благодарности поют.
Пускай вокруг них бурно пляшет вьюга,
Или фиалки горные цветут.

И мысли всех людей летят к столице славы,
К высокому Кремлю — борцу за вечный свет,
Откуда в полночь гимн несется величавый
И на весь мир звучит как помощь и привет.

* Решением ЦК КПСС от 20 октября 1988 года данное постановление отменено как ошибочное — тогда, когда со дня смерти Ахматовой прошло 22 года, Зощенко — 30 лет. Стихи публикуются из собрания Центра хранения современной документации.

Москва

Как хорошеешь ты день ото дня,
Не остаешься всегда неизменной,
Верность себе нерушимо храня,
Жаркое сердце вселенной.
Плавный твой говор, рассвет голубой,
Весен твоих наступленье,
Солнечный праздник нам встреча с тобой,
Мысли и чувств обновленье.
Слышны в раскатах сирен трудовых
Отзвуки славы московской...
Горький здесь правде учил молодых,
Жизнь прославлял Маяковский.
Везде, где еще на планете Земля

Народы в путах томятся,
Эти зубчаты стены Кремля
Всем жаждущим мира снятся.

Из цикла «Слава миру»

Где дремлет пустыня — там будут сады,
Поля и озерная гладь.
Мы раз навсегда сотрем следы
Войны, чтобы жизнь созидать.

Если мы захотим, осядет Памир,
Путь изменит любая река,
Но для блага и счастья нам нужен мир,
И будут нами гордиться века.

И нам не страшна зарубежная ложь, —
Мы правдой своей сильны.
Он создал уже великий чертеж
Грядущего нашей страны.

1949

1 января 1950 год

Пятидесятый год — как бы водораздел,
Вершина славного, невиданного века,
Заря величия, свидетель мудрых дел,
Свершенных волей человека!

Там коммунизма ширь, там юные леса,
Там радость братского со всем славянством пира,
Там будущих друзей крепчают голоса,
То клятва верности святому делу мира.

А тот, кто нас ведет дорогою труда,
Дорогою побед и славы неизменной,
Он будет наречен народом навсегда
Преобразителем вселенной.

Письмо генерального секретаря Союза писателей СССР А.А.Фадеева секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Суслову*.

Направляю Вам копию** письма А.Ахматовой И.Эренбургу о ее желании выступить в печати — у нас или за рубежом — по поводу использования ее имени зарубежными реакционными «писаками» против СССР.

Имя А.Ахматовой действительно использовалось против нас после известного постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Теперь это уже редко встречается, и мне кажется, что ее выступление сейчас вряд ли принесло бы нам большую пользу.

Одновременно посылаю Вам для сведения ее новые стихи. Стихи неважные, абстрактные, но, вместе с тем, они свидетельствуют о некоторых сдвигах в ее «умонастроении».

(А.Фадеев)

Письмо А. А. Ахматовой писателю И. Г. Эренбургу.

Дорогой Илья Григорьевич!

Мне хочется поделиться с Вами моими огорчениями. Дело в том, что против моей воли и, разумеется, без моего ведома, иные английские и американские издания, а также литературные организации уделяют мне и моим стихам чрезвычайно много внимания. Естественно, что в этой зарубежной интерпретации я выгляжу так, как хочется авторам таких высказываний.

Я принадлежу моей родине. Тем более мне оскорбительна та возня, которую подымают вокруг моего имени все эти господа, старающиеся услужить своим хозяевам.

Я бы хотела услышать Ваше мнение относительно того, как я могу довести до сведения этих непрошенных опекунов о том, что мне противна их нечистая игра. Пожалуйста, подумайте об этом и помогите мне.

Анна Ахматова.

27 октября 1949 г.

* Письмо не датировано, в ЦК ВКП(б) поступило 2 марта 1950 года. На документе имеется резолюция: «т. Кружкову. М. Суслову. 2/III».
** Подлинник письма не обнаружен.

Записка зам.зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) В. С. Кружкова М. А. Суслову о нецелесообразности публикации письма А.А.Ахматовой.

Секретариат Союза советских писателей СССР (т. Фадеев) прислал на Ваше имя копию письма А. Ахматовой к И. Эренбургу, в котором она просит оказать содействие в публиковании ее письма в печати с протестом против измышлений о ней, распространяемых в редакционной зарубежной прессе.

Иностранная комиссия Союза писателей СССР сообщила, что в редакционной зарубежной прессе печатались всякого рода измышления об Ахматовой в 1946 году. С тех пор никаких новых публикаций не было.

В связи с этим, вряд ли следует печатать в настоящее время в нашей прессе письмо Ахматовой по поводу выступлений о ней в зарубежной печати, имевших место в 1946 году. Союз писателей (т. Фадеев) также считает нецелесообразным печатать письмо Ахматовой.

(В.Кружков)

6.IV.1950 г.

Публикация
Е. УЛЬКО

ИЗ ЦИКЛА «СЛАВА МИРУ»

Клеветникам

1.
Напрасно кровавою пеленой
Вы страну нашу мните покрыть, —
Восстанут народы живой стеной
И скажут: «Тому не быть!»

Уже полмиллиарда новых друзей
Прислали нам свой привет,
И в старой Европе все больше людей,
Которым с каждой минутой ясней,
Откуда приходит свет.
2.
Когда б вы знали, как спокойно
Здесь трудовая жизнь течет,
Как вдохновенно, как достойно
Страна великая живет,

Как все здесь говорит о мире,
Восходят новые леса,
Все полнозвучнее и шире
Звучат поэтов голоса,

Осуществленною мечтою
И счастьем полон каждый час,
И вы постыдной клеветою
Не смеете тревожить нас!

* * *

И он орлиными очами
Увидел с высоты Кремля,
Как пышно залита лучами
Преображенная земля.

Его трудов, его деяний
Пред ним несметные плоды,—
Громады величавых зданий,
Мосты, заводы и сады.

Свой дух вдохнул он в этот город
И отвратил от нас беду,—
Вот отчего так бодр и молод
Москвы необоримый дух.

И благодарного народа
Он слышит голос: «Мы пришли
Сказать: где Сталин, там свобода,
Мир и величие земли!»

Опубликовано в двухтомном собрании сочинений А. Ахматовой в США. Середина 60-х годов.

ВАЛЕНТИН ОСКОЦКИЙ

Подконвойная муза

За тебя я заплатила
Чистоганом,
Ровно десять лет ходила
Под наганом,
Ни налево, ни направо
Не глядела,
А за мной худая слава
Шелестела.

АННА АХМАТОВА
Поэма без героя.

Если б отыскать читателя, элементарно чуткого к поэтическому слову, но не знающего, что публикуемые стихотворения принадлежат перу Анны Ахматовой, и, закрыв это имя в заголовке публикации, предложить ему угадать автора стихов,— можно поручиться наверняка: ни в жизнь не угадает. Скорее всего назовет Лебедева-Кумача и десяток ему подобных льстивых, угодливых пресмыкателей. А коли по натуре саркастичен, предложит задним числом приз имени Нины Андреевой за худшие стихи на конкурсе конъюнктурных сталинистских бездарей.

Но факт фактом. Стихи написала Анна Ахматова. Великий русский поэт. Неподкупная совесть эпохи. Талант мужественный, честный, правдивый. Что же — будем снижать, заземлять эпитеты? Запоздало корить за прислужничество тоталитаризму, соглашательство со сталинизмом? Кощунством было бы рассуждать так...

Публикуемые стихи входят в цикл «Слава миру», датированный 1949—1950 годами.

Первое, как видит читатель по дате, вынесенной в заголовок, приурочено к 70-летию Великого и Мудрого: современники помнят, как юбилейному его дню был придан размах торжеств всенародных. Достаточно припомнить, что бесконечные списки адресатов, направивших Вождю и Учителю свои поздравления, «Правда» прекратила печатать только в марте 1953 года, когда юбиляр почти уже четырехлетней давности приказал долго жить. Последующие стихотворения воспевают счастливую жизнь под сталинским солнцем, которая тем счастливей и солнечней, чем безудержней преобразования всего и вся на свете, но раньше и прежде — безответной, беззащитной природы. Недаром был популярен в 30-е годы самохвальский шлягер: «По полюсу шагает, Меняет течения рек, Высокие горы сдвигает Советский простой человек». Словно в развитие его модной темы и А. Ахматова готова в 50-м перекроить географию страны: «Если мы захотим, осядет Памир, Путь изменит любая река». В сталинскую пору лесозащитных степных полос и «великих строек коммунизма», от роковых экологических и прочих последствий которых мы и по сей день не придумали, как избавиться, это звучало бодряще и завораживающе.

«Клеветникам» — рифмованная «контрпропагандистская» публицистика в двух частях. Надо ли обосновывать, как не по-ахматовски невыразительны, стерты, обезличены лозунгово-декларативные, фанфарно-патетические строки? Янтарную зарю, как и зарю величия, величавый гимн, «жаркое сердце вселенной», голубой рассвет и солнечный праздник, раскаты «сирен трудовых», ширь коммунизма и пр., и пр.— ни заменить, ни выбросить. Это — фактура стиха, лексическая и стилистическая норма поэтики.

А говоря иначе — чудовищный акт намеренного насилия поэта над своим редким, уникальным даром, который принесен в жертву задаче сугубо утилитарной. Сопротивляясь, незаемный стих отторгает от себя все чуждое, что ему навязывают, но, изнемогая под напором авторской воли, не выдерживает сопротивления и не звучит, как бывало, «задорен, нежен, на радость вам и мне», а выдает свое поражение нестерпимой фальшью. Закономерно: чем выше талант, тем менее способен он на приспособленчество к чему бы то ни было.

Зачем, ради чего понадобилось Анне Ахматовой, верша над собой насилие, обрекать себя на заведомое творческое поражение? Да еще подкреплять противоестественное действо письмом Илье Эренбургу, выпрашивая его авторитетного покровительства в неправом деле уличения «непрошенных опекунов» из-за кордона в их так называемой антисоветской «нечистой игре»?

Публикатор стихов и писем полагает, что все объясняется попыткой поэта вступить в сделку с душившей ее системой. Если это так, то правомерен вопрос: почему Анна Ахматова идет на нее не раньше и не позже, а именно в 1949—1950 годах? Разве не писала она, возвратившись в Ленинград из ташкентской эвакуации: «Лучше б я по самые плечи Вбила в землю проклятое тело, Если б знала, чему навстречу, Обгоняя солнце, летела»? Не пророчествовала незадолго до ждановского постановления: «Теперь меня позабудут, И книги сгниют в шкафу. Ахматовой звать не будут Ни улицу, ни строфу»? Не вопрошала и спустя десять лет на гребне «оттепели»: «Забудут?— вот чем удивили! Меня забывали сто раз, Сто раз я лежала в могиле, Где, может быть, я и сейчас. А Муза и глохла и слепла, В земле истлевала зерном, чтоб после, как Феникс из пепла, В эфире восстать голубом»?..

Как явствует из письма Александра Фадеева М. А. Суслову, писательский генсек, как никто другой знавший гибельную цену подобным сделкам, но всегда им потворствующий, в случае с Анной Ахматовой ликовать не спешил. К тому же и стихи ему не понравились: «неважные, абстрактные».

Истина приоткроется спустя несколько лет, когда достоянием общественного мнения станут рассекреченные личные судьбы многих и многих людей, не предназначавшиеся к печати факты, события их жизни, высвобожденные из-под плотных покровов государственной тайны. К тому же, 1950 году, когда сочинялся цикл «Слава миру», относятся «Черепки» — 4-х и 8-строчные стихотворения, которые исторгало сердце матери, «разлученной с единственным сыном»: «Вот и доспорился яростный спорщик, До енисейских равнин... Вам он бродяга, шуан, заговорщик, Мне он — единственный сын...». Или: «Семь тысяч и три километра... Не услышишь, как мать зовет В грозном вое полярного ветра, В тесноте обступивших невзгод. Там дичаешь, звереешь — ты, милый! Ты последний и первый, ты — наш. Над моей ленинградской могилой Равнодушная бродит весна...». И еще: «Кому и когда говорила, Зачем от людей не таю, Что каторга сына сгноила, Что Музу засекли мою»...

«Славой миру» Анна Ахматова спасала сына — Льва Николаевича Гумилева, отбывавшего в то время третий лагерный срок. Необходимо было предпринять нечто такое, что подняло бы в глазах литературных и партийных властей степень ее благонадежности. На это и был рассчитан вымученный цикл.

Как и инцидент, отозвавшийся множеством кривотолков в 1954, первом послесталинском, году. В мае была встреча Анны Ахматовой и Михаила Зощенко с делегацией английских студентов. Не ахти как деликатно — спишем это не на бестактность, а на незнание и непонимание наших абсурдистских порядков — юные гости спросили обоих писателей об отношении к ждановскому постановлению. «Согласна»,— ответила А. Ахматова. «Не согласен»,— заявил М. Зощенко. На проработочном собрании писателей в Ленинграде ахматовский ответ возводили в образец патриотического поведения, а ее «однодельца» клеймили как антипатриота. Ни молодой Даниил Гранин, сидевший на том собрании, ни другие очевидцы не предполагали, что лагерной судьбой сына Анна Ахматова «была опутана по рукам и ногам, она чувствовала себя заложницей».

Зато А. Фадеев знал это лучше других. И когда Анна Ахматова попросит вскоре его помощи в вызволении сына, он поддержит ее заявление о пересмотре «дела» своим письмом в Главную военную прокуратуру (написано 2 марта 1956 года, опубликовано в номере 12 «Нового мира» за 1961 год): «Я не знал и не знаю Л. Н. Гумилева, но считаю, что ускорить рассмотрение его дела необходимо, поскольку в справедливости его изоляции сомневаются известные круги научной и писательской интеллигенции. Сам он (согласно имеющимся в деле и дополнительно прилагаемым здесь документам крупных советских деятелей науки) является серьезным ученым и притом в той области, которая сейчас, при наших связях со странами Азии, нам особенно нужна: он историк-востоковед. Его мать — А. А. Ахматова — после известного постановления ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» проявила себя как хороший советский патриот: дала решительный отпор всем попыткам западной печати использовать ее имя и выступила в наших журналах с советскими патриотическими стихами. Она является в настоящее время высокохудожественной переводчицей лучших произведений поэзии наших братских республик, а также Запада и Востока. Патриотическое и мужественное поведение старого крупного поэта, после столь сурового постановления, вызвало глубокое уважение к ней в писательской среде, и А. Ахматова была делегатом на 2-м Всесоюзном съезде советских писателей».

Как видим, и плохие, но правильные стихи, и патриотический ответ английским студентам сыграли позитивную роль. Но кто теперь, спустя десятилетия, отважится укорить поэта в компромиссе?

Поставим цикл «Слава миру» в контекст сопредельных по времени создания произведений.

Еще до войны написан, многократно сожжен и заново восстановлен по памяти «Реквием», но продолжается работа над «Поэмой без героя», которую А. Ахматова писала четверть века, включая и первые послевоенные годы. Дорабатывается, шлифуется начатый до войны цикл «Тайны ремесла» и складывается из стихов разных лет цикл «Северные элегии». 1949 годом датирована «Колыбельная» («Я над этой колыбелью Наклонилась черной елью...»), 1953-м — четыре примечательные строки, посвященные памяти умершего в лагере Н. П. (Николая Пунина): «И сердце то уже не отзовется На голос мой, ликуя и скорбя. Все кончено... И песнь моя несется В пустую ночь, где больше нет тебя». О «Черепках» 1950 года уже говорилось...

В повседневье своего скудного и тяжкого быта Анна Ахматова не без оснований боялась многого: подслушанных разговоров и перлюстрированных писем, слежек и доносов, не однажды виденных обысков и арестов. Кроме того, она боялась переходить улицы. Однако все это не помешало ей не только написать, но и сохранить «Реквием». «Слава миру» в ее поэтическом наследии — все равно что страхи автора «Реквиема» перед уличным движением на Невском проспекте...

Разумеется, конформистский цикл не является фактом поэзии. Но он факт жизненной и творческой биографии поэта, вынужденного обречь себя пусть на недолгий, но все-таки компромисс с преступной античеловечной властью во имя материнской любви и материнского долга. И факт литературно-исторический, наглядно раскрывающий те противоестественные условия, в какие были поставлены таланты, обреченные тоталитарной системой казарменного социализма не на свободное, нестесненное саморазвитие, а на подавление самих себя, не на прорыв в вечность, а на сиюминутное услужение преходящей злобе дня. Многие не выдерживали политического прессинга — ломались, рушились, действительно становясь «колесиками и винтиками» в машине, по-ленински именуемой литературной частью общепартийного дела. Выстаивали единицы — те, кто наперекор всем и всему «держали планку»: художественности, духовности, нравственности.

Анна Ахматова — среди немногих. Один только раз в своей долгой жизни она попыталась уступить собственной совести, да тут же и не выдержала ее противодействия. «Одни глядятся в ласковые взоры, Другие пьют до солнечных лучей, А я всю ночь веду переговоры С неукротимой совестью моей» (1936)... Вот неукротимая и взбунтовалась против насилия над собой, выдала самовнушение лукавством, фальшью холодных, ремесленнических строк, вполне, впрочем, достойных идола, к которому были обращены. Так уже случалось до этого и с Осипом Мандельштамом, и с Борисом Пастернаком. Анна Ахматова лишь подтвердила общий закон: искусство никому не прощает неискренности. Даже лучшим из лучших, талантливым из талантливых.

РАКУРС
Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН.

Рождественские открытки начала XX века
из коллекции Ю.Комболина

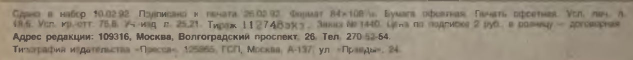

Сдано в набор 10.02.92. Подписано к печати 26.02.92. Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 75,6. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 112748 экз. Заказ № 1440. Цена по подписке 2 руб., в розницу — договорная.
Адрес редакции: 109316, Москва, Волгоградский проспект, 26. Тел. 270-52-54.
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

